

МЕТАМОРФОЗИС

ТОМ 10 № 3

2026

ISSN: 2658 3976

Метаморфозис

Учредитель

РОО «Сообщество профессиональных социологов»

Редакционный совет

И.О. главного редактора:

Тихон Шейнов, стажер-исследователь
Школа философии и культурологии
НИУ ВШЭ

Члены совета:

И.А. Аполлонов, д.филос.н., профессор
кафедра истории философии КГТУ

Д.Н. Дроздова
к.филос.н., доцент
Школа философии и культурологии
НИУ ВШЭ

А.Ю. Дудчик, к.филос.н.,
заместитель директора по науке
ИФ НАН Беларуси

В.А. Емелин
д.филос.н., профессор
Факультет психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова

О.А. Жукова
д.филос.н., профессор
Школа философии и культурологии
НИУ ВШЭ

В.М. Карелин
к.филос.н., доцент
Факультет философии РГГУ

И.С. Курилович,
к.филос.н., доцент
Факультет философии РГГУ

Н.Е. Покровский
д.соц.н., ординарный профессор
Факультет социальных наук НИУ ВШЭ

Metamorphosis

Institutional founder

RPO "Community of professional sociologists"

Advisory board

Acting Chief editor:

Tikhon Sheynov, Intern Researcher,
School of Philosophy and Cultural Studies
NRU HSE

Members:

I.A. Apollonov, D.Sc. (Philosophy), Professor,
Department of History of Philosophy, KSTU

D.N. Drozdova,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
School of Philosophy and Cultural Studies
NRU HSE

A.Yu. Dudchik, Cand. Sc. (Philosophy)
Deputy Director for Science
IP NAS, Belarus

V.A. Emelin
D.Sc. (Philosophy), Professor,
Department of Psychology
Lomonosov Moscow State University

O.A. Zhukova,
D. Sc. (Philosophy), Professor, School of
Philosophy and Cultural Studies
NRU HSE

V.M. Karelin, Cand. Sc. (Philosophy),
Associate Professor,
Department of Philosophy, RSSU

I.S. Kurilovich, Cand. Sc. (Philosophy),
Associate Professor,
Department of Philosophy, RSSU

N.E. Pokrovsky,
D.Sc. (Sociology), Full professor,
Department of Social Sciences NRU HSE

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор:
Тихон Шейнов

Технический редактор:
Тихон Шейнов

Литературное редактирование:
Софья Легавина
Умар Юсуфов
Даниил Мох
Анастасия Сухарева

Секция «Филология»:
Софья Залуцкая (руководитель)
Марина Толкачева

Секция «Философия»:
Иван Регульский (руководитель)
Евгений Ненадыщук

Секция «История»:
Артем Волков (руководитель)

Секция «Востоковедение»:
Алискендер Инков (руководитель)
Алина Ким

Оформление номера:
Елена Ашурова

Продвижение журнала:
Софья Легавина

Editorial board

Publishing editor:
Tikhon Sheynov

Technical editor:
Tikhon Sheynov

Literary editing:
Sofia Legavina
Umar Yusufov
Daniil Mokh
Anastasia Sukhareva

Section “Philology”:
Sofia Zalutskaya (Head)
Marina Tolkacheva

Section “Philosophy”:
Ivan Regulskiy (Head)
Evgeniy Nenadishuk

Section “History”:
Artem Volkov (Head)

Section “Oriental studies”:
Aliskender Inkov (Head)
Alina Kim

Design:
Elena Ashurova

Public relations:
Sophia Legavina

Дата публикации: 27.04.2026

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

ISSN: 2658 3976

e-mail: metamorphosis@hse.ru

Веб-сайт: metamorphosis.hse.ru

Telegram канал: <https://goo.su/UjBhqCz>

Адрес редакции: 105066, г. Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4, стр. 1

©Метаморфозис 2026

Publication date: 27.04.2026

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

ISSN: 2658 3976

e-mail: metamorphosis@hse.ru

Website: metamorphosis.hse.ru

Telegram channel: <https://goo.su/UjBhqCz>

Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., building
1, Moscow 105066 Russia

©Metamorphosis 2026

О журнале

«Метаморфозис» – это научное периодическое издание, публикующее результаты исследований молодых ученых в области социально-гуманитарных наук. В журнале публикуются исследования, рецензии, обзоры научных мероприятий и другие материалы, посвященные широкому спектру проблем философии, культуры и общества. Основными ценностями «Метаморфозиса» являются смелость и оригинальность философских высказываний, открытость к пересечению исследовательских и дисциплинарных горизонтов, а также соблюдение норм академической этики.

Цели журнала

- Внесение вклада в развитие отечественной исследовательской среды в сфере социально-гуманитарного знания;
- Вовлечение молодых ученых в интеллектуальный диалог, предоставление им площадки для научных высказываний и дискуссий;
- Привлечение внимания отечественных исследователей к актуальным произведениям российских и зарубежных авторов путем публикации переводов и рецензий;
- Популяризация философского знания в среде широкой образованной аудитории.

Предметные области

- Философия культуры и искусства;
- Философия науки и техники;
- Исследования русской философии и литературы;
- Социальная и политическая философия;
- История русской и зарубежной мысли.

Периодичность выпусков

3 раза в год

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://metamorphosis.hse.ru/>.

Журнал выпускается в рамках научно-исследовательского проекта школы философии и культурологии НИУ ВШЭ.

About the Journal

Metamorphosis is a scientific periodical that publishes the results of research by young scientists in the social and human sciences. The journal publishes research, reviews, reviews of scientific events and other materials devoted to a wide range of problems of philosophy, culture and society. The main values of Metamorphosis are courage and originality of philosophical statements, openness to crossing research and disciplinary horizons, as well as compliance with academic ethics.

Aims

- Contribution to the development of the domestic research environment in the field of social and humanitarian knowledge;
- Involvement of young scientists in intellectual dialogue, providing them with a platform for scientific statements and discussions;
- Attracting the attention of native researchers to the current works of Russian and foreign authors by publishing translations and reviews;
- Popularization of philosophical knowledge among a wide educated audience.

Subject areas

- Philosophy of Culture and Art;
- Philosophy of Science and Technics;
- Studies of Russian Philosophy and Literature;
- Social and political Philosophy;
- History of Russian and Foreign Thought.

Frequency of Issues

3 times a year

The journal is electronic and distributed free of charge. All articles are published in the public domain on the site: <http://metamorphosis.hse.ru/>.

The journal is published as a part of a research project at the HSE School of Philosophy and Cultural Studies.

Содержание

От редакции 7

Социально-философская мысль

Илья Павлов

Техника и искусство Татьяны Юрьевны Сидориной 10

Иван Курилович

Свобода философского труда как незавершенный проект:
в диалоге с мыслью Т.Ю. Сидориной 25

Александр Разин

Моральный абсолютизм 38

Философия музыки

Анна Ганжа, Максим Жиганов

Гюнтер Штерн-Андерс как философ музыки:
от критики «оптической» феноменологии к акустическому стереоскопу 51

Иван Куряков

История Георгия фон Мекка и его роль в становлении
перуанской музыкальной культуры 78

Александра Белякова

Античные мотивы «Русских сезонов» 86

Форум международной социологической ассоциации в Рабате: Воспоминания

Никита Покровский

Десять строк о пятом Форуме социологии Международной
социологической ассоциации (МСА). Рабат, июль 2025 100

Olga Simonova

Alienating Emotional Labor in Non-Western Societies: Problem or Norm? 103

Арсений Бучацкий

Понимая постаграрные исследования: постаграрность сельской местности России
как теоретическая оптика и прикладная методология 117

Алена Макшанчикова

Адаптивные стратегии горожан: гибридность городских и сельских практик
в освоении внегородского пространства 132

Contents

Editor's Introduction	7

Social and Philosophical Thought

Iliia Pavlov

Tatiana Sidorina's Technique and Art Research	10

Ivan Kurilovich

The Freedom of Philosophical Labor as an Unfinished Project: In Dialogue with Tatyana Sidorina's Thought	25

Alexander Razin

Moral Absolutism	38

Philosophy of Music

Anna Ganzha, Maxim Zhiganov

Günther Stern-Anders as a Philosopher of Music: From Critique of "Optical" Phenomenology to the Acoustic Stereoscope	51

Ivan Kuryakov

The History of Georgy von Meck and His Role in The Development of Peruvian Musical Culture	78

Aleksandra Beliakova

Ancient plots of the "Russian Seasons"	86

The International Sociological Association Forum in Rabat: Memoirs

Nikita Pokrovskiy

Ten Lines on the 5th Sociology Forum of the International Sociological Association (ISA). Rabat, July 2025	100

Olga Simonova

Alienating Emotional Labor in Non-Western Societies: Problem or Norm?	103

Arsenii Buchatskii

Understanding Post-Agrarian Research: Postagrarianism of Rural Russia as Theoretical Optics and Applied Methodology	117

Alena Makshanchikova

Urban Residents' Adaptive Strategies: The Hybrid Nature of Urban and Rural Practices in the Development of Peri-Urban Areas	132

Тема номера: Мир без поёсиса: в поисках утраченной гармонии. Памяти Т.Ю. Сидориной

Этот номер журнала «Метаморфозис» мы готовили с особым чувством — чувством глубокой признательности и светлой памяти. 25 сентября 2025 года ушла из жизни Татьяна Юрьевна Сидорина, доктор философских наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Метаморфозис», стоявшая у истоков факультетов социологии и философии в Высшей школе экономики. Для нас, ее коллег и учеников, этот выпуск стал возможностью не только почтить ее память, но и вступить в диалог с ее мыслью, которая продолжает звучать в самых разных исследовательских контекстах.

Татьяна Юрьевна принадлежала к числу исследователей, для которых философия никогда не была исключительно «геркулесовой работой» в кантовском смысле, но оставалась пространством живого творчества, вдохновения и подлинного «моцартианства». Ее интеллектуальные интересы простирались от социальной философии и теории труда до философии музыки и техники, от критики трудоцентризма до размышлений о кризисе культуры в современном мире.

Логика номера выстроена как многоголосый разговор, отражающий широту и глубину творческих интересов Татьяны Юрьевны. Так, раздел «Социально-философская мысль» открывается мемориальными статьями, которые задают тон всему выпуску. **И.И. Павлов** в своих «Воспоминаниях о творческом пути Т.Ю. Сидориной» предлагает не просто хронологию достижений, а попытку целостного взгляда на наследие Учителя. Автор ставит важный вопрос: можно ли увидеть в разнообразии тем — от философии техники до экономической социологии, от теории труда до музыкальных «профессорских сред» — единую систему мысли и мировосприятия, которую Татьяна Юрьевна передала следующим поколениям?

Эта тема целостности и преемственности получает развитие в статье **И.С. Куриловича** «Свобода философского труда как незавершенный проект: в диалоге с мыслью Т.Ю. Сидориной». Отталкиваясь от анализа трудоцентризма и кризиса досуга, предложенного Татьяной Юрьевной, автор показывает, что академическая среда подчинена тем же императивам продуктивности. Диалог с классической традицией позволяет Куриловичу обогатить понимание свободы философского труда как регулятивной идеи

и практики постоянной «сборки», вводя важные критерии различения подлинной свободы и «благоустроенной несвободы».

Вопрос о границах свободы и долженствования поднимается и в статье **А.В. Разина** «Моральный абсолютизм». Критически анализируя автономную (кантианскую) и гетерономную (религиозно-философскую) формы абсолютизма на примере концепций Канта и Вл. Соловьева, автор демонстрирует сложность и противоречивость попыток свести мораль к единому абсолютному принципу. Эта работа перекликается с постоянным интересом Татьяны Юрьевны к фундаментальным основаниям социальной теории и человеческого бытия.

Особое место в творчестве Татьяны Юрьевны занимала музыка, и это нашло отражение в разделе «Философия музыки». В статье «Гюнтер Штерн-Андерс как философ музыки...» **А.Г. Ганжа** и **М.Д. Жиганов** реконструируют малоизвестный этап биографии мыслителя, связанный с его несостоявшейся хабилитационной диссертацией о «музыкальных ситуациях». Они убедительно показывают, что разрозненность музыкального наследия Андерса — лишь ширма, за которой скрывается его последовательная приверженность феноменологическому методу. Понятие «музыкальной ситуации» предстает как инструмент преодоления предрассудков слушания, что созвучно чуткости самой Татьяны Юрьевны к живому звучанию мира.

Продолжает музыкальную тему исследование **И.А. Курякова** «История Георгия фон Мекка и его роль в становлении перуанской музыкальной культуры». Статья вводит в научный оборот уникальные архивные данные о судьбе внука знаменитой меценатки, эмигрировавшего в Перу и ставшего одним из основателей Национального симфонического оркестра. Эта работа — о преемственности культурной памяти, о связях между эпохами и континентами, об укорененности музыки в человеческих судьбах — темах, которые были глубоко созвучны Татьяне Юрьевне, соединявшей в своем творчестве Россию и остальной мир.

Статья **А.О. Беляковой** посвящена осмыслению феномена «Русских сезонов» С.П. Дягилева и роли античных сюжетов в формировании неоклассического балета начала XX века. На материале двух этапных постановок 1912 года — «Послеполуденного отдыха фавна» В. Нижинского и «Дафниса и Хлои» М. Фокина — автор выявляет механизмы взаимодействия хореографии, музыки и сценографии как целостного художественного высказывания. Оригинальность исследования заключается в комплексном анализе того, как обращение к архаике (древнегреческая вазопись, скульптура) и классике стало не стилизацией, а инструментом радикального обновления академического балета. Автор показывает, как диалог с античностью позволил синтезировать «античную пластику» с эстетикой модерна, превратив «Русские сезоны» в центр притяжения новаторских художественных интересов эпохи.

Завершает номер блок статей, посвященных событиям Пятого Всемирного форума социологии Международной социологической ассоциации, прошедшего в Рабате в июле 2025 года. Эта подборка не случайна: интерес Татьяны Юрьевны к социальной теории, к диагностике состояния современного общества и его институтов находит здесь живое продолжение. Раздел открывается заметками **Н.Е. Покровского**, который делится размышлениями о значении таких форумов в современную эпоху геополитической фрагментации, видя в них не только возможность знакомства с новыми идеями, но и уникальный шанс для «включенного наблюдения» за состоянием мировой социологии как диагностической дисциплины.

Работа **О.А. Симоновой** представляет собой расширенную версию доклада, представленного на форуме, и посвящена концептуализации эмоционального труда в контексте проблемы отчуждения. Автор убедительно демонстрирует культурную вариативность этого феномена, ставя под вопрос универсальность западных моделей и обосновывая необходимость их пересмотра при анализе незападных обществ. Тем самым исследование вносит вклад в деколонизацию социологического знания — проблематику, безусловно близкую теоретическим поискам Татьяны Юрьевны.

Статья **А.Г. Бучацкого** также подготовлена по итогам участия в Рабатском форуме и носит программный характер. Автор предлагает оригинальную концептуализацию постаграрности как теоретической оптики для исследования российских сельских территорий. Опираясь на опыт междисциплинарного проекта, поддержанного грантом РНФ, он обосновывает эвристическую ценность этого подхода как для фундаментального анализа, так и для выработки мер социальной политики. Работу отличает рефлексия о природе научного знания и его связи с потенциалом социальных изменений.

Наконец, исследование **А.Ю. Макшанчиковой**, также вписанное в контекст современной деурбанистической повестки, обращается к феномену трансформации дачного пространства. На материале глубинных интервью автор раскрывает механизмы интеграции городских и сельских практик, демонстрируя, как формируются новые типы социальных связей и устойчивые формы жизненного уклада, в которых цифровые технологии играют ключевую роль, стирая традиционные границы между городом и внегородскими территориями.

Представляя этот номер, редакция выражает надежду, что он станет не просто собранием статей, но пространством живой мысли и благодарной памяти, где голоса авторов складываются в единую полифонию и одновременно каждый текст вступает в диалог с идеями и интуициями Татьяны Юрьевны Сидориной — философа, учителя, человека редкой душевной щедрости и интеллектуального мужества.

выпускающий редактор выпуска, Анастасия Валерьевна Углева

Техника и искусство Татьяны Юрьевны Сидориной

Илья Павлов, кандидат философских наук, доцент, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), elijahpavloff@yandex.ru

В статье ставится вопрос о том, каким образом наследие Татьяны Юрьевны Сидориной, посвященное не только разным темам (от музыки и техники до проблем сферы труда и государства всеобщего благосостояния), но и различным областям (от экономической социологии и социальной теории до философии и культурных проектов), может быть воспринято как целостная система мысли и мировосприятия. Для этого рассматриваются отношения между техникой и искусством в исследованиях и университетской практике Татьяны Юрьевны. В первой части статьи анализируется рефлексия Т. Ю. Сидориной о технике, во многом связанная с проектом романтизма, а также созвучная философии Хайдеггера и особенно ее развитию у Бибихина. Во второй части анализируются исследования и учебные курсы Татьяны Юрьевны, посвященные проблеме труда в ракурсе социальной теории, и демонстрируется, что именно отношение Т. Ю. Сидориной к теме труда и праздности и оказывается той точкой, которая позволяет лучше понять как позицию исследовательницы по вопросу о технике в последние годы, так и тот академический габитус, который практиковала Татьяна Юрьевна.

Ключевые слова: философия культуры, философия техники, философия музыки, социология труда, романтизм, Т.Ю. Сидорина

Для цитирования: Павлов И.И. Техника и искусство Татьяны Юрьевны Сидориной // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 10-24.

Дата поступления: 13.03.2026.

25 сентября 2025 года не стало Татьяны Юрьевны Сидориной — доктора философских наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, главного редактора журнала «Метаморфозис». Татьяна Юрьевна стояла у истоков создания факультета философии (ныне — Школа философии и культурологии) Высшей школы экономики, где успела подготовить многих учеников, к числу которых себя относит и автор этих строк.

Что нам оставила Татьяна Юрьевна? Множество книг, статей, посвященных не только самым разным темам, от музыки и техники до проблем сферы труда и государства всеобщего благосостояния, но и различным областям — философии, экономической социологии, социальной теории. Нельзя не вспомнить и яркие проекты Татьяны Юрьевны в области искус-

ства — в частности, организуемые ею «профессорские среды» в профессорском клубе здания ВШЭ на Мясницкой, где по приглашению Татьяны Юрьевны с концертами, открытыми для всех сотрудников Вышки и гостей мероприятия, выступали молодые, но титулованные музыканты, а в фойе клуба выставлялись акварели самой Татьяны Юрьевны¹.

Но можно ли не только отметить вклад Татьяны Юрьевны в эти области по отдельности, не только сослаться на те или иные конкретные результаты ее работ — а обычно именно так и выглядит признание вклада исследователя, — но еще и посмотреть на нее тем взором, каким мы обычно смотрим на философов прошлого, оценить ее работу и ее образ целостно, увидеть в этой работе целостную систему мысли и мировосприятия², которую *par excellence* Татьяна Юрьевна и передает следующим поколениям исследователей, философов и теоретиков? И если да, то как можно эту целостность раскрыть? В каком отношении друг ко другу находятся различные области работы Татьяны Юрьевны?

Поворот к искусству в рефлексии о технике

Начнем с проектов Татьяны Юрьевны последних лет — проектов по философии техники³. В своих исследованиях, включая доклады и реплики на конференциях, Татьяна Юрьевна критически оценивала негативные аспекты технологического развития, однако искала альтернативу одностороннему технопессимизму и алармизму. Научный поиск привел исследовательницу к романтическому пониманию науки и техники, в котором техническое не противопоставлялось искусству, в частности — музыке. Большим значением здесь для Татьяны Юрьевны обладала русская мысль, из которой исследовательница особо выделяла рефлексию В. Ф. Одоевского. В целом свою позицию по проблеме технологического развития Татьяна Юрьевна обозначила формулой «прогресс, который мы потеряли»: не выступая против самой идеи научно-технического прогресса, не призывая к некоему неолуддизму, Татьяна Юрьевна показывала, что сам прогресс можно понимать по-разному — и далеко не обязательно отрывать науку и технику от того целостного культурного и духовного восприятия мира и человека, характерного для былых эпох и репрезентируемого в искусстве, особенно — в классической музыке⁴.

¹ См. напр.: «Профессорские среды» объединили музыку и живопись // Портал НИУ ВШЭ. 5 мая 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/communication/149294049.html> (дата обращения: 08.03.2026).

² Ср.: Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011. С. 30–37.

³ В 2023–2024 гг. Татьяна Юрьевна участвовала в проектах «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX–XXI века как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности» (РНФ) и «Разработка Индекса основных понятий (Index rerum) философии техники от Э. Каппа до современных теорий СТС» (ФГН НИУ ВШЭ).

⁴ См.: Сидорина Т.Ю. Прогресс, который мы потеряли: о выборе альтернативных путей со-

Как можно оценить выводы Татьяны Юрьевны, позиционируя их в истории социальной и философской мысли? К какому направлению относится рефлексия Татьяны Юрьевны?

Как мы уже сказали, понимание отношений науки, техники и искусства в мысли Татьяны Юрьевны можно оценить как романтическое; зачастую этот романтизм был эксплицитным — когда, например, исследовательница писала о значении Одоевского. Значит ли это, что Татьяна Юрьевна предлагает нам априори обреченную на провал попытку возродить нечто безвозвратно устаревшее? На наш взгляд, отнюдь нет. В отношении вопроса о соотношении техники и искусства, о поиске некоего целостного, углубленного восприятия себя и мира, альтернативного рационализму наукотехники, романтизм вполне может быть рассмотрен как частный случай компенсации модерна в смысле О. Маркварда и Г. Люббе⁵. Характерен в этом отношении и интерес Татьяны Юрьевны к истории русской мысли⁶, поскольку в последней значимую роль традиционно играет компенсаторная линия в отношении к модерну⁷. При этом немецкую теорию компенсации модерна можно продуктивно дополнить теорией маятниковых колебаний А. В. Михайловского: согласно исследователю, проактивные фазы модернизации (связанные с рационализмом, техникой и проч.) и фазы компенсаторные (техноскептицизм) чередуются по принципу маятника, будучи диалектическими моментами внутри самого модерна⁸. В рамках такого видения нет ничего удивительного в актуализации романтического мировосприятия, даже если в качестве вдохновения берутся тексты из первой половины XIX века. Далее мы еще раз увидим, как Татьяна Юрьевна актуализирует нечто на первый взгляд устаревшее.

циального развития и противостоянии технической экспансии в русской философии XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Социология. Философия. Искусствоведение». 2023. № 4, ч. 2. С. 235–245; Сидорина Т. Ю. Рефлексия о технике в социальной мифологии В.Ф. Одоевского: финал романтического механицизма // Философия науки и техники. 2024. Т. 29. № 1. С. 48–60. О России и музыке также см.: Сидорина Т.Ю. Русский язык как основа музыкальной культуры России в контексте философско-эстетического дискурса // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. № 5. С. 161–168; Sidorina T., Karpinsky I. “The Collapse of Empires” in Music of the Twentieth Century: France – Russia, Maurice Ravel – Igor Stravinsky // Studies in East European Thought. 2023. Vol. 75. № 4. P. 671–689.

⁵ Об этой теории см.: Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда: препринт WP20/2014/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

⁶ Его мы видим и в более ранних работах исследовательницы. См.: Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

⁷ См.: Соловьев А.П. Русская религиозная философия XIX — первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культур-критике и конфессионализации // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 1 (13). С. 118–134; Павлов И.И. Полюс активности и полюс пассивности в экзистенциальной рефлексии о технике в русской философии: Николай Бердяев и Владимир Библихин // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 27–43.

⁸ Михайловский А.В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.

Помимо романтизма XIX века, мысль Татьяны Юрьевны демонстрирует близость философии техники М. Хайдеггера (чей вектор также может быть рассмотрен как романтический⁹). Именно Хайдеггер, как мы помним, критикуя технику как связанную с онтологической логикой поставы, предложил вслушаться в античное *téχνη*, услышать в нем значение искусства и совершить поворот к поэтическому раскрытию бытия как альтернативному техническому¹⁰. В своей критике техники Хайдеггер говорил не о технических изобретениях, в которых не видел ничего дурного, но о стоящем за техникой типе мышления, связанном с основаниями новоевропейской науки — математизированным естествознанием и картезианской философией, ставящей субъекта в центр¹¹. Науку Хайдеггер критиковал достаточно радикально, утверждая, в частности, что «наука не мыслит»¹².

Будучи созвучна хайдеггерианскому повороту от техники к искусству, мысль Татьяны Юрьевны, однако, на наш взгляд, все же более близка продолжению философии Хайдеггера у В. В. Библихина, чем буквальному следованию проекту немецкого мыслителя (на которое Татьяна Юрьевна никогда и не претендовала). В чем же специфика подхода именно Библихина?

Библихин, предлагая, вслед за Хайдеггером, обратиться к философии и искусству как восполняющему то, чего не хватает технике и что способно противостоять эксплуатирующему технику типу мышления — Библихин называет его «грабежом»¹³, — не отождествляет последний тип мышления с европейской наукой целиком. Детально работая — в отличие от Хайдеггера — с наследием итальянского Ренессанса, Библихин обнаруживает, что в ранних проектах науки сохранялось то отношение человека к миру, которое культивировали поэты; наиболее ярко это отношение оказывается представлено в инженерной мысли Леонардо да Винчи. Однако проект Ренессанса не был выдержан европейской мыслью и культурой, и научная теория и практика пошла по другому пути¹⁴. Иными словами, согласно философии Библихина, причиной негативных аспектов научно-технической цивилизации оказывается не европейская наука в целом, а тот вектор, по которому она пошла, разорвав связь технического и поэтического. Именно такому нарративу оказывается наиболее созвучна формула Татьяны Юрьевны «прогресс, который мы потеряли»¹⁵.

⁹ Достаточно вспомнить и значение для Хайдеггера поэзии Гёльдерлина, и ряд параллелей с философией Шеллинга, особенно в плоскости онтологии времени.

¹⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

¹¹ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

¹² Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник. М.: Высшая школа, 1991. С. 137.

¹³ Библихин В.В. Философия и техника // Библихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 347–362.

¹⁴ Подробнее см.: Библихин В.В. Новый ренессанс. М.: Наука, Прогресс-Традиция, 1998.

¹⁵ Татьяна Юрьевна ссылалась на Библихина. См.: Сидорина Т.Ю. Прогресс, который мы

Также при сопоставлении направлений исследовательского поиска Татьяны Юрьевны с мыслью Бибихина мы понимаем, что Татьяна Юрьевна неслучайно стала особенно выделять наследие русской мысли и культуры, ее актуальность для поиска целостного восприятия, не противопоставляющего техническое и поэтическое: о значимости России как «другого начала» в связи с возможностью «другого решения», чем выбор Европы, сделавшей ставку на человеческий активизм научно-технической цивилизации, писал и Бибихин¹⁶.

Так, осмысляя тот акцент на искусстве, на философии и культуре романтизма и на русской мысли, который делает Татьяна Юрьевна в исследованиях по философии техники, в более широком контексте философии и социальной теории мы лучше понимаем, каким образом философские исследования Татьяны Юрьевны соединялись с ее интересом к искусству, особенно к музыке, в целостный образ. Однако не все так просто. В частности, мы отметили, что Татьяна Юрьевна искала именно примирения техники с искусством, не оценивая сами технику и научную рациональность негативно. Но, как отметил в реплике на конференции памяти Татьяны Юрьевны А. В. Михайловский¹⁷, склонность к скорее положительной оценке техники была у Татьяны Юрьевны не всегда, и в более ранних книгах исследовательницы, посвященных философии кризиса и феномену кризисного сознания¹⁸, мы видим яркий образец техноскептицизма, отличающийся от позиции Татьяны Юрьевны последних лет¹⁹.

Почему же позиция Татьяны Юрьевны изменилась? Почему исследовательница пошла по пути поиска гармонического сочетания технического и поэтического, а не отвержения техники и научной рациональности? Для ответа на этот вопрос нам необходимо указать, что, кроме предметного поля философии техники, наука (поскольку мы можем говорить о науке не только как о системе теоретического знания, но и как о социальном институте — академии) и искусство связаны еще с одним аспектом мысли Татьяны Юрьевны — проблемой труда в поле социальной теории.

Техника и досуг в социальной рефлексии о труде

Тема труда — одна из основных в исследованиях Татьяны Юрьевны Сидориной. Помимо монографий²⁰ и многочисленных статей, свое видение

потеряли... С. 241.

¹⁶ Об этом подробнее см.: Павлов И.И. Владимир Бибихин как философ техники // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9. № 1. С. 305–346.

¹⁷ Конференция «Мир без поейсеса: в поисках утраченной гармонии. Памяти Т.Ю. Сидориной» в НИУ ВШЭ, 28 ноября 2025 г.

¹⁸ Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. М.: РГГУ, 2002; Сидорина Т. Ю. Философия кризиса. М.: Флинта, Наука, 2003.

¹⁹ Пожалуй, наиболее яркие суждения Татьяны Юрьевны против неолуддизма прозвучали в репликах на конференциях и в личных разговорах.

²⁰ Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018; Сидори-

феномена труда Татьяна Юрьевна представляла на нескольких курсах, посвященных феномену труда в зеркале социальной теории и философии — в частности, на курсе «Современность под увеличительным стеклом»²¹. В рамках этого курса Татьяна Юрьевна, начиная с классических философских подходов к феномену труда (К. Маркс, Х. Арндт, Э. Юнгер и др.), далее переходила к вопросу о возможности государства всеобщего благосостояния (Welfare State) и связанной с этим вопросом проблеме социального иждивенчества. Завершался курс актуальными текстами о труде в позднем капитализме и об искусственном интеллекте. Характерно, что этот курс Татьяна Юрьевна постоянно обновляла, и в последний год добавила в его структуру тему по Д. Греберу.

Тематика курса последних лет, а также последние публикации Татьяны Юрьевны позволяют увидеть, что в последние годы Татьяна Юрьевна особенно интересовалась современной теорией посттрудового общества (postwork theory). Как это и видно из структуры курса, а также из публикаций Татьяны Юрьевны²², эту тему исследовательница рассматривала как исторически новую форму той проблематики, которая ранее в областях экономической социологии и социальной политики обсуждалась в связи с дискуссиями о проекте государства всеобщего благосостояния. Идеями Welfare State и социального государства Татьяна Юрьевна глубоко интересовалась, однако была вынуждена констатировать кризис этого проекта²³. Позволим себе предположить: в современной postwork theory Татьяну Юрьевну привлекло то же, что ранее — в социальной политике Welfare State, что особенно видно, если обратить внимание на значение идеи безусловного базового дохода в работах теоретиков посттрудового общества. И, на наш взгляд, во многом в связи с интересом к postwork theory Татьяна Юрьевна пересматривает отношение к технике, поскольку, согласно теоретикам посттрудового общества, именно всеобщая автоматизация позволит приблизить жизнь без необходимости труда²⁴.

Сама же необходимость каким-либо образом — с помощью ли некоего государственного проекта или дальнейшего развития технологий — решить проблему несвободного (идет ли речь о прямом рабстве или об экономическом принуждении) труда была в центре внимания Татьяны Юрьевны как в рамках обсуждаемого курса, так и в упомянутых выше монографиях.

на Т.Ю. Цивилизация труда. СПб.: Алетейя, 2014.

²¹ Этот курс реализовывался в НИУ ВШЭ в рамках майнора «В лабиринтах сложного общества». В ноябре-декабре 2025 года он прошел под новым названием — уже после смерти Татьяны Юрьевны, но по ее проекту и на основе видеозаписей ее лекций.

²² См.: Сидорина Т.Ю., Заболотин М.Э. За пределами социального государства: от благосостояния к минимализму базового дохода // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 15–24.

²³ В частности, см.: Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013.

²⁴ Напр. см.: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.

В своей рефлексии исследовательница отталкивалась от философской классики. Так, она вспоминала, что в античной философии физический труд оценивался исключительно негативно, противопоставляясь досугу аристократии. Если же говорить о капиталистическом обществе модерна, то в рефлексии о нем Татьяна Юрьевна также выделяла традиции, выявляющие проблемы, связанные с феноменом труда. Речь идет как о марксизме, в особенности — о теории отчуждения К. Маркса²⁵, так и о теории действия Х. Арндт, отличавшей труд *animal laborans* от изготовления и свободного поступка и говорившей об опасности победы *animal laborans*²⁶. Особенно отметим, что в рамках марксистской традиции высоко ценила Татьяна Юрьевна идею «права на лень» Поля Лафарга²⁷, считая, что несмотря на значимость критики Марксом отчужденного труда, все-таки ортодоксальный марксистский тезис о трудовой сущности человека и связанная с ним борьба за право на труд (вместо права на лень) не дают человеку полной свободы. Татьяна Юрьевна видела актуальность принципа «права на лень» в контексте *postwork theory*²⁸.

Другой аспект рефлексии о труде в современной теории, связанный в том числе с проблемой безусловного базового дохода, — продолжение марксистской рефлексии об отчужденном труде. Понимая, что в позднем капитализме труд представляет собой нечто другое, чем тот труд, о котором размышлял Маркс²⁹, Татьяна Юрьевна ставила вопрос о том, существует ли отчужденный труд в современном нематериальном, «творческом» труде³⁰. Размышляя над этим, исследовательница особенное внимание уделяла концепции нематериального А. Горца, который, собственно, и показывал, что даже «пособие на существование» может вводиться таким образом, что будет поддерживать логику превращения человеком самого себя в товар, поскольку свободное время будет использоваться для «самосоздания» и инвестиций в себя³¹. Проблематике отчуждения оказывается родственна и теория «бредовой работы» Гребера³², которую, как мы уже отмечали, Татьяна Юрьевна в последний год добавила в курс.

²⁵ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303–358. Также см.: Бархатков А.И. Понятие отчуждения у позднего Маркса // Труды БГТУ. Серия 6. История. Философия. 2022. № 1. С. 137–141.

²⁶ Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

²⁷ См.: Лафарг П. Право на лень // Лафарг П. Право на лень. Религия капитала. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 3–29.

²⁸ См.: Сидорина Т.Ю., Сидельников И.А. Беструдовое общество: право на лень и новая мотивация труда // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 72–82.

²⁹ Ср.: Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС: социологические исследования. 2004. № 5. С. 77–86.

³⁰ Об этой проблематике см.: Третьяк А.Р. Отчуждение труда в контексте позднего капитализма: между универсальностью и виртуозностью // *Stasis*. 2022. Т. 13. № 1. С. 12–37.

³¹ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

³² Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад

Последнее занятие курса было посвящено искусственному интеллекту. О философии ИИ можно говорить в предметном поле философии сознания (продолжая дискуссии в духе «китайской комнаты» Дж. Серля); Татьяна Юрьевна же рассматривала проблематику ИИ в связи со сферой труда, наряду с автоматизацией³³, о значимости которой для *postwork theory* мы уже говорили. На курсе проблема ИИ рассматривалась на примере текста К. Келли, который призывал положительно относиться к тому, что ИИ все больше справляется с деятельностью, которую раньше мог выполнить только человек, не боясь, что машина заберет у человека рабочие места³⁴. В целом текст Келли написан максимально оптимистично — и теперь мы лучше понимаем, почему Татьяна Юрьевна подавала проблематику ИИ именно в таких тонах.

Так, мы видим, что положительное отношение к технике в последних работах Татьяны Юрьевны во многом вытекает из того факта, что техника, автоматизация, искусственный интеллект способны, согласно современным левым теоретикам, освободить нас от принудительной работы, предоставив нам досуг для творческой самореализации, — другими словами, еще и в этом отношении мы можем говорить о технике и искусстве, идущих рука об руку. Хотя Татьяна Юрьевна из героев своих курсов и книг симпатизировала именно идее «права на лень», считая принудительную работу фулл-тайм неестественным для человека состоянием, она подчеркивала, что освобождение от труда должно осуществляться не ради безделья и иждивенчества, а ради творчества.

На наш взгляд, эта рефлексия нашла отражение не только в теории Татьяны Юрьевны, изложенной ею в научных исследованиях и учебных курсах, но и в ее практике. Так, работа исследователя и преподавателя в академии, очевидно, может быть рассмотрена как частный случай нематериального труда — и, соответственно, рискует оказаться в зоне отчуждения в случае, если окажется целиком сведена к внешнему алгоритму. И характерно, что Татьяна Юрьевна добавляла в свой академический габитус аспекты, которые кому-то могут показаться неакадемичными. Речь не только о музыкальных проектах или о том, как Татьяна Юрьевна приглашала коллег, студентов и друзей на концерты классической музыки. Например, свои доклады на конференциях (в особенности — на конференциях Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога под рук. В.К. Кантора) Татьяна Юрьевна часто завершала музыкальными вставками, что отличало формат ее докладов от других. Помимо

Маргинем Пресс, 2020.

³³ Ср.: Сидорина Т.Ю., Глебов О.А., Сидельников И.А. Автоматизация и искусственный интеллект в трудовых практиках // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 3. С. 433–444.

³⁴ Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

этого, непосредственно курсы по музыке, которые Татьяна Юрьевна реализовывала в разных форматах (многолетний общеуниверситетский факультатив «История западноевропейской музыки: от Баха до Шенберга», курс по философии и социологии музыки для магистрантов-философов, курс в рамках вначале факультетского минора, а затем широкого бакалавриата), включали себя, помимо прослушивания больших музыкальных проектов, практику ассоциативного восприятия, в том числе в рамках эссе, что иногда вызывало у студентов, привыкших в современной академии к более формализуемым критериям, удивление.

«Неформальную» сторону своего академического габитуса Татьяна Юрьевна при этом не противопоставляла «формальной». Она не говорила, что ассоциативное восприятие музыки и концерты — это нечто, противоположное науке, требующее «уйти из академии» или по крайней мере в академии выступать за некий «иррационализм» или «интуитивизм». Говоря о проектах Татьяны Юрьевны по философии техники, мы уже отметили, что в ее теории (как и в философии Бибихина) поворот к искусству не требовал отказа от техники и научной рациональности: речь шла об обретении целостности, о гармонии рационального и поэтического, несводимого к формальному. То же касается и практики Татьяны Юрьевны.

В этой практике, поощрявшей разнообразие видов деятельности, мы видим явное продолжение идей из курса о труде. Вспомним одну из любимых цитат Татьяны Юрьевны:

Дело в том, что как только начинается разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться им, если не хочет потерять средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где каждый не ограничен исключительным кругом деятельности, а может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после обеда предаваться критике — как моей душе угодно, — не становясь в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком³⁵.

Когда мы задумываемся над теорией и практикой Татьяны Юрьевны в свете этого пассажа из Маркса и Энгельса, мы понимаем, что как в высокой оценке исследовательницей значения культуры для развития человека, так и в интересе к темам государства всеобщего благосостояния и посттрудового общества вряд ли могло не сказаться в том числе и наследие совет-

---

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. IV. М.: Партийное издательство, 1933. С. 23.

ской эпохи, очевидно, повлиявшее на Татьяну Юрьевну³⁶. В этом аспекте вновь, как и в случае с романтизмом, исследования Татьяны Юрьевны показывают, что нечто, казавшееся устаревшим, может приобрести актуальность, будучи созвучным современной мысли. Когда с *postwork theory* и не прекращающимся³⁷ интересом к проблемам труда вступает в диалог коммунистическая утопия, мы понимаем, что различие «современного» и «несовременного» не так уж важно, ведь в конце концов важно — вечное.

Литература

Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Бархатков А.И. Понятие отчуждения у позднего Маркса // Труды БГТУ. Серия 6. История. Философия. 2022. № 1. С. 137–141.

Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС: социологические исследования. 2004. № 5. С. 77–86.

Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+, 2011.

Бибихин В.В. Новый ренессанс. М.: Наука, Прогресс-Традиция, 1998.

Бибихин В.В. Философия и техника // Бибихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 347–362.

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Козн Дж. Неработа. Почему мы говорим «стоп». М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.

Лафарг П. Право на лень // Лафарг П. Право на лень. Религия капитала. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 3–29.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303–358.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. IV. М.: Партийное издательство, 1933. С. 2–540.

Михайловский А.В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.

³⁶ Здесь можно вспомнить, что в видеолекции курса по социологии труда Татьяна Юрьевна, в частности, добавляла вставки из советского кино и мультипликации.

³⁷ Характерно, что книги, посвященные теме усталости от труда, продолжают выходить. Из недавнего см. напр.: Козн Дж. Неработа. Почему мы говорим «стоп». М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.

Павлов И.И. Владимир Библихин как философ техники // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2025. Т. 9. № 1. С. 305–346.

Павлов И.И. Полнос активности и полюс пассивности в экзистенциальной рефлексии о технике в русской философии: Николай Бердяев и Владимир Библихин // *Метаморфозис.* 2025. Т. 9. № 3. С. 27–43.

«Профессорские среды» объединили музыку и живопись // Портал НИУ ВШЭ. 5 мая 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/communication/149294049.html> (дата обращения: 08.03.2026).

Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда: препринт WP20/2014/06. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013.

Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018.

Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. М.: РГГУ, 2002.

Сидорина Т.Ю. Прогресс, который мы потеряли: о выборе альтернативных путей социального развития и противостоянии технической экспансии в русской философии XIX–XXI вв. // *Вестник РГГУ. Серия «Социология. Философия. Искусствоведение».* 2023. № 4, ч. 2. С. 235–245.

Сидорина Т.Ю. Рефлексия о технике в социальной мифологии В.Ф. Одоевского: финал романтического механизма // *Философия науки и техники.* 2024. Т. 29. № 1. С. 48–60.

Сидорина Т.Ю. Русский язык как основа музыкальной культуры России в контексте философско-эстетического дискурса // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2019. № 5. С. 161–168.

Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта, Наука, 2003.

Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда. СПб.: Алетейя, 2014.

Сидорина Т.Ю., Глебов О.А., Сидельников И.А. Автоматизация и искусственный интеллект в трудовых практиках // *Журнал исследований социальной политики.* 2022. Т. 20. № 3. С. 433–444.

Сидорина Т.Ю., Заболотин М.Э. За пределами социального государства: от благосостояния к минимализму базового дохода // *Вопросы философии.* 2022. № 5. С. 15–24.

Сидорина Т.Ю., Сидельников И.А. Беструдовое общество: право на лень и новая мотивация труда // *Вопросы философии.* 2024. № 8. С. 72–82.

Соловьев А.П. Русская религиозная философия XIX — первой половины XX вв. в контексте истории религии: от религиозной конверсии к культур-критике и конфессионализации // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2022. № 1 (13). С. 118–134.

Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.

Третьяк А.П. Отчуждение труда в контексте позднего капитализма: между универсальностью и виртуозностью // *Stasis*. 2022. Т. 13. № 1. С. 12–37.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Хайдеггер М. Время картины мира // *Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

Хайдеггер М. Что значит мыслить? // *Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник*. М.: Высшая школа, 1991. С. 134–145.

Sidorina T., Karpinsky I. “The Collapse of Empires” in Music of the Twentieth Century: France – Russia, Maurice Ravel – Igor Stravinsky // *Studies in East European Thought*. 2023. Vol. 75. № 4. P. 671–689.

References

Arendt H. *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni* [The Human Condition]. Moscow: Ad Marginem Press, 2017 (in Russian).

Barchatkou A. “Ponjatie otchuzhdenija u pozdnego Marksa” [Late Marx’s Concept of Alienation]. *Proceedings of BSTU, Issue 6, History, Philosophy*. 2022. N. 1. P. 137–141 (in Russian).

Bauman Z. “Vozvyshenie i upadok truda” [The Rise and Fall of Labour], *SOCIS: sociologicheskie issledovanija*. 2004. N. 5. P. 77–86. (in Russian).

Betti E. *Germenevtika kak obshchaja metodologija nauk o dukhe* [Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften]. Moscow: Kanon+, 2011 (in Russian).

Bibikhin V. “Filosofiya i tekhnika” [Philosophy and Technology], in: Bibikhin V.V. *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. Saint Petersburg: Nauka, 2003. P. 347–362 (in Russian).

Bibikhin V. *Novyi renessans* [The New Renaissance]. Moscow: Nauka, Progress-Traditsiya, 1998 (in Russian).

Cohen J. Nerabota. *Pochemu my govorim “stop”* [Not Working. Why We Have to Stop]. Moscow: Ad Marginem Press, 2025 (in Russian).

Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [L’immatériel. Connaissance, valeur et capital]. Moscow: Izd. dom GU-VShJe, 2010 (in Russian).

Graeber D. *Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow: Ad Marginem Press, 2020 (in Russian).

Heidegger M. “Chto znachit myslit’?” [Was heißt Denken?], in: Heidegger M. *Razgovor na proselochnoj doroge: sbornik* [A Conversation on a Country Road: A Collection]. Moscow: Vysshaja shkola, 1991. P. 134–145 (in Russian).

Heidegger M. “Vopros o tekhnike” [Die Frage nach der Technik], in: Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Zeit und Sein: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika, 1993. P. 221–238 (in Russian).

Heidegger M. “Vremya kartiny mira” [Die Zeit des Weltbilde], in: Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Zeit und Sein: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika, 1993. P. 41–62 (in Russian).

Kelly K. Neizbezhno. *12 tehnologicheskikh trendov, kotorye opredel'ajut nashe budushhee* [The Inevitable. Understanding the 12 Technological Forces that Will Share Our Future]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2017 (in Russian).

Lafargue P. “Pravo na len” [Le Droit à la paresse]. In: Lafargue P. *Pravo na len'. Religija kapitala* [Le Droit à la paresse. La Religion du Capital]. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM”, 2012. P. 3–29 (in Russian).

Marx K. “Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda” [Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844], in: Marx K. *Jekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 and Other Early Philosophical Works]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2010. P. 303–358 (in Russian).

Marx K., Engels F. “Nemeckaja ideologija” [Die deutsche Ideologie], in: Marx K., Engels F. *Sochinenija* [Works]. Vol. 4. Moscow: Partijnoe izdatel'stvo, 1933. P. 2–540 (in Russian).

Mihajlovskij A. *Majatnik moderna: diskussii o tehnike v Germanii* [The Pendulum of Modernity: Discussions on Technology in Germany]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2024 (in Russian).

Pavlov I. “Vladimir Bibihin kak filosof tehniki” [Vladimir Bibihin as a Philosopher of Technology], *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2025. Vol. 9. N. 1. P. 305–346 (in Russian).

Pavlov I. I. “Poljus aktivnosti i poljus passivnosti v jekzistencial'noj refleksii o tehnike v russkoj filosofii: Nikolaj Berdjaev i Vladimir Bibihin” [The Pole of Activity and the Pole of Passivity in Existential Reflection on Technology in Russian Philosophy: Nikolai Berdyaev and Vladimir Bibihin], *Metamorphosis*, 2025. Vol. 9. N. 3. P. 27–43 (in Russian).

“Professorskie sredy' ob'edinili muzyku i zhivopis” [“Professor's Wednesdays” United Music and Painting], HSE University Portal [Electronic resource]. URL: <https://www.hse.ru/news/communication/149294049.html> (date of access: 08.03.2026) (in Russian).

Rumjanceva M. *Kompensatornaja teorija v rabotah Germana Ljubbe i Odo Markvarda* [Compensatory Theory in the Works of Hermann Lübbecke and Odo Marquard]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014 (in Russian).

Sidorina T. “Progress, kotoryj my poterjali: o vybore al'ternativnyh putej social'nogo razvitija i protivostojanii tehničeskoj jekspansii v russkoj filosofii XIX–XXI vv.” [Progress that We Have Lost. On the Choice of Alternative Ways of Social Development and Opposition to Technical Expansion in Russian Philosophy of the 19th – 21st Centuries], *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies”*. 2023. N. 4 (2). P. 235–245 (in Russian).

Sidorina T. “Refleksija o tehnike v social’noj mifologii V. F. Odoevskogo: final romanticheskogo mehanicizma” [Reflection on Technology in Social Mythology of V.F. Odoevsky: The End of Romantic Mechanicism], *Philosophy of Science and Technology*. 2024. Vol. 29. N. 1. P. 48–60 (in Russian).

Sidorina T. “Russkij jazyk kak osnova muzykal’noj kul’tury Rossii v kontekste filozofsko-jesteticheskogo diskursa” [Russian Language as the Basis of Musical Culture of Russia in the Context of Philosophical-Aesthetic Discourse], *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*. 2019. N. 5. P. 161–168 (in Russian).

Sidorina T. *Civilizacija truda* [Civilization of Labor]. Saint Petersburg: Aletejja, 2014 (in Russian).

Sidorina T. *Filosofija krizisa* [Philosophy of Crisis]. Moscow: Flinta, Nauka, 2003 (in Russian).

Sidorina T. *Gosudarstvo vseobshhego blagosostojanija: ot utopii k krizisu* [The Welfare State: From Utopia to Crisis]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2013 (in Russian).

Sidorina T. *Krizis XX veka: prognozy russkih myslitelej* [The Crisis of the 20th Century: Forecasts of Russian Thinkers]. Moscow: HSE University, 2001 (in Russian).

Sidorina T. *Paradoksy krizisnogo soznanija* [Paradoxes of Crisis Consciousness]. Moscow: RGGU, 2002 (in Russian).

Sidorina T. *Zhizn’ bez truda ili trud vo spasenie?* [Life without Labor or Labor for Salvation?] Saint Petersburg: Aletejja, 2018 (in Russian).

Sidorina T., Glebov O., Sidel’nikov I. “Avtomatizacija i iskusstvennyj intellekt v trudovyh praktikah” [Automation and Artificial Intelligence in Labour Practices], *Zhurnal issledovanij social’noj politiki*. 2022. Vol. 20. N. 3. P. 433–444 (in Russian).

Sidorina T., Karpinsky I. “The Collapse of Empires’ in Music of the Twentieth Century: France – Russia, Maurice Ravel – Igor Stravinsky”, *Studies in East European Thought*. 2023. Vol. 75. N. 4. P. 671–689.

Sidorina T., Sidel’nikov I. “Bestrudovoe obshhestvo: pravo na len’ i novaja motivacija truda” [Labour-Free Society: The Right to Laziness and New Motivation for Work], *Voprosy filosofii*. 2024. N. 8. P. 72–82 (in Russian).

Sidorina T., Zabolotin M. “Za predelami social’nogo gosudarstva: ot blagosostojanija k minimalizmu bazovogo dohoda” [Beyond the Welfare State: From Wealth to Minimalism in Basic Income], *Voprosy filosofii*. 2022. N. 5. P. 15–24 (in Russian).

Solovyov A. “Russkaja religioznaja filosofija XIX — pervoj poloviny XX vv. v kontekste istorii religii: ot religioznoj konversii k kul’tur-kritike i konfessionalizacii” [Russian Religious Philosophy of the XIX — first half of the XX Centuries in the Context of the History of Religion: From Religious Conversion to Cultural Criticism and Confessionalization], *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*. 2022. N. 1 (13). P. 118–134 (in Russian).

Srnicek N., Williams A. *Izobretaja budushhee. Postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press, 2019 (in Russian).

Tretiak A. “Otchuzhdenie truda v kontekste pozdnego kapitalizma: mezhdunarodnaya universal’nost’ju i virtuoznost’ju” [The Alienation of Labor in the Context of Late Capitalism: Between Universality and Virtuosity], *Stasis*. 2022. Vol. 13. N. 1. P. 12–37 (in Russian).

Tatiana Sidorina’s Technique and Art Research

Ilia Pavlov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Junior Research Fellow, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), elijahpavloff@yandex.ru

This article addresses the question of how the legacy of Tatiana Sidorina, which encompasses a wide range of topics (from music and technology to issues related to labor and the welfare state) and various fields (including economic sociology, social theory, philosophy, and cultural projects), can be perceived as a coherent system of thought and worldview. To explore this, the article examines the relationships between technology and art in Tatiana Sidorina’s research and university practices. The first part of the article analyzes T. Sidorina’s reflections on technology, which are largely connected to the project of Romanticism and resonate with Heidegger’s philosophy, particularly its development in the works of Bibikhin. The second part investigates T. Sidorina’s research and courses focused on the issue of labor from the perspective of social theory, demonstrating that her approach to the themes of labor and idleness serves as a crucial point for understanding both her recent views on the phenomenon of technology and the academic habitus she practiced.

Keywords: philosophy of culture, philosophy of technology, philosophy of music, sociology of labor, romanticism, Tatiana Sidorina

For citation: Pavlov I.I. (2026) Tatiana Sidorina’s Technique and Art Research // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 10-24.

Date of receipt: 13.03.2026.

Свобода философского труда как незавершенный проект: в диалоге с мыслью Т.Ю. Сидориной

Иван Курилович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра феноменологической философии, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), ikrlvtch@gmail.com

В статье рассматривается проблема условий свободы философского труда в контексте философии труда Татьяны Юрьевны Сидориной. Отталкиваясь от её анализа трудоцентризма и кризиса досуга в современном обществе, автор показывает, что академическая философия не составляет исключения и подчиняется тем же режимам занятости, продуктивности и отчётности, что и иные формы труда. На материале классической традиции и современных дискуссий предлагается схема из трёх оснований свободы философской деятельности: имущественная независимость, внутренняя автономия совести и разума, а также институциональные гарантии университетской и научной автономии. Проводится критический разбор каждого основания по отдельности и их сочетания. Обосновывается понимание свободы философского труда как регулятивной идеи и как практики постоянной «сборки» отношений между философом и институтами знания. В завершение формулируются три критерия различения свободы и благоустроенной несвободы философского труда — времени, цели и критики, а также обсуждается необходимость защиты не только права говорить, но и права на тишину и непродуктивный досуг.

Ключевые слова: философия труда, академический труд, интеллектуальный труд, свобода и автономия в науке, трудоцентризм, неолиберальный университет, досуг и выгорание

Для цитирования: Курилович И.С. Свобода философского труда как незавершенный проект: в диалоге с мыслью Т.Ю. Сидориной // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 25-37.

Дата поступления: 19.01.2026.

Вопрос о соотношении труда и свободы имеет давнюю философскую историю — от рассуждений Сократа о призвании философа до современных дискуссий о роли работы в жизни человека. Сегодня в память о Татьяне Юрьевне Сидориной мы при решении поставленного вопроса возьмем именно ее идеи как точку начала нашего анализа. Она развивала философию труда и анти-труда, предлагая взгляд на труд как парадоксальный фе-

номен современной цивилизации, захвативший смыслы и идентичность: труд становится источником самореализации, но одновременно ведёт к усталости, отчуждению и тотальной занятости. В своей монографии «Цивилизация труда: заметки социального теоретика» (СПб.: Алетейя, 2014, 2020) и ряде статей последних 10-15 лет¹ Татьяна Юрьевна показала, что отношение к труду исторически изменчиво и амбивалентно: от презрительного неприятия в древности до возвышения в индустриальную эпоху, пока в конце XX в. не оформляется идея «конца труда» в контексте вопроса о смысле жизни — оформляется как отказ от идеи труда как образа жизни. В ее книге мы читаем: «Эта книга не о труде и не в его поддержку. Эта книга против труда. Причиной ее написания было желание рассказать о том, каким несчастьем и ужасом человеческой жизни является труд, о том, как человек не хочет и не любит работать»². Эти размышления активного думающего и пишущего философа, которой нам уже не хватает, которая могла бы служить примером как в труде, так и в досуге, хочется сопоставить с вопросом обстоятельств уже именно философского труда или философского не-труда, творчества или даже философской занятости, философского образа жизни — мы намеренно перебираем варианты, не имея оснований сначала выбрать подходящий, и зная только, что, по крайней мере, к своей философии Татьяна Юрьевна не применила бы термин «работа». Итак, философствование как элитный досуг, творчество или как гнетущий труд — в любом случае оно зависит от социальных и институциональных рамок, и тем самым философствование, а значит и жизнь философа как философа, философский образ жизни сталкивается с противоречием пафоса свободы и обстоятельств неволи. Опираясь на классические идеи (Сократ, Платон, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Фуко и др.) о независимости мыслителя, систематизируя возможности и угрозы для свободы мысли философа, включенного в институты, мы рассмотрим концепцию труда Татьяны Юрьевны Сидориной и постараемся развить ее именно в вопросе труда философского.

Труд между несвободой и смыслом

В книге «Цивилизация труда» описывается модерное общество как режим, в котором труд перестает быть лишь средством жизнеобеспечения

¹ Сидорина Т.Ю. Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя, 2018; Сидорина Т.Ю., Ищенко, Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека // *Terra ecomoticus*. 2015. Т. 13. № 3. С. 136–146; Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // *Вопросы философии*. 2013. № 11. С. 3–14; Сидорина Т.Ю. Особенности человеческой деятельности в современную эпоху. Чем занять человека? // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 140–150; Сидорина Т.Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // *Вопросы философии*. 2015. № 3. С. 14–22; Сидорина Т.Ю. Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 22–33.

² Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2020. С. 8.

и становится центральной формой организации времени, самоописания и социального признания³. Труд задает ритм суток, биографические ожидания и даже способы «правильного» проведения свободного времени, он — парадоксальное основание человеческого существования. С одной стороны, труд необходим для самоутверждения личности, он придаёт жизни смысл и структуру; с другой — именно труд становится источником хронической усталости и несвободы. Технический прогресс и новые формы занятости на первый взгляд сокращают долю принудительного тяжелого труда (укорочение рабочего дня, гибкий график, удалённая работа), тем самым они могли бы вести к «концу труда», но одновременно они породили «патологическую зависимость от труда»⁴ — это больше не лишь способ обеспечить себе средства к существованию, а сам способ и цель существования, теперь это основа образа жизни, и гибкий график проникает во все часы жизни, а удаленная работа не знает оправданий нахождения вне офиса, например, на семейном празднике или в больнице. Философ обращается здесь к хайдеггеровскому понятию «По-став» (Ge-stell) как сущности современной техники, показывая, что он характеризует в современности и весь труд, и трудовые отношения⁵. Согласно Хайдеггеру, сущность современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому всё становится ресурсом, готовым к эксплуатации. Труд обретает характеристики Постава, согласно Сидориной, поскольку он принуждает человека трудиться, что создает закрытый цикл все более напряженной эксплуатации. Труд-Постав становится псевдоистиной человеческого существования. Граница между работой и досугом стерлась, мы не свободны от труда повсюду, но не в позитивном ключе, как это видели марксисты, когда свободное творчество дает личности самореализацию, а в наиболее негативном, где тотализировалась негативная сторона труда как работы — вынужденной, принудительной, рутинной или инструментальной деятельности, предполагающей отчуждение, усилие, подконтрольность. Многозначный «труд» тотально был захвачен однозначной «работой», и таким он вышел за пределы обеспечения человека необходимым, стал «экзоскелетом» личности, утратившей внутреннюю опору: не ходя на работу, человеку сложно себя занять, и он превращает в такую же работу и свой досуг, подчиняя его продуктивности, гайдам, таймингу, а в противном случае современного человека одолевает скука, которая даже большее наказание, чем сам подневольный труд. Ему

---

³ Татьяна Юрьевна оговаривает, что речь не обо всем человечестве, отмечает европоцентричность своего взгляда, но и само название ее произведения справедливо говорит о грандиозности, но не безграничности феномена — Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2020. С. 11.

⁴ Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2020. С. 359.

⁵ Там же. С. 125.

оказывается недоступен досуг иной чем безделье, тогда как в античности или позднее аристократически досуг понимался как не являющаяся работой деятельность, которая сама по себе хороша, чтобы ее делать не для чего и не для кого, не служа никому. Т.Ю. Сидорина и под влиянием неомарксизма, и авторов противоположной части политического спектра, Фридриха Ганса Юнгера и Мартина Хайдеггера, пишет: «Мы разучились разделять труд, работу, созидание, творчество. Мы перенесли понятие „труд“ на нашу деятельность вообще. Мы все называем работой»⁶. Занимая трудом-работой целые сутки, человек подавляет способность к творчеству и духовному развитию, которые могли бы быть развиты тоже трудом, но в положительном смысле слова. Такой анализ показывает глубину амбивалентности труда: он одновременно необходим и деструктивен, обещает свободу и порождает новые несвободы.

Сидорина следует традиции от Маркса до Маркузе, когда сравнивает с рабством ситуацию человека, вынужденного работать лишь ради заработка и подчинять свою деятельность внешней цели поддержания жизни⁷. Напротив, труд может стать свободным, если удастся выйти за пределы логики простой утилитарной целесообразности, экономической необходимости. Труд, чтобы оставаться свободным, раскрывающим личность, а не превращаться в «работу», должен минимизироваться и осуществляться не из-под принуждения, а по внутреннему смыслу призвания и совести — то есть на основе личностного внутреннего «скелета», если, продолжая метафору, противопоставить его внешнему «экзоскелету», — абстрагируясь от экономического интереса предприятия и личной зарплаты. Интерес нанимателя и служение работника за заработную плату подчиняет и убивает творчество, становясь работой. Но для освобождения одного изменения субъективной установки мало — нужны условия, при которых человек не был бы вынужден продавать своё рабочее время ради выживания. Отсюда её интерес к безусловному базовому доходу и к преобразованиям структуры труда в технологизированном постиндустриальном обществе.

Сидорина отказывается присоединяться к тенденции однозначного пессимизма относительно влияния технологий на труд. Хотя технологизация и сопряжена с негативными явлениями, это не приговор. Рационализация и автоматизация производства, по её мнению, способны освободить человеческое время и силы для более высоких целей, чем рутинный труд, но при всех возможностях сократить трудозатраты мы работаем напряжённее. Техника сама по себе не делает труд ни свободным, ни отчуждённым — всё зависит от того, как распорядиться высвободившимся временем. И проблема в том, что современное человечество пока не научилось эффек-

⁶ Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя, 2020. С. 19.

⁷ Там же. С. 142–147.

тивно использовать освободившееся время. Несмотря на то, что во многих развитых странах сократилась продолжительность рабочего дня и появилась более гибкая занятость, люди зачастую тратят освободившиеся часы либо на продолжение работы (на вторую работу, фриланс, постоянную онлайн-вовлечённость), либо исключительно на потребление развлечений. Сидорина считает это значительным упущением, поскольку именно досуг — деятельность вне принуждающей необходимости — должен стать полем самосовершенствования личности, ума и характера, например переобучения, приобретения новых знаний и навыков без планирования для них экономической пользы. Именно этому стоит посвящать освобожденное время, а не подработкам и переработкам. Но им мешает «трудоцентризм»: человек, привыкший жить работой, превративший себя в работу, мерит себя мерками коммерческой фирмы, и в отсутствии внешней занятости ощущает простоту, пустоту и «держится за труд, как раб за своего господина»⁸. В гегельянской метафоре господина и раба современная ситуация выглядит так, что господин как форма снят, он, с одной стороны, растворен в общем социальном устройстве и, с другой, раб теперь сам себе господин — рабу некому противостоять, не от кого бежать, господин везде и нигде, сам раб — господин, и поэтому принуждение становится труднее локализовать и, следовательно, труднее политически оспорить. Эта психологическая и культурная проблема — одной технологической автоматизации недостаточно, требуется ещё изменение ценностных установок. Без перестройки культуры технологи действительно приведут к пессимистичным последствиям, автоматизация приведёт лишь к усилению апатии из-за отчуждения и будет использована не для освобождения, а для порабощения, например, для цифрового контроля над работником 24/7. Таким образом, философия труда Сидориной соединяет анализ внешних структур (техника, экономика, политика времени) с требованием внутренних изменений в человеке.

В своих работах Татьяна Юрьевна делилась беспокойством по поводу отчуждения, вызванного тотальной трудовой мотивацией современного общества. Она пыталась наметить пути обретения человеком автономии. Её выводы близки к проекту Маркузе об освобождении от «одномерного» существования через развитие творческих способностей, а анализ досуга созвучен арендтовскому различению труда как сферы необходимости и деятельности как сферы свободы. «Определяет ли труд смысл человеческого существования?» — задается вопросом она в одной из статей⁹. В условиях «цивилизации труда» многие люди придают работе высшее ценностное значение, но именно это несёт риск духовной опустошённости. Если смысл жизни сводится лишь к профессиональной занятости, то утрата работы (по

⁸ Сидорина Т.Ю. *Цивилизация труда: заметки социального теоретика*. СПб.: Алетейя, 2020. С. 308.

⁹ Сидорина Т.Ю. *Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии*. 2013. № 11. С. 3.

болезни, при выходе на пенсию или в случае кризиса) оборачивается экзистенциальным вакуумом. Поэтому Сидорина призывает искать смысл не в труде как таковом, а за его пределами — в тех целях, которым труд служит. Свобода труда для неё неотделима от обретения трудом смысла: когда человек трудится по внутреннему призванию и видит в работе вклад в общее благо или собственное развитие, он уже в значительной мере свободен. Напротив, бессмысленный, механический труд в отрыве от ценностей неизбежно воспринимается как рабство. Досуг — ответ на вопрос как освободиться от работы, но вопросом без ответа оставалось для Татьяны Юрьевны то, возможно ли человеческое существование при свободе труда в принципе, есть ли место для реализации такого оптимистического будущего подлинной свободы и самореализации или разнонаправленные тенденции современности в сумме ведут лишь к пессимистическим сценариям.

Работа и труд философа в институциональных обстоятельствах

Только от того, что такой анализ труда пишет философ и от того, что речь в значительной мере о рутинном и отчужденном труде, может показаться, что философы находятся в лучшем положении, равно как и остальные люди академических и творческих профессий. Но амбивалентность труда распространяется и на философский труд. Если перенести критику труда, предложенную Сидориной, на институциональные формы философствования, то философский труд оказывается зажат между пафосом автономии мысли и режимами занятости/отчётности, которые заставляют также и философа жить по логике «труда как единственной формы деятельности». Чтобы понять это глубже, направим предложенные выше размышления на нас самих, преподавателей философии и философов-исследователей, и потому что это нас касается, и потому что этой статьей мы вспоминаем философа, профессора, которая проработала в академических институтах всю жизнь. Мы предложим собственные размышления, которые, на наш взгляд, могут дополнить размышления Татьяны Юрьевны тем более, что мы уже писали на эту тему¹⁰ и обсуждали эти идеи с Татьяной Юрьевной лично в одной из прогулок по Минску после конференции Института философии НАН Беларуси.

Свободная деятельность философа, понимаемая как труд, досуг, призвание или работа, хотя и не всегда в таком терминологическом делении, проблематизировалась еще Сократом, насколько мы можем судить из переказов Платона и Ксенофонта, а затем на протяжении всей истории философии. Вдохновляясь гегелевским схематизмом развития понятия свободы, выраженном в трех частях «Философии права»¹¹, мы в названной ранее ста-

¹⁰ Курилович И.С. Жизнь философа и формы ее организации в государстве // Философия как выбор жизни / Отв. ред. С.А. Коначева, Е.А. Шестова. М.: РГГУ, 2025. С. 75–85.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

тье обобщили размышления Сократа о деятельности философа и примеры из истории философии до трех идеальных типов — здесь же аналитически изложим эти три основы для свободы философской деятельности, чтобы затем их пересмотреть и развить:

1. Имущественная независимость — философ не принужден работать, когда обладает достаточной для его существования собственностью, и только тогда его труд становится свободным и подлинным. Иллюстрируют подобную типологию Платон и Аристотель, хотя фактически и у них были нюансы последующих типов. Но владение или невладение чем-то не является философским по сути, оно случайно, и любые новые случайности могут это как отнять, так и дать. Она убирает наиболее прямой повод для сервильности, но сама по себе не производит ни предмета мысли, ни дисциплины досуга, ни смелости парресии. Поэтому её нужно понимать отрицательно в смысле И. Берлина¹²: она сокращает внешние причины несвободы, но не создаёт свободу, финансовая независимость приятна, но она не достаточна для того, чтобы велась свободная творческая философская деятельность, а отдельные примеры показывают, что она не только не достаточна, но порой и не необходима.

2. Внутренняя автономия совести и разума — философ никогда не работает, а свободно трудится в любых обстоятельствах, и помогает ему в этом верность философа своему призванию. Богатство не спасает, если душа склонна к пороку, и даже работая в университете или получая жалование от государства (а у правительства и чиновника в государстве всегда есть свои интересы, которые будут названы государственными), философ может оставаться свободным, если он внутренне независим и следует исключительно разуму и истине. Если имущество давало негативную свободу как возможность, то позитивная свобода для истины укоренена во внутреннем убеждении, в принципах. Стоицизм и кантианство прежде всего ассоциируются с таким подходом. Но совесть — нечто интимное, тонкое и при этом непрозрачное, и человек может найти себе самооправдание, пойти на компромисс, если вокруг сильное давление. Без внешних критериев трудно отличить стойка или кантианца от конформиста, нашедшего благовидные предлоги для подлости. Нет инстанции, проверяющей честность философа перед самим собой, нет для него и поддержки, и нет гарантии, что лучший из людей не поддастся искушению славой, страхом или какой-либо еще гетерономией. Остается один лишь моральный максимализм философа — опираться на него тоже сомнительно.

3. Свобода творчества философа через разумные правила организации философской работы — философски осмысленное обустройство институтов

---

¹² Берлин И. Четыре эссе о свободе / пер. с англ. Векслер С. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.

позволит философу трудиться свободно внутри социальных структур. Пример: проект университета, сформулированный Кантом и Шлейермахером, воплощённый В. фон Гумбольдтом, а философски глубже всего осмысленный Гегелем. Когда порядок и обстоятельства философской работы устроены философски, они уже не сковывают философию, а освобождают её из состояния работы до свободного творчества. Такой парадоксальный эффект Гегель видел в современном ему конституционном государстве: индивид там связан тысячами законов и правил, но именно через них реализует свою сущность, не впадая в варварство. Для философии это означает, что, например, университетский регламент, этические комитеты, научные сообщества — будучи правильно устроенными и только если это действительно так — защищают философа, как и всякого ученого, от произвола толпы, самодурства университетской бюрократии или диктатуры правительства, позволяя ему трудиться. Но и эта гегельянская позиция открыта для критики.

Как заметили уже М. Фуко и Ж. Деррида, институциональное устройство имеет собственную логику власти, которая может подменить собой логику истины. Фукольдиданский анализ «правительности» (*gouvernementalité*) показывает, что распределенная власть действует подобно пастырю, опекающему стадо ради своей выгоды¹³. Государство или корпорация, даже создавая привилегированные условия для философов, нередко преследует собственные цели, например, воспитать лояльных экспертов, легитимирующих систему. Деррида замечал, что академическая свобода остаётся условной: университет зависит от политико-экономических обстоятельств, и философ вынужден лавировать между независимостью и службой¹⁴. Даже, как минимум, внешне нейтральные бюрократические инструменты отчетности, метрик, а, как максимум, и эпистемические стандарты доказательств, этики рецензирования, цитирования и индексации остаются легитимными целями критического анализа. Иными словами, «разумные институции» превращаются в «дисциплинарные»: они утверждают нормы исследования, контролируют дискурс, и философия может незаметно превратиться в служанку идеологии, сохраняя лишь видимость автономии. Продолжая позицию Фрасимаха из «Государства» Платона, Фуко замечает, что власть, выступая благодетелем, на деле стережёт мысль как пастух овец — кормит, чтобы стричь, доить и резать. Отсюда вытекает постоянный риск: академическая философия начинает обслуживать собственные институциональные рамки, воспроизводить статус-кво, а не радикально мыслить.

Так свобода труда для философа оказывается сомнительной не только на практике, но даже аналитически, так как каждый из трёх путей, взятый

¹³ Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. С. 197.

¹⁴ Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. Т. 6. С. 96–103; Derrida J. *Du droit à la philosophie*. Paris: Galilée, 1990.

отдельно, приводил к тупику. Внешняя независимость через собственность не имеет философских оснований, вырождается в хрупкую изоляцию и может быть уничтожена внешним вмешательством. Внутренняя автономия — героический идеал без гарантий. Институциональная свобода, наконец, оборачивается двусмысленностью: институты, которые должны пасти овец, могут их же и съесть — университет дает платформу для мысли, но и задаёт рамки порядка, где не всякая истина желанна. Возникает вопрос: если каждое условие отдельно недостаточно, на каком основании мы можем считать, что их совокупность будет достаточной для истинно свободного труда? Не является ли сама идея свободного труда красивой утопией Модерна — вроде платоновского полиса философов, который в реальности неосуществим? Возможно, стремление полностью освободить человеческую деятельность от внешнего господства — это и нормативный миф, и точка постоянного напряжения от постановки философом своего труда под вопрос. С другой стороны, может быть нужно искать не бинарность да/нет в отношении свободы философского труда, и мы должны нашу свободу видеть предметом постоянной сборки и защиты, где три описанные выше стратегии не противоречат, а дополняют друг друга.

Философия в «цивилизации труда»

Если принять изложенный в начале этой статьи тезис о трудоцентризме как о режиме, захватывающем смыслы и идентичность, то академическая философия предстаёт не исключением, а симптоматическим частным случаем. Она тоже может становиться «работой» — не потому, что за неё платят, но потому, что она незаметно перенимает структурные ожидания трудовой цивилизации: обязательность постоянной занятости, дефицит времени как базовое состояние, и, наконец, моральное оправдание себя через «продуктивность». Философ оказывается перед выбором между сохранением своего труда свободным или отступлением в разновидность интеллектуальной работы. Своими произведениями Татьяна Юрьевна доказала нам, что главный обман трудоцентризма состоит не в тяжести работы как таковой, а в том, что труд начинает казаться единственным языком человеческой ценности. Тогда «освобождение времени» технологиями не приводит к досугу, потому что для досуга нужна дисциплина и вкус к неутилитарному, а не только часы в расписании. Этот мотив переносится на философский труд почти без изменений: если философ утратил навык свободного времени — времени, где не нужно отчитываться ни перед заказчиком, ни перед собственным внутренним прорабом — то всякая институциональная автономия остаётся формальной, а всякая внутренняя автономия превращается в риторику самоуважения.

Отсюда вытекает важная поправка к нашей триаде оснований свободы: три основания не складываются в сумму гарантий, они образуют проблемный узел, в котором каждый элемент одновременно и стягивает его, усугубляя проблему, и помогает распутывать. Так собственность даёт защиту от нужды, но легко становится прикрытием для частного покоя, уходом от публичной ответственности мысли. Совесть даёт внутреннюю опору, но, будучи непрозрачной, производит опасную возможность самооправдания. Институты дают форму и защиту, но именно форма начинает жить собственной жизнью и предъявлять мыслителю требования лояльности. Значит, проблема не в том, что ни одно условие недостаточно, а в том, что каждое условие, становясь единственным, имитирует свободу — и этим уничтожает её.

Этим — увы, уже заочным — продолжением диалога мы приходим к выводу, что свобода даже философского труда — незавершенный проект, она ускользает от полного описания и не проглядывается как точка, которой можно достичь, но оказывается скорее регулятивной идеей, которая задаёт меру, без которой мы не различим подмену. И философский вклад Татьяны Юрьевны помогает нам легко, «без труда», сформулировать эти критерии, которые сами по себе не гарантируют свободу, но помогают отличить ее от благоустроенной несвободы:

1. Критерий времени: существует ли у философа (и у сообщества) время, не сводимое к обслуживанию должностных обязанностей при достаточной заработной плате, которая бы позволяла не искать дополнительного заработка? Если нет, речь идёт о философии как подневольной работе.

2. Критерий цели: может ли философская деятельность удерживать цель, не совпадающую с внешней полезностью и не редуцируемую к карьерной рациональности, но так, чтобы это не стало небезопасным для сохранения должности? Если нет, то философская деятельность снова превращается в разновидность интеллектуальной работы, захваченной логикой цивилизации труда, а не внутренней логикой мысли.

3. Критерий критики: допускают ли институты не просто «плюрализм мнений», а критику собственных норм и процедур как предмет философского анализа, при том, чтобы сохранялись стратегии успешного существования для нарушителей норм? Если нет, свобода здесь кажущаяся, как бы ни были благополучны внешние условия.

Критика труда у Сидориной, приложенная к философии, обнаруживает, что философский труд не защищён самим своим статусом «интеллектуального». Он столь же уязвим для трудоцентризма, как и любой иной труд: через колонизацию времени, через подмену смысла отчетностью и процедурой, через превращение досуга в стресс погони за эффективностью. Три основания свободы философской деятельности (имущество, совесть, институты) не решают проблему по отдельности и не суммируются автоматиче-

ски. Их можно мыслить только как систему, где каждый элемент ограничивает недостатки двух других: материальная независимость защищает от грубого принуждения, совесть — от распада цели, институты — от произвола; но каждый элемент оборачивается соблазном — безразличной приватности, бессовестного самооправдания, подчинения цензуре. Тем самым свобода философского труда является проектом, который существует лишь как постоянная практика сборки. В этом смысле она «незавершённая» не по исторической случайности, а по своей структуре. Сдержанный оптимизм возможен там, где мы перестаём ждать идеального или утопического решения и начинаем мыслить свободу как обязанность различения: работа/труд/досуг; польза/истина; защита/цензура/дисциплина. Татьяна Юрьевна оставила нам болезненно точный диагноз: трудовая цивилизация учит нас не иметь свободного времени и не знать, что с ним делать. Применённая к философии эта мысль превращается в требование: философское сообщество должно защищать не только право говорить, но и право на тишину — на время и формы, в которых мысль не обязана немедленно оправдываться и окупаться, что возвращает нас снова к позиции Сократа-Платона о необходимости выведения философского труда из логики купли-продажи или заказа.

В заключение подчеркнём, что философия труда, которую развивала Татьяна Юрьевна Сидорина, остаётся для нас важным ориентиром. Её глубокий анализ противоречий «трудоцентризма» и призыв вернуть жизни подлинный досуг помогают современному философскому сообществу трезво оценивать собственное положение. Татьяна Юрьевна не только теоретически обосновала ценность свободы от диктата труда, но и своим научным и педагогическим служением воплощала эту свободу на практике. Её труд и творчество продолжают вдохновлять коллег и учеников. Память о Т. Ю. Сидориной заслуженно занимает почётное место в истории нашей философии, побуждая нас с благодарностью продолжать начатый ею «незавершённый проект» освобождения.

Литература

Берлин И. Четыре эссе о свободе / пер. с англ. Векслер С. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.

Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990.

Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. (6). С. 96–103.

Курилович И.С. Жизнь философа и формы ее организации в государстве М.: РГГУ, 2025. С. 75–85.

Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3–14.

Сидорина Т.Ю. Особенности человеческой деятельности в современную эпоху. Чем занять человека? // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 140–150.

Сидорина Т.Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // *Вопросы философии*. 2015. № 3. С. 14–22.

Сидорина Т.Ю. Труд: его кризис и будущее в контексте трендов мирового цивилизационного развития // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 22–33.

Сидорина Т.Ю. *Жизнь без труда или труд во спасение?* СПб.: Алетейя, 2018.

Сидорина Т.Ю. *Цивилизация труда: заметки социального теоретика*. СПб.: Алетейя, 2020.

Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека // *Terra economicus*. 2015. № 3 (13). С. 136–146.

Фуко М. *Безопасность, территория, население* / М. Фуко, СПб.: Наука, 2011.

Derrida J. *Du droit à la philosophie*. Paris: Galilée, 1990.

References

Berlin I. *Chetyre esse o svobode* [Four Essays on Liberty], transl. from English by S. Veksler. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992 (in Russian).

Hegel G.V.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Right], transl. from German, ed. and comp. by D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants, introd. and notes by V. S. Nersesyants. Moscow: Mysl' Publ., 1990 (in Russian).

Derrida J. *Du droit à la philosophie*. Paris: Galilée, 1990.

Derrida Zh. “Universitet glazami ego pitomtsev” [The University as Seen by Its Pupils], *Otechestvennye zapiski*. 2003. N. 6. P. 96–103 (in Russian).

Kurilovich I.S. “Zhizn' filosofa i formy ee organizatsii v gosudarstve” [The Philosopher's Life and Its Forms of Organization in the State], in: *Filosofiya kak vybor zhizni* [Philosophy as a Choice of Life], ed. by S.A. Konacheva, E.A. Shestova. Moscow: RGGU Publ., 2025. P. 75–85 (in Russian).

Sidorina T.Yu. “Vopros o trude i smysle zhizni” [The Question of Labor and the Meaning of Life], *Voprosy filosofii*. 2013. N. 11. P. 3–14 (in Russian).

Sidorina T.Yu. “Osobennosti chelovecheskoi deyatel'nosti v sovremennuyu epokhu. Chem zanyat' cheloveka?” [Features of Human Activity in the Contemporary Era. How to Occupy a Human Being?], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2014. N. 3. P. 140–150 (in Russian).

Sidorina T.Yu. “Homo faber kak simvol epokhi truda: k istorii evolyutsii ponyatiya” [Homo faber as a Symbol of the Age of Labor: Toward a History of the Concept's Evolution], *Voprosy filosofii*. 2015. N. 3. P. 14–22 (in Russian).

Sidorina T.Yu. “Trud: ego krizis i budushchee v kontekste trendov mirovogo tsivilizatsionnogo razvitiya” [Labor: Its Crisis and Future in the Context of Global

Civilizational Trends], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2016. N. 3. P. 22–33 (in Russian).

Sidorina T.Yu. *Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie?* [Life without Labor or Labor for Salvation?]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2018 (in Russian).

Sidorina T.Yu. *Tsivilizatsiya truda: zametki sotsial'nogo teoretika* [The Civilization of Labor: Notes of a Social Theorist]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2020 (in Russian).

Sidorina T.Yu., Ishchenko N.I. “Trudotsentrizm kak obraz zhizni: predely trudovykh vozmozhnostei cheloveka” [Labor-Centrism as a Way of Life: The Limits of Human Working Capacity], *Terra Economicus*. 2015. Vol. 13. N. 3. P. 136–146 (in Russian).

Fuko M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).

The Freedom of Philosophical Labor as an Unfinished Project: In Dialogue with Tatiana Sidorina's Thought

Ivan Kurilovich, PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Center for Phenomenological Philosophy, Russian State University for the Humanities (Moscow), ikrlvtch@gmail.com

The article examines the conditions of freedom of philosophical labor in the context of Tatyana Yu. Sidorina's philosophy of labor. Starting from her analysis of labor-centrism and the crisis of leisure in contemporary society, the author shows that academic philosophy is not an exception and is subjected to the same regimes of workload, productivity, and accountability as other forms of labor. Drawing on the classical tradition and current debates, a scheme of three foundations of freedom of philosophical activity is proposed: material independence, inner autonomy of conscience and reason, and institutional guarantees of university and scholarly autonomy. Each foundation taken separately, as well as their combination, is subjected to critical analysis. The article argues for an understanding of the freedom of philosophical labor as a regulative idea and as a practice of continuous “assembling” of relations between the philosopher and the institutions of knowledge. Finally, three criteria for distinguishing freedom from well-arranged unfreedom of philosophical labor are formulated — those of time, goal, and critique — and the need to protect not only the right to speak but also the right to silence and non-productive leisure is discussed.

Keywords: philosophy of labor, academic labor, knowledge work, freedom and autonomy in academia, labor-centrism, neoliberal university, leisure and burnout

For citation: Kurilovich I.S. (2026) The Freedom of Philosophical Labor as an Unfinished Project: In Dialogue with Tatyana Sidorina's Thought // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 25-37.

Date of receipt: 19.01.2026.

Моральный абсолютизм

Александр Разин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), razin54@mail.ru

В статье рассматриваются черты морального абсолютизма, который проявляет себя в автономной и гетерономной формах. Мы демонстрируем бессодержательность кантовского понятия «доброй воли», несовместимость этого понятия с конкретными формами выражения морального долга и пониманием многообразного характера моральных мотивов. Связанная с понятием «доброй воли» идея моральной автономии упрощает представление о моральных мотивах, приводит к рассмотрению их на основе особого рода причинности, порождающей ориентацию на добро без учета действия любых природных (психологических) и социально обусловленных факторов. В действительности же моральная мотивация и свободный выбор не обходятся без обращения к некоторой гетерономной реальности. В статье показывается, что Кант сам много раз отходил от собственного принципа моральной автономии. Что касается морального абсолютизма, развивающегося на основе гетерономного понимания морали, то он характеризуется отчуждением, так как человек подчиняется требованиям абсолюта, который сам по себе является рационально непостижимым. Противоречия гетерономного подхода развивающегося на основе представления о некотором абсолюте демонстрируются на основе концепции Вл. Соловьева. Мы показываем, что правовая концепция Соловьева оказывается утопичной в силу невозможности сочетания различных абсолютистских принципов, а его представления об истории развития общества схематичны.

Ключевые слова: мораль, мотивация, абсолютизм, утилитаризм, автономия, добрая воля, гетерономная реальность

Для цитирования: Разин А.В. Моральный абсолютизм // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 38-50.

Дата поступления: 04.03.2026.

Моральный абсолютизм представляет собой один из авторитетных способов понимания морали и один из основных подходов к проблеме ее обоснования. Собственно, абсолютизм чаще всего полагает, что обосновать мораль и не нужно, или невозможно в силу абсолютности ее природы. Но есть и попытки найти рациональные ходы к представлению о самой абсолютности морали, более всего представленные в кантовской философии.

Кантовское понимание морали известно как моральная автономия, связанная с деонтологией — предельными универсальными принципами, а также с идеей доброй воли. Последнее понятие представляется нам весьма неопределенным, так как это отрицает какой-либо анализ многообразия моральных мотивов, их связь с психологическими состояниями индивида, с его переживаниями типа угрызений совести, сознания невыполненного долга, или наоборот — с удовлетворением от достижения нравственно обусловленных целей совместного бытия людей. Характеризуя тенденцию понимания морали, получившую развитие у Сократа, Платона Канта, Л.В. Максимов пишет:

...Свобода воли понимается здесь только как следование долгу в его противопоставлении с хотениями, интересами, склонностями, симпатиями и антипатиями и пр.; иначе говоря только свобода от естественной необходимости якобы и делает возможным моральный императив¹.

С нашей точки зрения такое представление — просто упрощение в понимании характера нравственной мотивации, которое влияет и на характер требований, предъявляемых индивиду. Они оказываются либо неприменимыми к конкретной ситуации, в силу недоучета конкретных обстоятельств действия, либо произвольными в смысле того, что подвергается универсализации (как основной процедуры проверки действия на его общую приемлемость), либо столь категоричными, что фактически сводят моральный выбор к автоматической процедуре (как это у Канта проявляется в трактовке нормы «не лги»).

Но прежде чем проанализировать эти недостатки кантовской теории, давайте посмотрим на то, как Кант сам аргументирует необходимость признания и порождения доброй воли. В «Основоположениях метафизики нравов» Кант пишет:

...Так как разум недостаточно приспособлен для того, чтобы надежно руководствовать волю в отношении ее предметов и удовлетворения всех наших потребностей (которые отчасти он сам же и приумножает), а до этой цели гораздо вернее довел бы врожденный природный инстинкт, и все же мы наделены разумом как практической способностью, т. е. такой, которая должна иметь влияние на волю, — то истинное назначение его должно состоять в производстве воли не как средства для какой-нибудь другой цели, но самой по себе доброй воли. Для этого непременно нужен был разум, если только природа поступала всегда целесообразно при распределении наших задатков².

¹ Максимов Л.В. Концепт «свобода воли» в этике // Этическая мысль 2015. Т.15, № 2. С. 7.

² Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. //Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 67–69.

То есть речь идет о том, что разум дан человеку именно для того, чтобы он развивался как моральное существо. Конечно, это положение не выдерживает критики. Разум расширяет возможности удовлетворения потребностей человека, за счет новых форм опережающего отражения, связанного с сознанием. Даже у животных далеко не все регулируется инстинктом. Животные, имеющие психику, ориентируются уже не только на основе инстинкта, но и на основе идеальных образов, в которых разыгрываются отнесенные к некоторому моменту в будущем состояния реальности. Тем более — человек, который может в своих планах предсказывать будущее состояние реальности на много лет вперед.

Кант допускает обусловленное внешними факторами развитие способностей человека в социальной сфере его жизни. Но это не относится к его целям развития в качестве нравственного существа.

В «Критике способности суждения», а также в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант предлагает телеологический (связанный с предположением о заранее установленной цели) подход применительно к объяснению общественного развития.

Историю человеческую рода в целом можно рассматривать как осуществление тайною плана природы — привести внутреннее, а также нужное для этой цели внешне совершенное государственное устройство в то единственное состояние, при котором могли бы полностью развиваться все задатки, [вложенные природой] в человечество³.

В исторической теории Канта содержатся положения, показывающие, что общество проходит длительное развитие, в котором индивид как природное существо терпит ущерб; лишается непосредственной связи с природой, испытывает насилие, несправедливость. Однако в итоге данного движения человеческий род выигрывает.

Развив все свои способности в качестве природного и культурного, т. е. способного к осуществлению чисто человеческих видов деятельности, существа человек продолжает развиваться как существо моральное. Такое развитие является результатом его осознанной свободы и к нему природа уже никаким образом человека не толкает. Соответственно, применительно к развитию человека в качестве нравственной личности принцип телеологизма у Канта уже не применяется. Кант настаивает на том, что моральное развитие человека никаким образом природой не обусловлено. Наоборот моральные цели определяют отношение человека к природе.

Если... вещи в мире как предметы, зависимые по своему существованию, нуждаются в высшей причине, действующей согласно целям, то человек

³ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. //Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1993. С. 109–111.

есть конечная цель творения, ибо без нее цепь подчиненных друг другу целей не была бы полной; и только в человеке, да и в нем только как в субъекте моральности, встречается безусловное законодательство в отношении целей, и только одно это законодательство делает его способным быть конечной целью, которой телеологически подчинена вся природа⁴.

Понятно, что здесь уже проявляют себя не только собственно нравственные приоритеты, утверждаемые Кантом в отношении человека, но и признание высшей божественной причины такого миропорядка, в котором человеку отводится его специфическая роль, связанная с идеей нравственного совершенствования.

Но дело даже не в том, что утверждается телелеологизм, как то, что создает условие для развития собственных целей человека, а это - нравственное совершенствование, вопрос в том, как может выглядеть процесс такого бесконечного совершенствования. Выглядит он как бесконечная цепь новых и новых достижений, практические характеристики которых остаются неясными. У Канта это отражается в постулатах практического разума. Там утверждается бесконечность процесса движения к высшему благу, но не раскрывается само это понятие. Если высшее благо это прежде всего нравственное совершенствование, то получается бесконечная цепь, напоминающая одну из проблем, с которой столкнулась уже античная философия.

Чтобы не быть голословным приведу фрагмент одного из платоновских диалогов, где спорящие заводят разговор о характере высшего искусства.

Участники беседы отмечают, что знание, требуемое для производства вещи, и для пользования ею, — не одно и то же. Как считает Сократ, счастье к которому естественно стремится каждый человек, в гораздо большей степени требует знания о том, как пользоваться вещами, чем знания о том, как их получить. Для того чтобы играть на лире

нам вовсе не нужно становиться искусными в изготовлении лир и сноровистыми в подобном умении. Ведь здесь искусство изготовления и искусство применения существуют порознь, хотя и относятся к одному и тому же предмету, ибо искусство изготовления лир и искусство игры на них весьма отличаются друг от друга⁵.

Аналогично участниками беседы рассматриваются ловля перепелов и полководческое искусство. И то и другое оказывается не связанным с искусством использования приобретенного, т.е. — с высшим знанием.

---

⁴ Кант И. Критика способности суждения / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 711.

⁵ Платон. Евтидем / пер. с древнегреч. С.Я. Штейнман-Тонштейн // Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1 / под общ. ред. А.В. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 1990. С. 180.

И стратеги... таким же точно образом, когда захватят какой-либо город или военный лагерь, передают их государственным мужам, ибо сами они не умеют воспользоваться тем, что захватили, наподобие того как ловцы перепелов передают их тем, кто умеет перепелов откармливать⁶.

Наконец, к рассмотрению предлагается, как полагается, связанное с высшим знанием, а раз так, то и с высшей пользой (ведь последняя по исходным определениям зависит от знания) искусство царского управления всем обществом. Однако тут же возникают новые вопросы

После того что было достигнуто нами ранее, мы снова принялись за рассмотрение примерно так: «Ну а царское искусство, руководящее всем, само-то оно что-нибудь для нас производит? Или ничего?»⁷.

Оказывается, что ничего конкретного, полезного для отдельно взятого человека царское искусство вроде бы и не производит. Поэтому остается непонятным, какое же благо, которое как двое из участников беседы (Сократ и Клиний) уже согласились должно быть знанием, производит высшее искусство царского управления и соответствующее ему высшее знание. В качестве тезиса направленного на опровержение сомнения выдвигается положение о том, что знание, отвечающее искусству царского управления, может быть направлено на то, чтобы формировать достойных людей. Но Сократ снова задает вопрос, порождающий новые сомнения:

А в чем они будут у нас достойными и полезными? Быть может они делают такими других? А те, другие еще других? А в каком именно отношении они достойные люди, это нам никак не становится ясным, потому что названные нами дела мы отнесли к государственному искусству, но все, что мы сказали, весьма напоминает пословицу «Коринф — сын Зевса»⁸. На это замечание Критон отвечает: «Да, клянусь Зевсом, Сократ, в ужасном оказались вы тупике»⁹.

По существу в тот же капкан попадает и Кант. На эту сторону его философской доктрины обращает внимание Джастин Оаклей: «В отличие от того, что Кант говорил сам, можно допустить мысль о том, что требование, согласно которому только действие, совершенное по долгу, морально хорошо совместимо с допущением, что эмоции, отличные от уважения морального закона, могут быть морально хороши, поскольку некто может быть мотивирован к действию из любви выполнения своего долга. Именно такие эмоции, возможно, наполняют человека чувством высшего счастья,

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Платон. Евтидем / пер. с древнегреч. С.Я. Штейнман-Тонштейн // Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1 / под общ. ред. А.В. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 1990. С. 182.

⁸ Там же. С. 184.

⁹ Там же.

которое возникает благодаря реализации чистого долга. Но в действительности чувство подобного рода очень сомнительно из-за бесконечной цепи отступлений:

я счастлив, увеличивая счастье других, они счастливы, еще более увеличивая счастье», но, что есть счастье само по себе, не ясно из такого подхода¹⁰.

Кант, конечно, не говорит о личном счастье как моральной задаче для человека. Но если предположение Оаклея о моральной эмоции верно как косвенное допущение о личном счастье, то у Канта получилась бы такая же бессмысленная цепь, как у Сократа с хорошими людьми.

Кант не всегда последователен в своих рассуждениях построенных на универсальном законе и доброй воле, как стремлении к его исполнению. В ряде случаев он включает в свою систему телеологизм. Так рассуждая о жителях островов тихого океана он допускает, чтобы они могли жить, не развивая свои таланы и универсальность здесь, вообще, не нарушается. Однако Кант тут же оговаривается: человек

не может хотеть, чтобы это стало всеобщим законом природы, или чтобы, как таковое, было заложено в нас природным инстинктом. Ибо, как разумное существо, он необходимо хочет, чтобы в нем развивались все способности, так как они служат и даны ему для всевозможных целей¹¹.

Я уже не говорю о том, что рассуждая о поведении человека в публичной сфере, Кант вполне определенно говорит о таких условиях жизни, которые предполагают совершенное общество, а это - идея гетерономии в морали.

Все максимы, которые нуждаются в гласности (чтобы достигнуть своей цели), согласуются и с правом, и с политикой... если эти максимы могут достигнуть своей цели только благодаря гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) — истинная задача политики¹².

Кроме того в самой первой формулировке кантовского категорического императива содержится слово желать или пожелать (в другом перево-

¹⁰ *Oakley J. Morality and the Emotions. London, Routledge 1993. P. 86.*

¹¹ *Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Туш-линга // Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 198.*

¹² *Кант И. К вечному миру. Философский проект/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Туш-линга. // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1993. С. 477.*

де). «поступай только по такой максиме, относительно которой, ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом»¹³. Но пожелать я могу многого, например, чтобы была бесплатная медицина, бесплатное образование, чтобы было эгалитарное равенство, и все это может быть универсализировано. Соответственно, эти вопросы требуется обсуждать и при таком обсуждении другого пути, кроме как исходить из позиции гетерономии просто не существует.

Критикуя кантовскую философию, Гегель верно говорит, что одна определенность (противоположность) не существует без другой, но при применении процедуры универсализации приходится отдать приоритет какой-то одной определенности. Кант считает, что такую процедуру может легко совершить обыденный рассудок. Но без учета всех материальных условий бытия человек неизбежно попадет в ситуацию недостаточности оснований для принятия решения.

Так... максима — с честью защищать отчизну от врагов (и бесконечное множество других максим), мыслимая как принцип всеобщего законодательства, снимает как определенность отчизны, так и определенность врагов и определенность защиты¹⁴.

Из сказанного ясно, что кантовское понимание свободной воли как особого рода причинности, объясняющей якобы специфику морального поведения, ничего не дает для практического разъяснения того как поступать в данных конкретных обстоятельствах. Последнее можно было бы сделать только привлекая какие-то природные и социально обусловленные факторы поведения.

Кант много раз пытался объяснить, почему, собственно, человек должен универсализировать свое поведение, но нигде убедительно этого так и не сделал. Например, Кант пишет, что

человек не может составить себе никакого определенного и достоверного понятия о сумме удовлетворения всех склонностей, под именем блаженства¹⁵.

Другое дело — поведение, которое целиком зависит от разума, которое вообще не ориентировано на удовлетворение страстей, а преследует лишь

---

¹³ Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 143.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве. Отв. ред. Д.А. Керимов. // Гегель. Политические произведения. М.: Наука. 1978. С. 214.

¹⁵ Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 77.

цель нравственного совершенства. Здесь возможен надежный, с точки зрения Канта, следующий из самого разума критерий. Поэтому

здесь, как и во всех других случаях, остается в силе закон: содействовать своему блаженству не по склонности, но по долгу, и только тогда поведение человека имеет собственно моральную ценность¹⁶.

Но для чего именно требуется такая надежность, какие преимущества это дает самому индивиду остается неясно.

Т. Адорно, анализируя кантовское понимание морального мотива, пишет:

Разум... требует наличия в себе самом причинной закономерности, так как он в состоянии противостоять слепому и аморфному в природе лишь как закономерности, которая, в свою очередь, требует наличия свободы, так как свобода — это единственно возможная противоположность природно-аморфному. Это двойная сложность, состоящая в том, что в сфере человеческой жизни имеет место как абсолютная закономерность, так и абсолютная свобода, и лежит в основании того, почему Кант в конце концов пришел к своей парадоксальной конструкции свободной причинности¹⁷.

Парадоксальность заключается в том, что без учета того, что составляют природные закономерности свободы воли, собственно, быть не может, ведь человек живет в условиях природной среды и социальности, которая возникает в связи с задачами преобразования этой среды. Такая свобода будет просто произволом или случайностью. Но тогда не может быть и никакой моральной автономии.

Итак, кантовская абсолютистская мораль не позволяет объяснить многообразие моральных мотивов. Они в одном случае могут быть связаны с психологической организацией индивида, его способностью к эмпатии; в другом с социально-культурными факторами, например, такими как желание восстановления нарушенной справедливости или защитой святыни; с сознанием своего достоинства обусловленного успехами в той или другой общественно значимой деятельности; с желанием улучшить положение другого; наконец — с выполнением своего долга ради того, чтобы избежать негативных эмоций, связанных с его неисполнением, и др. Но во всех этих случаях мы для объяснения мотивов морального поведения вынуждены были бы апеллировать к некоторой гетерономной реальности и к личному интересу, который Кант принципиально отвергает.

¹⁶ Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Туш-линга // Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 77.

¹⁷ Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Республика, 2000. С. 61.

Но кантовская теория не единственный вариант морального абсолютизма. Он также связан и с гетерономными теориями, предполагающими наличие некоторого божественного абсолюта или абсолютного по своей направленности бытия личности.

Не имея возможности проанализировать все гетерономные абсолютистские теории, мы остановимся только на концепции Вл. Соловьева. Соловьев прямо критикует Канта за допущение морали без Бога, за разделение ноуменального мира и мира явлений.

Собственно говоря, нет ни вещи о себе, ни явления, а есть единое абсолютно-сущее, которое есть и альфа и омега, единое и все, начало и конец, которое в своей всецелости включает и абсолютное о себе бытие, и начало всех явлений, и все остальные существа и существования представляются только различными степенями его самоположения или проявления¹⁸.

Соловьев считает, что добро не нуждается в оправдании. Оно добро, потому, что все в истории и в человеке это проявление стадий развития божественного абсолюта.

В «Оправдании добра» Соловьев пишет:

Спрашивается только: то, от чего я завишу, имеет смысл или нет? Если не имеет, то, значит, и мое существование, как зависящее от бессмыслицы, тоже бессмысленно, и в таком случае вовсе не приходится говорить о каких бы то ни было разумно-нравственных принципах и целях, ибо они могут иметь значение только при уверенности в смысле моего существования, только под условием разумности мировой связи, или преобладания смысла над бессмыслицей во вселенной. Если нет целесообразности в общем ходе мировых явлений, то не может быть целесообразной и та часть этого процесса, которую составляют человеческие поступки, определяемые нравственными правилами; а в таком случае не могут устоять и эти правила, как ни к чему не ведущие, ничем не оправдываемые¹⁹.

Это космические начала, представленные в философии Соловьева, и они связаны с идеей бога, абсолюта, который, по Соловьеву, не только единое, но и множественное, который закономерно порождает множественное, чтобы затем преодолеть обособленность его частей, превратить это обособленное в новую форму единого, присутствующую во множественном мире.

Но что интересного сказал Соловьев об обществе? Он считает, что развитие общества на его пути к единству, к богочеловечеству связано с определенными способностями души, а именно: волей, разумом и чувствами.

¹⁸ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания / Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 283.

¹⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра / Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 244–245.

При этом в волю попадает экономическая деятельность, политическая и религиозная жизнь общества. Разум определяет познание, а чувства касаются творчества. Схематизм подобного построения очевиден. Разве в творчестве нет разума, или экономическая жизнь общества не предполагает разумной организации взаимоотношений людей?

В правовой концепции Соловьев допускает насилие только в непосредственный момент времени, предшествующий совершению преступления. Можно остановить преступника тогда, когда он уже занес нож над своей жертвой²⁰. Понятно, что это не соответствует реальной правовой практике и представляет своего рода утопию, что неизбежно тогда, когда все моральные принципы рассматриваются как абсолютные по своей сути, в их абсолютности, проявляющейся в соотношении с любыми другими абсолютными же принципами. Так ненасилие в его абсолютном понимании практически не может быть соотносено с безусловными принципами защиты основных прав человека, ибо это требует насилия как условия предварительного предотвращения преступления за счет наказания (а это устрашение - использование другого как средства), борьбы с преступными синдикатами и т. д. То есть упрощение опять же следует из абсолютного понимания морали, хотя и гетерономного.

Кроме того абсолютизм в его гетерономном понимании неизбежно означает отчуждение в морали, ведь человек в таком случае должен починяться тому что он не понимает и рациональное не может принять. Крайний пример – безропотное подчинение Авраама воле Бога, когда Бог требует от него принести в жертву своего сына.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что всякая абсолютистская концепция представляет собой упрощение реальной моральной мотивации. Исторически, в эволюционном плане она более ранняя по сравнению с утилитарной, так как основана на непосредственной эмоциональной реакции на страдание другого человека. Это имеет место прежде всего в малых группах, в непосредственном окружении. Утилитарная же концепция более поздняя, она возникает тогда, когда общество становится сложным организмом, когда непосредственные отношения людей вытесняются безличными связями. Это конечно означает, что мораль и этика как рефлексия морали должна реагировать на такие изменения, но не означает, что моральный абсолютизм должен быть полностью вытеснен из жизни людей.

Однако надо сделать одно существенное замечание. Моральный абсолютизм оказывается очень удобен тогда, когда возникает необходимость массового жертвенного поведения, во время кризисов, войн, катастроф и т. д. Человеку очень трудно объяснить, почему иногда он должен пожертвовать своей жизнью ради других, хотя и для этого можно найти причи-

---

²⁰ Соловьев В.С. Право и нравственность / Соловьев В.С. Соб. соч. Второе издание. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», Т. 8. 1914. С. 592.

ны психологического характера. Поэтому можно сказать, что по мере того, как конкретные общества, человечество в целом будут становиться более совершенными, принимаемые решения будут коммуникативными, будут минимизированы военные конфликты, будет надежная система производства, исключающая или минимизирующая возможности возникновения техногенных катастроф – основания для рационального понимания морали будут возрастать. Соответственно будут сокращаться и основания для существования морального абсолютизма.

Литература

Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Республика, 2000.

Гегель Г.В.Ф. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве. Отв.ред. Д.А. Керимов // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука. 1978. С. 185–75.

Кант И. Основоположения к метафизике нравов/ под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т.3. М.: Московский философский фонд. 1997. С. 39–275.

Кант И. К вечному миру. Философский проект / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1993. С. 353–477.

Кант И. Критика способности суждения / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. М.: Наука, 2001. С. 69–834.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1993. С. 79–123.

Максимов Л.В. Концепт «свобода воли в этике» // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 2. С. 5–19.

Платон. Евтидем / пер. с древнегреч. С.Я. Штейнман-Тонштейн // Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1 / под общ. ред. А.В. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 1990. С. 158–202.

Соловьев В.С. Право и нравственность / *Соловьев В.С.* Соб. соч. Второе издание. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», Т. 8. 1914. С. 517–656.

Соловьев В.С. Философские начала цельного знания / *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 139–288.

Соловьев В.С. Оправдание добра / *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 244–245.

Oakley J. Morality and the Emotions. London, Routledge, 1993.

References

Adorno T. *Problemy filosofii morali* [Problems of Moral Philosophy]. Moscow: Respublika, 2000 (in Russian).

Hegel G.W.F. O nauchnykh sposobakh issledovaniya estestvennogo prava, ego meste v prakticheskoy filosofii i ego otnoshenii k nauke o pozitivnom prave [On the Scientific Ways of Treating Natural Law, Its Place in Practical Philosophy, and Its Relation to the Science of Positive Law], in: Hegel G.W.F. *Politicheskie proizvedeniya* [Political Writings]. Moscow: Nauka, 1978. P. 185–275 (in Russian).

Kant I. Osnovopolozheniya k metafizike npravov [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], vol. 3. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond, 1997. P. 39–275 (in Russian).

Kant I. K vechnomu miru [Toward Perpetual Peace], in: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya firma AO "Kami", 1993, pp. 353–477 (in Russian).

Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of the Power of Judgment], in: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], vol. 4. Moscow: Nauka, 2001. P. 69–834 (in Russian).

Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane [Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim], in: Kant I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian], vol. 1. Moscow: Izdatel'skaya firma AO "Kami", 1993. P. 79–123 (in Russian).

Maksimov L.V. Kontsept "svoboda voli" v etike [The Concept of Free Will in Ethics]. *Ethical Thought*. 2015. Vol. 15. N. 2. P. 5–19 (in Russian).

Plato. *Evtidem* [Euthydemus], trans. from Ancient Greek by S.Ya. Shteynman-Tonshtyn, in: Plato. *Sobranie sochineniy v 4-kh tt.* [Collected Works in 4 vols.], vol. 1, ed. by A.V. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi. Moscow: Nauka, 1990. P. 158–202 (in Russian).

Solovyov V.S. Pravo i npravstvennost' [Law and Morality], in: Solovyov V.S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works], 2nd ed., vol. 8. Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie", 1914. P. 517–656 (in Russian).

Solovyov V.S. Filosofskie nachalatsel'nogo znaniya [Philosophical Principles of Integral Knowledge], in: Solovyov V.S. *Sochineniya* [Works], vol. 2. Moscow: Mysl', 1990. P. 139–188 (in Russian).

Solovyov V.S. Opravdanie dobra [The Justification of the Good], in: Solovyov V.S. *Sochineniya* [Works], vol. 1. Moscow: Mysl', 1990. P. 244–245 (in Russian).

Oakley J. *Morality and the Emotions*. London: Routledge, 1993.

Moral Absolutism

Alexander Razin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ethics, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), razin54@mail.ru

We demonstrate the emptiness of Kant's concept of «good will,» its incompatibility to understand the specific forms of moral duty expression, and an understanding of the diverse nature of moral motives. The idea of moral autonomy, associated with the concept of "good will", simplifies the understanding of moral motives, leading to their consideration based on a special kind of causality that generates an orientation toward goodness without the influence of any natural (psychological) or socially determined factors. In reality, moral motivation and free choice cannot be understood without taking into account a certain heteronomous reality. The idea of moral autonomy, associated with the concept of «good will,» simplifies the understanding of moral motives, leading to their consideration based on a special kind of causality that generates an orientation toward goodness without regard for the influence of any natural (psychological) or socially determined factors. In reality, however, moral motivation and free choice cannot exist without reference to some heteronomous reality. The article demonstrates that Kant himself repeatedly departed from his principle of moral autonomy. As for moral absolutism, developing on the basis of a heteronomous understanding of morality, it is characterized by alienation, since a person submits to the demands of the absolute, which in itself is rationally incomprehensible. The contradictions of the heteronomous approach, which develops from the notion of some absolute, are demonstrated on the base of V.I. Solovyov's concept. We demonstrate that Solovyov's legal concept is utopian due to the impossibility of combining various absolutist principles, and his understanding of the history of social development is schematic.

Keywords: morality, motivation, absolutism, utilitarianism, autonomy, good will, heteronomous reality

For citation: Razin A.V. (2026) Moral Absolutism // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 38-50.

Date of receipt: 04.03.2026.

Гюнтер Штерн-Андерс как философ музыки: от критики «оптической» феноменологии к акустическому стереоскопу

Анна Ганжа, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
ann.ganzha@gmail.com

Максим Жиганов, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), zhiganov.maksim.977@gmail.com

Статья посвящается памяти нашей коллеги философа и музыкальной энтузиастки Татьяны Юрьевны Сидориной и представляет собой очерк интеллектуальной биографии и набросок музыкально-философских взглядов немецкого мыслителя Гюнтера Штерна-Андерса (1902–1992), сосредотачиваясь в их изложении на одном из его этапов первой половины 1930-х гг., когда Андерс попытался представить к защите свою вторую, хабилюционную диссертацию «Философские исследования музыкальных ситуаций» (*Philosophische Untersuchungen über musikalische Situationen*, 1931), написанную под руководством Пауля Тиллиха, в ходе обсуждения которой он не получает поддержки Теодора Адорно и навсегда отказывается от своей идеи. В ходе статьи отдельные пункты диссертации анализируются в ракурсе других работ Андерса по музыке, среди которых выделяются социологические работы и размышления в жанре ранних протомедиатеорий. В статье показывается, что разрозненность музыкально-философского наследия Андерса является ширмой, за которой можно обнаружить верность Андерса феноменологическим установкам. Понятие «музыкальной ситуации» было выбрано Андерсом не произвольно, а в качестве противоядия предрассудкам в ходе производства и оценивания акта слушания. В статье показывается, как спорадический характер обращения Андерса к аудиальной сфере, тем не менее, позволяет проследить эволюцию его музыкально-философских установок.

Ключевые слова: Гюнтер Андерс, музыкальная феноменология, музыкальная ситуация, философия музыки, бытие-в-музыке, Теодор Адорно

Для цитирования: Ганжа А.Г., Жиганов М.Д. Гюнтер Штерн-Андерс как философ музыки: от критики «оптической» феноменологии к акустическому стереоскопу // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 51-77.

Дата поступления: 04.03.2026.

Наша статья посвящена памяти нашей выдающейся коллеги Татьяны Юрьевны Сидориной, мыслительницы широкого профиля, философа и музыкального энтузиастки. Мы не были близко знакомы с Татьяной Юрьевной, но общим местом, на которое нам важно здесь предварительно указать, является тот факт, что музыкальные и звуковые энтузиасты, особенно если посмотреть на эту проблему с более широкой точки зрения – например, с позиции социальной эпистемологии – часто составляют то, что принято называть «атомизированным сообществом», но только в своем позитивно-атомизированном варианте. Здесь лозунг «свобода и единение» является не благим пожеланием, а единственной возможностью поддерживать баланс между социальной природой музыкальных миров и одиночной работой исследователя, при любых обстоятельствах и душевном настрое вынужденного сохранять плотную связь с музыкой.

Несмотря на то, что наследие Татьяны Юрьевны, очевидно, будет пополняться расшифрованными видеозаписями и отредактированными черновиками, уже сейчас можно сказать, что Татьяна Юрьевна, являясь далеко не единственной представительницей поколения своего рода «полигисторов», для которого интерес к самым разным и далеким друг от друга теоретическим и практическим областям был почти нормой, сохраняла удивительную верность своим учителям и наставникам, не смешивая, но совмещая и усиливая свою сконцентрированность на каждой из них. Ее интерес к прекрасному сохранял внутри себя все установки того цехового мира, который обучил ее и снабдил инструментами понимания и ремесла. Свои курсы она выстраивала таким образом, чтобы из них не пропадал возвышенный элемент, – в современном университете мало кто на это решается, для этого требуется мужество и цельность, которые отличали Татьяну Юрьевну.

В память о Татьяне Юрьевне мы хотим обратиться к эволюции теоретической мысли в музыкально-философских работах Гюнтера Штерна-Андерса (1902–1992) – философа, писателя, активиста и интеллектуала, чья диссертация по музыкальной феноменологии была опубликована и обретаена читателями всего девять лет назад¹ и пока еще совершенно неизвестна в России. Этот выбор не случаен: Андерс – именно та фигура, которая демонстрирует уникальную в своем роде биографию музыкального исследователя, которым были схвачены все важные пункты строгих философских подходов к изучению феномена музыкального, но который – и это многое говорит о музыкальных процессах XX века, – довольно последовательно снимал с себя обязательства по продолжению казавшихся ему малоперспективных линий. Мы бы рискнули сказать, что Андерс оказался, по большому счету, мыслителем, перенявшим и реципировавшим аутсайдерскую

---

¹ Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente. Ed. by R. Ellensohn. München: C.H. Beck, 2017. P. 15–140.

линию Кьеркегора или Бенямина, но не в силу какой-то особенности или установки, а ради того, чтобы сохранять верность философии как строгой, в широком смысле, науке.

Мы обратимся к одному, достаточно обширному периоду исследовательского пути Андерса, позволяющему более полно и объемно взглянуть на особенности философско-музыкальной мысли первых десятилетий XX века, чем это есть сейчас. Мы в общих чертах проследим те предпосылки, обстоятельства и эпизоды биографии Андерса, которые сформировали специфику его понимания музыки и оказали влияние на разработку собственной теории в рамках второй его по счету диссертации под названием «Философские исследования музыкальных ситуаций», обратившись к главным ее положениям. Мы уверены, что введение в поле отечественной интеллектуальной дискуссии фигуры Андерса может внести вклад в детализированное изучение исторического контекста музыкальной феноменологии и музыкальной философии 1920-1940-х гг.

На английском, немецком, итальянском языках нам удалось обнаружить достаточно обширный корпус литературы, интерпретирующей биографию и раннее наследие Андерса². Кроме того, в Вене, где после Второй мировой войны и до своей смерти жил Андерс, в 2012 году было создано общество его имени³, занимающееся сохранением, каталогизацией и популяризацией его наследия, организуя конференции лекции, выставки, ведя посвященный его интеллектуальному наследию журнал, публикуя интервью и принимая участие в финансируемых исследовательских проектах⁴.

В контексте нашей темы можно условно выделить три периода⁵ исследовательской работы Андерса в 1920-х–начале 1930-х гг.: «феноменологи-

² *Van Dijk P.* Anthropology in the Age of Technology: The Philosophical Contribution of Günther Anders. Amsterdam: Rodopi, 2000; *Ellensohn R.* Der andere Anders: Günther Anders als Musikphilosoph. Bern: Peter Lang, 2008; *Bischof G., Dawsey J., Fetz B., eds.* The Life and Work of Günther Anders. Emigre, Iconoclast, Philosopher, Man of Letters. Innsbruck: Studienverlag, 2015; *Steege B.* An Unnatural Attitude: Phenomenology in Weimar Musical Thought. Chicago: University of Chicago Press, 2021; *Babich B.* Günther Anders' Philosophy of Technology: From Phenomenology to Critical Theory. London: Bloomsbury Academic, 2022; *Ursitti F.* Adorno, Anders, and Heidegger Entangled. Padova: Padova University Press, 2024. Приведенная литература используется как основной источник биографических сведений.

³ Internationale Günther Anders-Gesellschaft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.guenther-anders-gesellschaft.org/> (дата обращения: 26.01.2026). См. также более не обновляющийся сводный материал по наследию Андерса, собранный Гарольдом Маркузе, внуком Герберта – друга Андерса, предоставившего в 1940-1941 гг. Гюнтеру свою комнату в доме в Санта-Монике, когда тому было негде жить: Günther Anders. (Guenther Anders, Gunther Anders). Journalist, Philosopher, Essayist, 1902-1992 [Электронный ресурс] URL: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/anders.htm> (дата обращения: 26.01.2026).

⁴ На сайте Австрийской национальной библиотеки имеется отдельная страница с архивом Андерса, онлайн-доступ к фрагментам которого возможен только по запросу. См.: Inhaltsübersicht ÖLA 237/04: Nachlass Günther Anders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.onb.ac.at/sammlungen/literaturarchiv/bestaende/personen/anders-guenther-1902-1992/inhaltsuebersicht-oela-237/04-nachlass-guenther-anders> (дата обращения: 26.01.2026).

⁵ Деление на три периода интеллектуального пути Андерса, но в адаптированном под цели

ческий» с предшествующим ему интеллектуальным вызреванием, сосредоточенным на критике визуально-объективирующего языка (1920–1924); период, где совмещается удержание философско-антропологических и музыкально-феноменологических интересов с ощутимым хайдеггеровским влиянием (1924/1925⁶–1931); и начиная с 1931 года, почти полный отход от музыкальной проблематики с редкими и неудачными попытками возобновить некогда начатый глубокий музыкально-философский разговор. Мы сосредоточимся преимущественно на первом и втором этапах, коротко охарактеризовав и третий.

Часть 1. Биографическая ситуация: рождение философа как удача

1.1. Ситуация и суждение

Гюнтер Андерс⁷ родился в 1902 году в Бреслау (Вроцлав) в семье известных психологов Вильяма и Клары Штерн. Его отец был одним из основателей дифференцированной психологии, создал концепцию коэффициента интеллекта (IQ) и разработал вариатор тона – инструмент для изменения человеческой чувствительности к изменению высоты звука. Вальтер

статьи виде, позаимствовано нами из: *Perreau L. Günther Anders à l'école de la phénoménologie // Tumultes. 2007. Vol. 1. № 28–29. P. 23–24.*

⁶ В этом году он впервые задумался о получении степени по музыке после того как провел год в Марбурге у Мартина Хайдеггера.

⁷ В философской литературе оформилась конвенция использовать фамилию «Андерс» как единственную. Одна из главных причин, помимо обыкновенного удобства, состоит в том, что больший отрезок его интеллектуальной жизни, в ходе которого он написал свои ключевые работы, был прожит под этим псевдонимом; насколько можно судить из источников, в паспорте фамилия осталась той же, что и при рождении. Первые публикации под псевдонимом в газете «*Berliner Börsen-Courier*» датируются маем 1932 года, однако с 1937 по 1939 год – в 1936 году он бежал в США, – Андерс использовал фамилию своего отца (можно предположить, по юридическим соображениям), а вышедшая в 1948 году статья под названием «О псевдоконкретности философии Хайдеггера» подписана двойной фамилией (*Stern-Anders G. On the Pseudo-Concreteness of Heidegger's Philosophy // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. Vol. 8. № 3. P. 337–371*), поэтому более надежным утверждением будет здесь то, что псевдоним окончательно закрепился в качестве фамилии после возвращения Андерса в Европу в 1950 году. Повод к изменению фамилии принято усматривать в его возросшей к 1931 году политизированности – по видимости, после неудачной презентации диссертации и знакомства с Бертольдом Брехтом (в память о нем Андерс впоследствии напишет книгу), который и помог ему устроиться в газету, на страницах которой тот позволял себе довольно смело высказываться о разворачивавшейся в стране ситуации, что невыгодно накладывалось на его «еврейскую» фамилию. Существует также версия, гласящая, что главный редактор газеты Герберт Иеринг предложил тогда еще Штерну выбрать псевдоним, так как слишком много статей публиковалась под этой фамилией – то ли под авторством одного только Гюнтера, то ли включая его однофамильцев. Чтобы сохранить историческую точность, все тексты до 1932 года будут обозначаться настоящей фамилией в сносках и библиографии, а после – устоявшимся псевдонимом. При этом в теле текста мы будем использовать только псевдоним, поскольку момент изменения фамилии не принципиален для логики повествования.

Беньямин приходился ему двоюродным братом. В доме часто можно было слышать игру на фортепиано и пение, и с детства Андерс проявлял интерес к музыке, научившись играть на фортепиано и скрипке. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, семья переезжает в Гамбург – его отца приглашают в местный университет, – и остается там на последующие 18 лет. В Гамбурге Андерс заканчивает школу и в 1920 году поступает в местный университет.

В последующие четыре года Андерс обучался в разных городах Германии, помимо Гамбурга: Фрайбурге, Берлине и Мюнхене. Философия в его академической подготовке была лишь одним из элементов: помимо нее, Андерс много времени уделял изучению истории искусств у Эрвина Панофски, Генриха Вельфлина, Адольфа Гольдшмидта и психологии – не без влияния отца; Йонас Кон был хорошим другом Вильяма Штерна. Собственно философию до второй поездки во Фрайбург к Эдмунду Гуссерлю и Хайдеггеру Андерс изучал, посещая лекции Эрнста Кассирера, который вместе с его отцом возглавлял Институт философии, неокантианца Альберта Горланда и Морица Гайгера – одного из крупных представителей мюнхенской школы феноменологии. Не будет преувеличением сказать, что к моменту второго приезда во Фрайбург в 1923 году Андерс имел достаточно большой и разнообразный академический опыт и богатое представление о существующих подходах в рамках наук о человеке. Психологическая (формирование новых ветвей этой науки он мог наблюдать воочию) и философская траектории сошлись в рамках появившегося у Андерса интереса к феноменологии, который возник не в последнюю очередь благодаря Гайгеру.

Чтобы составить общее представление о стиле философствования Андерса к тому моменту, остановимся вкратце на нескольких пунктах его диссертации под названием «Роль категории ситуации в логических предложениях» (*Die Rolle der Situationskategorie bei den logischen Sätzen*, 1924)⁸, написанной под руководством Гуссерля. Именно в ней были высказаны первые предположения относительно пределов возможности объективных высказываний. Это важный для нас пункт, поскольку он напрямую связан с его концепцией нахождения внутри музыкального акта или музыкальной ситуации. Эти интуиции в переработанном виде затем вошли в труд «Об обладании» (*Über das Haben*, 1928)⁹ и впоследствии были переложены в его главную музыкальную работу¹⁰.

⁸ Stern G. Die Rolle der Situationskategorie bei den logischen Sätzen. PhD Thesis. – Freiburg: Albert-Ludwigs-Universität, 1924.

⁹ Stern G. Über das Haben. Sieben Kapitel zur Ontologie der Erkenntnis. Bonn: Cohen, 1928.

¹⁰ Понятие ситуации, оставшись для Андерса продуктивным вплоть до написания второй диссертации, было переработано для работы на поле музыкальной философии, но сохранило момент описываемой здесь непредсказуемости и своего рода негативности по отношению к процедурам обобщения.

Во второй главе, озаглавленной как «Феноменология ситуативно-обусловленных суждений» (*Phänomenologie der situationsgebundenen Urteile*) Андерс полемизирует с Гуссерлем (в частности, с работой «Логические исследования. Т.2.», Глава III. Колебания значения слов и идеальность единства значений¹¹) и его делением выражений на объективные (чье значение может быть определено без учета обстоятельств, сопутствующих выражению) и субъективные (определение значения невозможно без внимания к контексту), в рамках которого также подразумевается, что вторые в идеальном смысле, т.е. как проявление общего принципа, могут быть сведены к первым. Однако ранее в §26 «Сущностно окказиональные [*okkasionell*] и объективные выражения» Гуссерль утверждает, что выражения, содержащие местоимение «я», не обладают объективным смыслом в силу того, что те наделены как бы двойным значением: с одной стороны, они указывают на бытие самим собой (тот, кто производит высказывание, есть он сам, а не кто-то иной); с другой – предполагают, что им обозначается сам индивидуальный субъект (высказывание производится именно этим субъектом, а не каким-то другим). Иными словами, субъект и объект выражения совпадают и в то же время разнятся, поскольку имеет место самореферентность.

Этот тезис, согласно позиции Андерса, демонстрирует нередуцируемость некоторых выражений к объективной форме и их относительный/реляционный характер, т.е. их зависимость от контекста/ситуации – Андерс называет эту особенность *Situationsgebundenheit*. Похожую процедуру он проделывает, подвергая анализу выражения с местоимением «ты», которое в силу своей вокативной природы имеет неустранимую коммуникативную функцию. В обоих случаях, подчеркивает Андерс, местоимения не являются знаками для обозначения чего-либо, но выступают в качестве значения как такового. Третье лицо (а не все выражения с личным местоимением) без всякого изменения полагается в качестве наиболее подходящего понятию объективного выражения, поскольку местоимение в данном случае может быть заменено, например, именем собственным. Результат всей этой скрытой полемики ученика с учителем заключается в экспликации несогласия Андерса с тем тезисом, что все выражения могут быть приведены к стандартному логическому виду «S есть P», т.е. в предлагаемой логике – к объективному выражению. С точки зрения трансформации его философской позиции эта аргументация приводит Андерса к постепенному (но не полному) отходу от строгого «оптического» гуссерлевского метода, настроенного на выявление сущностей, и поиску более «антропоцентричных» и рассредоточенных подходов, которые бы были более чувствительны к конкретным человеческим проявлениям, что мы и обнаруживаем в его дальнейших музыкальных исследованиях.

¹¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2 / пер. с нем. В.И. Молчанова // Логос. 1997. № 10. С. 5–64.

1.2. Ситуация и звучащее

Во время написания упомянутой работы Андерс посещает лекции Хайдеггера (тогда – ассистента Гуссерля) во Фрайбурге и, вероятно, попадает под его прямое влияние – так, на первой странице диссертации можно обнаружить упоминание понятия мира в той же формулировке, что и у Хайдеггера¹². Отход от гуссерлевских установок укреплялся. После успешной защиты Андерса Гуссерль, несмотря на довольно сильные расхождения и прямую критику Андерсом некоторых его философских положений, предложил Андерсу стать его ассистентом, в то время как Хайдеггер переезжает преподавать в Марбург. Андерс отказывается и тоже отправляется в Марбург, чтобы продолжить погружаться в философию своего нового учителя. Период между 1924 и 1925 годами можно назвать началом нового этапа, в котором и происходит, помимо прочего, прочная фокусировка на музыкальных интересах.

Первая половина 1920-х гг. в Веймарской республике характеризуется особым подъемом интереса к музыкальной феноменологии: «Второй конгресс по эстетике и общему искусствознанию» (*Zweiter Kongress für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*) в Берлине в 1924 году стал важным событием в истории этого направления¹³. Благодаря именно Второму конгрессу оформилась целая плеяда новых на тот момент исследователей, имевших как философский, так и музыковедческий опыт: в качестве наиболее известных имен можно привести Романа Ингардена, Хельмута Плеснера, Ханса Мерсмана, Генриха Бесселера. Еще будучи во Фрайбурге, Андерс входит в своего рода кружок, возглавляемый Виллибальдом Гурлиттом – тогда главой Института музыковедения Фрайбургского университета. Помимо изучения в рамках этого кружка трудов Курта Хубера, Генриха Шенкера, Арнольда Шёнберга, Пауля Беккера, Гуго Римана, Эдуарда Ганслика и др., Андерс принимает участие в работе «Collegium musicum» – общества,

---

¹² «То, что в обыденной жизни означает “мир”, если отвлечься от понятийных конструкций отдельных наук, не дано сознанию как нечто однородное; напротив, поскольку мир – говоря в самом общем виде – центрирован вокруг сознания, и поскольку, как формулирует Мартин Хайдеггер, мир существует не как объект, стоящий перед кем-то, а так, что человек есть «бытие-в-мире», этому миру по существу присуща определенная перспективность. Эту перспективность вовсе нельзя назвать «субъективной»: иначе мир и не мог бы быть дан. К его объективному значению принадлежит то, что он конституируется из того, что само находится в нем или вокруг чего он организован: из “я”, сознания, личности – или как еще это ни назови. Мы будем именовать подобного рода объект – если здесь под объектом мы понимаем в самом общем смысле все то, что может стать темой рассмотрения – “обстоятельством” (Umstand)». (*Stern G. Die Rolle der Situationskategorie bei den logischen Sätzen. P. 1a*). Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи.

¹³ См. сборник статей по итогам конгресса: *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft: Zweiter Kongress für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft Berlin, 16.-18. Oktober 1924* [Электронный ресурс]. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/zaak19_1925 (дата обращения: 26.01.2026).

основанного Гурлиттом в 1920 году для продвижения и исполнения средневековой музыки.

Посещая встречи этого общества, он значительно расширяет свой музыкальный горизонт и обновляет собственный взгляд на то, каким образом следует подходить к изучению музыки. Примерно в это же время Андерс начинает делать пробы пера в качестве музыкального журналиста в берлинской газете «Vossische Zeitung», гамбургском журнале «Musikwelt», газете «Hamburger Fremdenblatt», венской «Musikblätter des Anbruch». Там он публикует свои статьи, заметки и репортажи о Ферруччо Бузони, атональной музыке, опере, восприятии европейской музыки представителем индийской музыкальной культуры и радио¹⁴. Все эти опыты позволяют ему выйти за пределы кабинета, вовлечься в богатую на тот момент музыкальную жизнь Европы и сформировать представление обо всем ее многообразии.

Просвечивающий сквозь его письмо заметный крен в сторону философской антропологии объясняется просто, если посмотреть, с кем на тот момент Андерс сотрудничал и под чьим руководством работал – это были Макс Шелер и Плеснер. В 1926 году Андерс на непродолжительное время становится ассистентом Шелера в Кельне. Доподлинно неизвестно, почему он довольно быстро покинул эту должность, но можно твердо подсчитать, что заинтересованное отношение Андерса к вопросам философской антропологии и, в частности, к работам Шелера, длилось по меньшей мере десять лет: в 1923 он написал рецензию на его труд «Сущность и формы симпатии»¹⁵, а девятью годами позднее – на сочинение под названием «Философское мировоззрение»¹⁶.

Как минимум с 1926 года (год, когда Плеснер прибывает из Геттингена в Кельн) Андерс вступает в регулярную научную коммуникацию с Плеснером – на это указывают год начала сохранившейся между ними переписки¹⁷, а также публикация в 1926 году одной из статей Андерса в журнале «Philosophischer Anzeiger», основанном Плеснером¹⁸. Работа Плеснера

¹⁴ См. перечисленные тексты: *Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente.* P. 205–380.

¹⁵ *Stern G. Max Scheler, Wesen und Formen der Sympathie // Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie.* 1923. Vol. 12. P. 413.

¹⁶ *Anders G. Max Scheler, Philosophische Weltanschauung // Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie.* 1932. Vol. 21. P. 91.

¹⁷ *Anders G. Gut, dass wir einmal die hot potatoes ausgraben. Briefwechsel mit Theodor W. Adorno, Ernst Bloch, Max Horkheimer, Herbert Marcuse und Helmuth Plessner.* Ed. by R. Ellensohn and K. Putz. München: C.H. Beck, 2022. P. 187–241. Переписка между Андерсом и Плеснером была инициирована последним в 1925 году в связи с желанием Плеснера как главного редактора только что созданного им журнала включить рецензию Андерса на книгу Арнольда Метцгера «Объект познания» (*Der Gegenstand der Erkenntnis*, 1925) в один из первых номеров (см. следующую сноску).

¹⁸ *Stern G. Über Gegenstandstypen. Phänomenologische Bemerkungen anlässlich des Buches: Ar-*

«Единство чувств» (*Die Einheit der Sinne*, 1923)¹⁹ оказала большое влияние на Андерса – с опорой на нее он пытается преодолеть оптическую парадигму Гуссерля и предложить более акустически ориентированную интерпретацию анализа музыкального произведения – утверждения Плеснера о том, что «когда мы производим звук, мы им становимся»²⁰, а также о том, что «никто не может сказать, что музыкальное произведение “означает”, кроме него самого»²¹, стоит рассматривать как важные исходные точки для последующих построений Андерса.

В упомянутом труде «Об обладании» он пишет, ссылаясь на Плеснера, что «музыка находится между логическим смыслом и отсутствием смысла», называя это промежуточное положение в другой работе «определенность неопределенности» (*Bestimmtheit der Unbestimmtheit*)²². В 1927 году в журнале «*Zeitschrift für Musikwissenschaft*» выходит его статья «О феноменологии слушания. Объяснение на примере прослушивания импрессионистской музыки» (*Zur Phänomenologie des Zuhörens*)²³ – первая статья по философии музыки, в которой он подводит своего рода промежуточный итог по результатам дискуссий с Плеснером и рецепции его трудов. Андерс, если обобщать, занимает условную антиисторическую музыкально-герменевтическую позицию, ставя под сомнение привычный к тому моменту тезис о том, что каждая конкретная историческая форма музыки требует собственного подхода к ее пониманию, и тем самым не соглашается с утверждением о делении на аутентичные и неаутентичные способы слушания. Вместо этого им предлагается понятие «совместного исполнения» (*Mitvollzug*) как возможного способа преодоления (или по меньшей мере – ослабления) традиционной субъект-объектной дихотомии за счет «единства акта и настроения» (*Einheit von Akt und Stimmung*). Этот ход следует рассматривать как противопоставленный однонаправленной гуссерлевской интенциональности, понимаемой в широком смысле как сумма актов сознания, направленных на объект; в «Философских исследованиях...» можно также найти термин «бытие-в-музыке» (*In-Musik-Sein*) – здесь перед нами налицо влияние Хайдеггера. Открытость перед музыкой отдельно взятого, обособленного субъекта слушания, особым образом настроенного и обладающего своим внутренним временем внутри течения своей «фактической жизни», соединяется с постепенным разворачиванием музыки, которая,

---

nold Metzger “Der Gegenstand der Erkenntnis” // *Philosophischer Anzeiger*. 1925/1926. Vol. 1. № 2. P. 359–381.

¹⁹ Pleßner H. *Die Einheit der Sinne. Grundlinien einer Ästhesiologie des Geistes*. Bonn: Cohen, 1923.

²⁰ Idem. *Gesammelte Schriften III. Anthropologie der Sinne*. Frankfurt: Suhrkamp, 1980. P. 350.

²¹ Цит. по: *Ursitti F.* Adorno, Anders, and Heidegger Entangled. P. 50.

²² *Stern G.* Über das Haben. Sieben Kapitel zur Ontologie der Erkenntnis. P. 42.

²³ *Stern G.* Zur Phänomenologie des Zuhörens. (Erläutert am Hören impressionistischer Musik) // *Zeitschrift für Musikwissenschaft*. 1927. Vol. 9. № 11–12. P. 610–619.

в свою очередь, не просто разворачивается на условиях этой настроенности, но и превосходит ее за счет недискурсивного элемента (Плеснер описывает эту особенность так: «ее [музыки] среда – самоочевидность непостижимого»²⁴), что в обязательном порядке включает предположение о наличии Иного/непостижимого и возможность стать кем-то другим. Когда некто слышит, он уже находится в состоянии *Stimmung*, он уже находится-в-музыке, он оказывается в звуке и внутри него, он и становится звуком.

Мы видим, как в таком случае могут продуктивно и без особых препятствий смыкаться музыковедческий, философский (конкретнее – хайдеггеровский и плеснеровский) и психологистский языки.

1.3. Ситуация и реабилитация

Еще в 1926 году Вильям Штерн пишет Кону: «Мы надеемся, что феноменология музыки когда-нибудь сможет стать темой для получения реабилитации, но где?»²⁵. Андерс, продолжая работать музыкальным журналистом и параллельно посвящая много времени и сил академическому труду, живет в Париже, изредка навещая родителей в Гамбурге. В 1929 году он женится на Ханне Арендт, с которой в 1925 году вместе слушал лекции Хайдеггера в Марбурге. Они ненадолго останавливаются в Потсдаме и Гейдельберге, после чего переезжают в Франкфурт на рубеже 1929/1930 годов. Главная причина переезда заключалась в желании Андерса зарекомендовать себя в Франкфуртском университете – одном из ведущих и прогрессивном в философском отношении заведении (основан в нынешнем виде в 1914 г.) своего времени, в котором работали Тиллих, Макс Хоркхаймер, Карл Мангейм, Макс Вертхаймер. Там в феврале 1930 года он выступает перед местным Кантовским обществом с докладом «Свобода и опыт», который был положительно принят почти всеми слушателями, среди которых были Хоркхаймер, Адорно, Тиллих, Курт Рицлер, Мангейм, Вертхаймер.

Единственным, кто скептически отнесся к выступлению, был Адорно, на тот момент только планировавший начать писать свою работу под руководством Тиллиха (но не по музыке, а Кьеркегору) и так же, как и Андерс, защитивший свою первую диссертацию в 1924 году у Ганса Корнелиуса под названием «Трансценденция вечно и ноэматического в феноменологии Гуссерля», в которой тот так же, как следует из названия, вступил в полемику с основателем феноменологического движения²⁶. Тем не менее коллеги по не очень ясной нам пока причине рекомендуют именно Тиллиха в качестве руководителя, хотя на тот момент тот еще не руководил работой Адор-

²⁴ Цит. по: Ursitti F. Adorno, Anders, and Heidegger Entangled. P. 54.

²⁵ Цит. по: Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente. P. 350.

²⁶ Кстати сказать, в 1925 году Бенъямин не защитился в том же Франкфуртском университете со своим «Происхождением немецкой барочной драмы».

но, который начнет писать ее только весной. Важно, однако, иметь в виду, что Тиллих считал себя недостаточно сведущим в вопросах как музыковедения, так и философии музыки – музыка была для него важным объектом и ценным источником примеров, но главным образом в контексте его теологической теории. Поэтому в дальнейшем Тиллих полагался прежде всего на авторитет и экспертизу Адорно, уже успевшего опубликовать около сотни музыковедческих статей, в т. ч. как музыкальный критик.

Когда летом 1931 года Андерс неофициально, в узком кругу представляет текст перед Тиллихом, Адорно, Хоркхаймером, Мангеймом, Рицлером и Куртом Гольдштейном, текст отклоняют. Исследователи и хроникеры называют обыкновенно две главные причины: наращивание политического влияния нацистами и решительное неприятие со стороны Адорно. Исследователи немецкой философии этого периода придерживаются той очевидной интерпретации, что поскольку Андерс имел еврейское происхождение и хабилитировать его было опасно, защиту оптимистичным образом было предложено перенести на то время, когда, по выражению Андерса, «стихнет антисемитская волна»²⁷. Вместе с этим, как и в случае с докладом, Адорно был единственным, в рамках ориентации на музыкальное, кто был полон критики к содержанию работы. В формальном отношении его голос, строго говоря, не имел веса, так как он еще не был хабилитирован, но его репутация на тот момент имела решающий вес в этом кругу, – к его критике нельзя было не прислушаться и не принять ее как обоснованную. Кроме того, в ходе процедуры и сам Тиллих не отличился последовательной решительностью в защите своего подопечного. В качестве компромисса Тиллих предложил Андерсу пока попробовать написать другую, более предсказуемую по результативности и общезначимости работу по Шеллингу. В скором времени Андерс покидает Франкфурт, снова переезжает в Париж, а в 1936 году отправляется в США.

В 1983 году Андерс получил премию Адорно, но не присутствовал на вручении лично во Франкфурте по состоянию здоровья, приняв поздравления по телемосту из Вены.

Часть 2. Музыкальная ситуация: музыкальная феноменология как провал

2.1. Ситуация беспокойства

Такова общая канва событий, внутри и поверх которых располагается андерсовское философское письмо о музыке. Если взглянуть на этот последовательно растущий философски-теоретический интерес Гюнтера Андерса к музыке, то несколько схематизированным образом можно проследить

²⁷ Цит. по: *Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente*. P. 356.

в нем эволюционную линию от момента, когда пронизательные и точные наблюдения музыкального эссеиста обретают устойчивость в феноменологии и философской антропологии, оформляются в противоречивом тексте диссертации, вырастающей из ученичества у Гуссерля с последующим с ним разрывом, одновременно «прошиваются» хайдеггеровскими установками, закрепляются интуициями шелеровской и плеснеровской философской антропологии с попутным дрейфом в сторону негативной антропологии, решительно оставляются, чтобы в зрелый период вернуться уже в размышлениях над медиатизированностью музыкального и медиальностью звукового, явленного эпохой радио своим «акустическим стереоскопом». Если дальше мы могли бы здесь развивать корни и специфику этой эволюции – а на это, полагаем, понадобилось отвести целую обширную монографию, – то ее следовало бы назвать «"Untersuchungen über musikalische Situationen": музыкальная феноменология как провал», – с той еще очевидной презумпцией, что любой феноменологический проект такого рода не просто утопичен для полной своей реализации, но и в самом деле и является формой такого «провала», демонстрирующей все стороны своей уязвимости со стороны фактологии, критики и достаточности оснований и инструментов.

Здесь же нам придется указать и на важный этап воображаемого «андерсоведения», внутри которого мы сейчас находимся. Его уникальность состоит в том, что наследие Андерса открыто практически одномоментно, что оно не просто насыщено, но и представляет собой готовый и с исторической точки зрения, почти идеальным образом представленный доступный архив, что этот архив только начинает распространяться среди исследователей музыкально-философских идей, и что на этой новоначальной стадии у каждого, кто присоединяется к изучению наследия Андерса, есть своего рода карт-бланш, чтобы производить только ту работу относительно интерпретации этого наследия, которая кажется ему важной. Пока нам только видно, что есть несколько «Гюнтеров Андерсов»: мы опознаем у него «дублированные» куски биографий Беньямина и Адорно, он иногда становится невидимкой, а иногда выплывает на первый план; тематически у него представлен весь диапазон интеллектуальных дискуссий, которые он оформлял в оригинальном и систематическом виде законченных сочинений. Андерс вторичен, но не в негативном смысле: он вечный реципиент чужих идей, в постоянной фазе ученичества, набора идей и реинтерпретации.

Поэтому остаток нашего обзора мы бы хотели посвятить интуициям Андерса, которые не просто опережали свое время, но, будучи вовремя непрочитанными и неузнанными, в процессе своего «отлеживания» дали дорогу тем их переизобретателям, которые ничего не зная о полемике 1930-х гг., ставят почти уже решенные вопросы заново и приходят к похожим итогам, но фиксируют их иным теоретическим языком. В этом отношении интересна работа Христиана Вассильева – болгарского философа-фено-

менолога музыки из Софии, который одним из первых отозвался научной статьей на публикацию архива Андерса²⁸. Для Вассильева проблема «музыкальной ситуации» предстает как одна из сторон другой, более важной проблемы – музыкальной идентификации. По-русски этот термин звучит довольно специфично и двусмысленно из-за слабости феноменологической традиции в изучении музыки, где есть только возвышающаяся над всем фигура Алексея Лосева, который, к сожалению, написал слишком мало трудов по музыке и потому окружен некоторой избыточной в количественном отношении интерпретацией.

Для Вассильева проблема, которую Андерс терминологически оформляет как «музыкальная ситуация», вырастает из потребности представить разные стороны рождения, воспроизводства, исполнения и слушания не как привычный акт интерпретации музыкального сочинения, а в качестве самозамыкающегося на самой музыкальности акта. Вассильев замечает самую существенную сторону феноменологии музыки Андерса в том виде, как он представляет ее в диссертации: она пытается вырваться за пределы гуссерлевской феноменологии с напрашивающимся ложным нацеленным на сущность конкретного произведения слушанием в сторону последовательного ухода от языка, подталкивающего нас именовать субъекта музыкального акта и его объект действительными сторонами этого процесса. Поэтому Вассильев историко-философскими средствами сопровождает андерсовскую диссертационную мысль в той ее части, где ее автор сосредотачивается на разнице музыкального и не-музыкального опыта. Парадокс состоит в том, что Андерс здесь обращается к по-хайдеггеровски сконструированным концептам бытия-в мире и бытия в-музыке, но удерживает с их помощью противоречивые гуссерлевские установки:

По мнению Андерса, музыкальный опыт стирает грань между безобъектным (и необъективным) настроением (*Stimmung*) и ориентированным на объект актом (*Akt*): между двумя возможностями – настройкой, в значительной степени зависящей от объекта, но необъективной, и чистым интенциональным смыслом объекта – лежит актуализация, которая реализуется при слушании музыки. Это не только настройка и не только акт; это не только безобъектное и не только объектно-ориентированное действие; оно, так сказать, наполняет «непосредственное» существование человека, как если бы это была безобъектная, неструктурированная настройка; но это процесс, который разворачивается в тех же структурах, в которых развивается сам музыкальный объект²⁹.

²⁸ Вассильев Х. Феномен музыкальной идентификации. Взгляд из ранней феноменологии // *Horizon*. Феноменологические исследования. 2022. Т. 11. № 2. С. 584–606.

²⁹ Там же. С. 602.

Нами обнаружены и труды педагогической направленности, самым глубоким образом перерабатывающие диссертационные идеи Андерса и концентрирующиеся именно на той «ситуации», в которой разворачивает себя музыкальное³⁰.

О значении, которое Андерс вкладывает в понятие «музыкальной ситуации», он говорит в ее вступлении. Это в содержательном отношении нетривиальное, хорошо скомпонованное рассуждение, которое, на самом деле, не ставит целью одномоментное снятие субъект-объектных дихотомий, хотя антиномии и амбивалентности, возникающие по ходу нашего приближения к собственно музыкальному акту в процессе его постижения и к которым Андерс относит альтернативы музыкального объекта и музыкального акта, музыкологии и музыкальной психологии, объективизма и субъективизма, формы и содержания, специфически музыкального и неспецифически музыкального, с его точки зрения, прямо указывают на ложность такого разделяюще-рационализирующего пути.

Если попробовать взглянуть на наконец-то обретенную работу Андерса непредвзятым взглядом, так и не представленную к защите после неудовлетворительного обсуждения³¹, то перед нами предстанет вполне стандартное сочинение, состоящее из четырех глав и двух исторических экскурсов-отступлений. Ее план строится, в таксономическом отношении, вполне устоявшимся для своих исторических условий способом. Но дело здесь совсем не в этой стандартизованности или отклонениях от нее: уже в этом диссертационном оглавлении мы видим не только просвечивающие гибриды гуссерлианского, хайдеггеровского, философско-антропологического, музыкологического и психологического подходов. Здесь мы имеем дело с действительным желанием осуществить некий фундаментальный проект по сведению всего актуального феноменолого-исторического инструментария, зарекомендовавшего себя в качестве продуктивного по отношению к исследованию музыки, в стройную систему. Фундаментальность должна была обеспечиваться включением в себя стратегий непрерывного выявления различий и попытку удерживать позитивные и негативные определения и подходы, встраивание и подчинение психологических наблюдений философским построениям.

Андерс не утруждает себя рефлексивными указаниями и не поясняет терминологических комбинаций, как это принято в европейских диссертациях послевоенного времени. Очевидно, что Ницше, на которого он ссы-

³⁰ *Khittl C.* Ed. "In-Musik-sein" – die musikalische Situation nach Günther Anders. Interdisziplinäre Annäherungen in musikpädagogischer Absicht. Münster: Waxmann, 2022.

³¹ Мы пока не располагаем никакими свидетельствами, кроме пересказов и кратких воспоминаний, что же именно произошло на обсуждении и какие конкретные аргументы приво-дил Адорно, но это не означает, что эти свидетельства не обнаружатся в будущем. Пока же мы можем только лишь прибегать к методу реконструкции, опираясь на анализ воззрений участников этого собрания.

лается, и был образцом для выбора самого масштаба. Однако комбинация Курта, Дильтея, Ницше, Гуссерля, Бергсона, Августина, Канта чрезвычайно характерна для музыкально-философских штудий последних 40 лет, и совсем не типична для 1930-х гг. Занимаясь проблематизацией музыкально-философских топосов, Андерс выдвигает здесь свои важные тезисы. Онтология, чтобы использовать термин Августина, должна иметь дело с «*res quae sanitur*», а не с «*cantus*». Главный вопрос музыкальной онтологии – является ли музыка человеческим актом или идеальным объектом/предметом, который она исполняет. Чем на самом деле является совместное исполнение? Как соотносится рационализм темперированного строя музыкальных систем и производство аффективности? Как в этом случае понимать «рациональное» и «иррациональное»?

Первая глава ставит задачей произвести определение музыкальных ситуаций через отрицание: через их не-историчность (*Ungeschichtlichkeit*), не-представимость (*Unabbildbarkeit*), не-включенность («анклавный», обособленный характер (*Enklavecharakter*)).

Здесь нам требуется сразу сказать, что Андерс хорошо понимает ответственность такого шага, что, противопоставляя бытие-в-мире бытию-в-музыке, он далее не сможет отступить назад, и что он, похоже, прекрасно видит, что ясперсовское проповедничество о «духовной ситуации»³² блокирует ему все отступления и шаги. Если следовать, как мы и обещали, более произвольному толкованию идей Андерса в перспективе будущего, ставшего нашим настоящим, т. е. в оптике версий современного музыкознания, актуальных идей музыкальной феноменологии и Sound Studies, то понятие «музыкальной ситуации» в том виде, каким оно задается и эксплицируется Андерсом, в зародыше включает в себя все ответы на революционные изменения в работе с музыкальным материалом и экспериментальными звуковыми проектами.

Исследовательской особенностью Андерса было, видимо, ученическая старательность, предполагающая удержание и учитывание всего того, что по его мнению нельзя упустить, вследствие чего его интеллектуальная биография распухает от попыток вместить в себя и философскую фундаментальность, и феноменологическую строгость, и антропологическую негативность по отношению к аффирмативным попыткам определять бытие человеческого, и остроту критической социологии и философии, и позити-

---

³² Кстати сказать, лекции по «Введению в философию», которые Ясперс начитывал первоначально по радио и в которых понятие «ситуации» впервые стало выходить за пределы чисто философского «бытия-в-мире» тоже, как нам кажется, могли бы быть услышаны Андерсом как проповедующий голос, который отчасти принадлежит и самой музыке. По многочисленным свидетельствам Андерс был очень внимателен к радио, – по крайней мере, не меньше, чем его интеллектуальные соратники Беньямин, Кракауэр, Адорно и др. См., например: Babich B. Radio Ghosts: Phenomenology's Phantoms and Digital Autism // Thesis Eleven. 2019. Vol. 153. № 1. P. 1–18.

вистские психологические концепции, и пафос экзистенциалистской публицистики. Именно в период работы над своим диссертационным трудом Андерс одновременно пишет свои блестящие заметки и эссе по социологии музыки, которые опубликованы его комментатором Райнхардом Элленсоном в одном томе с прочими материалами³³.

Это не только иные в жанровом отношении способы осмысления музыкальной сферы, но и иной подход, из которого онтологический вопрос о бытии-в-музыке и бытии-с-музыкой как будто изгоняется. Они лишены адорновского яда и не скальпируют реальность, но поддерживают установки вскрытия симптоматики, явленной нам в музыкальной сфере с иными, вовсе немusicalными целями. Не пускаясь в более глубокие рассуждения, можно сказать, что Адорно не мог не раскритиковать андерсовскую диссертацию, – для Адорно такая радикальная смена тона по сравнению с работами по музыкальной социологии, учитывая вероятные их пересечения с Андерсом в ходе интеллектуального становления, скорее всего, могла читаться Адорно как предательство самого принципа выявления музыкально-негативного. Ясперсовский жаргон подлинности Адорно будет описывать гораздо позже, но язык этой «подлинности», примененный по отношению к музыке, по нашей интуиции, должен был заставить проговаривать довольно неприятные для Андерса констатации относительно интеллектуальной состоятельности его исследования³⁴. Тем не менее виртуозность, с которой Андерс, обращаясь то к Канту, то к Гегелю, то к Кьеркегору с ясным удерживанием музыкально-реализованного и теперь воспроизводимого по салонам, залам, школам, консерваториям, салонам и частным пространствам, рисует нам эту всемирно-исполнительскую картину вновь и вновь повторяющихся музыкальных актов, которой теперь требуется язык, описывающий это всемирно-музыкальное производство в единой точке видения. Андерс не включает сюда, но явно подразумевает технические средства производства, место которых пока не может обозначить, но которые благодаря бергсонистским вкраплениям, смогут в будущем представлять как проблема времени и памяти. Если говорить на журналистском

---

³³ *Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente. P. 177–203.*

³⁴ «...понимание ситуации прошлого возможно вполне только тогда, когда мы понимаем себя и свою ситуацию. Ситуация становится важной категорией в опытах обоснования логики у Миша и Липса, поскольку реальное языковое выражение, из которого выводятся логические формы, всегда ситуативно. И именно ситуация определяет значение выражения» (*Михайлов И.А. Ситуация // Новая философская энциклопедия в 4 томах. Т. 2 (Н–С) / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М.: Мысль, 2010. С. 561*). Музыкальная ситуация складывается иначе: в ней, если следовать логике Андерса, значения отступают на второй план, а на первый выходит, если говорить упрощенным языком, отклик того, что уже представлено в том, что разворачивается. Но что именно разворачивается, обычно заслонено массой специфических обстоятельств, предрассудков, случайного знания и антуражей, но именно этот пункт и позволяет нам сделать осознание этого разворачивания точкой отсчета движения к философии музыки строгого типа.

языке, перед нами здесь сочинение тонкого эрудита, не просто знакомого со всей историей музыки и философии, но и владеющего, подобно современным интеллектуалам, разными способами говорения о своем предмете с дозированным использованием разнообразных концепций. Ни в одном из своих пассажей Андерс не показывает себя как профана или философа одной линии. Это хорошо видно в моменте, когда затрагиваются вопросы о ценностях: Андерс одновременно и включает этот вопрос в работу, и избегает прямого именованного чего-либо «музыкальной ценностью», твердо придерживаясь рамки «музыкальной событийности».

Что касается второй главы, где должна была бы произведена позитивная работа над определением музыкального события, то она как будто бы не завершена или не доведена до своей шлифовки. Задумана, тем не менее, эта глава масштабно, а по факту в ней демонстрируется наглядный индивидуализированный опыт феноменологического постижения оперной музыки разных типов, где в качестве эталона берутся образцы, на примере которых эта наглядность сохраняет пристрастие к позднеромантическим музыкальным решениям в аналитических штудиях. Кстати сказать, ставка на позднеромантическую музыку в качестве примера «музыкально-свершившегося» не в первый раз приводит в тупик своих исследователей, и хотя Андерс стремится выровнять равновесия с помощью обращения к Баху и Моцарту, они, похоже, предстают у него как генеалогически более ранние формы того, что впоследствии осуществит себя в форме музыкального события.

Как музыка приводит в движение само философствование? – это главный вопрос философии музыки. Эмпирецируя его, Андерс указывает на необходимость делать способ музыкального существования позитивно ясным. «Ситуация» всегда неопределенна, но рождает невнятное беспокойство (*unartikulierte Unruhe*). Невнятное беспокойство, вызываемое музыкой – часть общего беспокойства, и в этой своей неопределенности и бесцельности этот вопрос музыкального беспокойства более мучителен, чем любой другой вопрос.

Третья и четвертая глава диссертации написаны более туманно: видимо, третья претендовала на обобщения данных психологии по различению тона с включением гуссерлевских размышлений по поводу музыки, а четвертая должна была показать всю диалектику объективации музыкального, которая бы учитывала связь музыкального события со всеми видами различий разного уровня и способов их удержания в специфических музыкальных актах.

2.2. Ситуация слышания

Пройдет всего или целых 15 лет, когда мы обнаружим Андерса, к тому времени окончательно оставившему свою диссертацию, с другими инте-

ресами, в другом окружении и другой, если пользоваться его терминологией, ситуации. В 1949 году выходит его заметка, которая лучше, чем его ранние сочинения, показывает глубину владения им феноменологическим инструментарием в рассмотрении ненадежных и мерцающих феноменов окончательно технизированного мира, – эссе «Акустический стереоскоп»³⁵. Задачей его ранних музыкально-феноменологических штудий была, по большому счету, демонстрация возможностей нередуцирующих подходов, заключения их в скобки – при том, что в случае с музыкальным знанием, музыкальной памятью и музыкальным различением эта задача всегда является утопической и не просто не достижимой, а включающей надежду на свою достижимость в новые, диалектические круги предрассудков. Но именно это эссе – блестящий образец философского письма, опережающего, подобно кракауэровским и бенъяминовским сочинениям, свое время.

Андерс вслушивается в музыку, в которое уже вслушалось радио (причем он отлично понимает, несмотря на отсутствие эталонных вариантов, что это трансляции очень плохого качества, хотя ни разу не упоминает оценивающих качество слов). Что же мы слушаем и слышим в этом случае? Ответ Андерса очень неожиданный: это как будто неважно. Мы не представляем себе до конца, как устроено вбирание музыкально разворачивающегося «естественно-пространственным» способом, поэтому не можем судить, как именно устроено музыкально-звуковое пространство радиийного типа и что в нем важнее – узнаваемое музыкальное или предоставляемое в пользование радиийно-волновое. Поэтому акустическим стереоскопом можно именовать не только конкретную техническую ситуацию-предшественницу современной стереофонии с наивным экспериментированием с расстановкой радиоприемников, но и само это пространство можно было мыслить как в некотором роде «акустический стереоскоп» – цепочки взаимоналожений и взаимоотражений смыслов, пространств, находжений и обнаружений становятся чем-то вроде машины воспроизводства музыкального пространства. Если перефразировать Андерса, радио – это аппарат, а музыка, доносящаяся из него – попавшее в него изображение музыки. Тем не менее, столкновение не с музыкой, а с ее смутной тенью, прежде всего показывает нам нечто особенное: музыка всегда является «смутной тенью», но в акте «музыкального события», если говорить оставленным Андерсом языком, она наконец становится собой в своем бытии-в-музыке.

Тем не менее, путь от критики «оптических» установок гуссерлевской феноменологии к собственному варианту описательного языка периода «акустического стереоскопа» не был у Андерса совершенно линейный: и в его ранних работах, и в поздней переписке по поводу текущих музы-

³⁵ Anders G. The Acoustic Stereoscope // Philosophy and Phenomenological Research. 1949. Vol. 10. № 2. P. 238–243.

кальных событий и оценок музыкального прошлого³⁶, он предстает тонким и оригинальным мыслителем, который не всегда декларируемым способом, подобно Адорно, выносит точные диагнозы и определения конкретных жанров, течений, типов музыкального потребления в рамках иных реальных или воображаемых дисциплинарных направлений, тем не менее, не отходя от феноменологических установок. В период работы над реабилитационной диссертацией Андерс читал публичные доклады в ином, чем диссертации, фокусе, был членом эйслеровской рабочей группы и участвовал в работе редколлегии журналов, специализирующихся, помимо прочего, на музыкальной социологии. Поэтому ни во время написания диссертации, ни после, мысль его не останавливалась. Об этом свидетельствует и его совместная с Арендт статья 1930 года, посвященная «Дуинским сонетам» Рильке, – новаторская, глубокая и не типичным для своего времени работающая с концептами голоса, тишины и молчания.³⁷ В этой статье нам интересен сам момент обращения к концептам слышания и голоса, но в общефилософском ключе. Комментатор этой работы Кирилл Лощевский замыкает интуиции статьи Арендт и Андерса и пониманием «ситуации» в последней, незаконченной работе Арендт «Жизнь ума»³⁸. Арендт, находившаяся и под влиянием Ясперса и Хайдеггера, и отчасти, хоть и в виде избранных дискутируемых пунктов, Франкфуртской школы, как и все ученики и слушатели Хайдеггера, чувствительно реагировала на его перелом в отношении к онтологии 1930-х гг. с переключением с проблем феноменологии и антропологии на проблемы герменевтики. Характерно, в этом смысле, что за несколько лет до неудачной реабилитации Андерс пишет очерк, посвященный пониманию музыки Вильгельмом Дильтеем³⁹.

Эти три переломных момента – дрейф в сторону постижения самого языка у Хайдеггера вместо мышления бытия из сущего; попытки установить место музыкальной ситуации, по сути, в культуре модерна, а не абстрактным способом; и особое место модернистского звука в литературе – делают статью Арендт и Андерса и внушительно опережающей свое время, и отчасти оппонирующей тем тезисам, которые разворачивались в диссертации: для них мир Рильке является акустическим миром, «при этом слуховое восприятие настолько слабо связано с объектом, что оно получает свою “непрерывную весть, порождаемую тишиною” (1-я элегия), лишь

³⁶ См. переписку с Адорно: *Anders G. Gut, dass wir einmal die hot potatoes ausgraben. Briefwechsel mit Theodor W. Adorno, Ernst Bloch, Max Horkheimer, Herbert Marcuse und Helmuth Plessner*. P. 45–95.

³⁷ *Arendt H., Stern G. Rilkes “Duineser Elegien” // Neue Schweizer Rundschau*. 1930. Vol. 23. № 11. P. 855–871.

³⁸ *Лощевский К. Поэзия Райнера Мария Рильке в интерпретации Гюнтера Андерса и Ханны Арендт и кризис фундаментальной онтологии // Horizon. Феноменологические исследования*. 2024. Т. 13. № 2. С. 475–489.

³⁹ *Anders G. Dilthey als Musikphilosoph // Berliner Börsen-Courier*. 1933. № 97. P. 11.

тогда, когда объекты теряются и развеиваются: это не конкретное восприятие какого-либо артикулированного известия, а «настойчивость сердца», а стало быть, некий бытийный модус: «так они были слухом» (1-я элегия). Эта настойчивость уже не предполагает присутствия ответного голоса, бытие-как-слух уже в такой мере наполнено самим собой, что более не считается с тем, внимает ли кто-нибудь его настойчивости. Слух не направлен на некоторый объект, на сущее, анализ бытийных параметров которого позволил бы нам подступиться к пониманию смысла бытия, а растворен в слышимом как в некоей тональности, на фоне которой и благодаря которой этот смысл, как кажется, мог бы быть распознан».⁴⁰

2.3. Ситуация прерывания

В публикуемых Элленсоном дополнительных материалах к диссертации, предназначенных для ее упрощения и публикации на английском языке, Андерс говорит про важность *голосов* в музыке и в религии – видимые объекты всегда принадлежат нашему миру, в то время как слышимые, кажется, приходят ниоткуда, находятся нигде или повсюду. Фундаментальный фактом является то, что человек, создавая музыку, исключает себя из своей повседневной жизни. Для музыканта это представляет собой проблему, которую он должен решить практическим, а не теоретическим путем, но наша задача – включить это исключение в систему философского рассмотрения присутствия музыки.

В одном из пояснений Андерс говорит о прерывании жизни в ситуации порождения музыкального акта и выход в то, что называется *Musikalische Zeit*, – специфическое измерение музыки, в котором ее собственная темпоральность проявляет себя с вместе метром, ритмом, длительностью, размеренностью и темпом. Эту прерывистость необходимо понимать как законную, сопоставляя с другими прерывающими формами, как не-единственную. Актер выходит из своей жизни и помещает себя в другую жизнь. В случае с музыкой сложность состоит в том, что она более радикальна. Начиная с 1970-х гг. эта проблема среди исследователей опыта, переживания и чувственности в модерне будет представать уже на новых основаниях в форме исследований перформативности. Но и здесь «горькая правда» о музыке, озвученная Хайдеггером, становится центральным пунктом размышления об особом статусе музыкальной событийности.

В конце мы позволим себе привести обширную цитату из статьи 1992 года Кети Чухров. Эта цитата важна для нас тем, что за четверть века до обретения андерсовской диссертации Чухров очень точно называет все пункты, содержащиеся в ней самой и в дискуссиях и контекстах ее сопрово-

⁴⁰ Лощевский К. Поэзия Райнера Мариа Рильке в интерпретации Гюнтера Андерса и Хан-ны Арендт и кризис фундаментальной онтологии. С. 484–485.

ждавших. То, что не захотели проговаривать и делать явным участники событий 1930-х гг., было предъявлено через иные формы философской коммуникации. И это делает понятие «музыкальной ситуации», на наш взгляд, еще более эвристически емким:

Описывая музыку как опыт, Хайдеггер неоднократно утверждает, что, коль скоро музыка имеет дело с «представлением» эмоций и, в отличие от поэзии, минимально поддается осмыслению, она и, соответственно, исполнитель, наиболее отдалены от бытия, истины, а значит, и времени. Безусловно, в искусстве музыкально-концертного представления существует наслаждение от показа (как, впрочем, оно существует в любом виде искусства, в том числе и поэзии). Поэтому, согласно Хайдеггеру, нет более далекого от онтологии вида искусства. Буквализм музыкальных знаков, вызванный отсутствием в них семантики, их тождественность временению ведет к их тотальной улетучиваемости. <...> Согласно Хайдеггеру, ложной является сама попытка использовать время для внесмысловой его демонстрации, для вызывания опыта конца через аффектирование времени, насильственное его распределение и оформление. Поэтому музыка еще дальше от истинной цели искусства, чем театр, тоже развивающий смысл через репрезентацию. Действительно, если рассматривать интенциональность музыкального произведения через восприятие его репрезентации (а именно таким образом нам дан опыт его познания), то конец как предел психофизиологического переживания работает как субститут *memento mori*. Конец музыкального произведения является временной сатисфакцией инстинкта смерти. В этом, собственно, и состоит операциональная функция катарсиса, которую Ницше в «Рождении трагедии» определяет, тем не менее, как ошибку аристотелевской поэтики. Ницше утверждает обратное, а именно то, что временение произведения – ни в своем креативном пространстве автора, ни в действии исполнения – не задействует психику в режиме эмоционального аффекта, катарсиса. Поэтому перспектива конца, перспектива кульминации представления, вызывающей катарсический рефлекс, в нем несущественна⁴¹.

Заключение

Завершая наш небольшой обзор интеллектуальной биографии Андерса и его музыкально-философских воззрений, мы хотим еще раз подчеркнуть, что не претендовали в своем эссе на последовательное изложение всех теоретических пунктов его философского наследия. Мы не сомневаемся, что гипотетическая открытость и частичная доступность сайтов и архивов, не-

⁴¹ Чухрукидзе К. Произведение и его исполнение. К вопросу об антропологии перформативных искусств // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты / под ред. В.А. Подороги. М.: ИФ РАН, 2004. С. 224–225.

давно еще и поддержанные созданием общества его исследователей, является уникальной возможностью для всех тех историков идей и философии, которые имеют интерес к глубокому погружению в оплетенную эксцессами, дилеммами моральной вины и ответственности и внутриинституциональной борьбой историю европейской мысли. Фундаментальные работы, посвященные феноменологическим и философским способам осмысления музыки, по-прежнему представляют большую редкость, – именно поэтому любые находки и крупницы открытий в этой области представляют собой предмет высокого интереса и вызывают к своей интерпретации.

Литература

Вассильев Х. Феномен музыкальной идентификации. Взгляд из ранней феноменологии // *Horizon. Феноменологические исследования.* 2022. Т. 11. № 2. С. 584–606.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2 / пер. с нем. В.И. Молчанова // *Логос.* 1997. № 10. С. 5–64.

Лощевский К. Поэзия Райнера Мариа Рильке в интерпретации Гюнтера Андерса и Ханны Арендт и кризис фундаментальной онтологии // *Horizon. Феноменологические исследования.* 2024. Т. 13. № 2. С. 475–489.

Михайлов И.А. Ситуация // *Новая философская энциклопедия в 4 томах.* Т. 2 (Н–С) / под ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, А.П. Огурцова. М.: Мысль, 2010. С. 561.

Чухрукидзе К. Произведение и его исполнение. К вопросу об антропологии перформативных искусств // *Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты* / под ред. В.А. Подороги. М.: ИФ РАН, 2004. С. 224–246.

Anders G. Dilthey als Musikphilosoph // *Berliner Börsen-Courier.* 1933. № 97. P. 11.

Anders G. Gut, dass wir einmal die hot potatoes ausgraben. Briefwechsel mit Theodor W. Adorno, Ernst Bloch, Max Horkheimer, Herbert Marcuse und Helmuth Plessner. Ed. by R. Ellensohn and K. Putz. München: C.H. Beck, 2022.

Anders G. Max Scheler, Philosophische Weltanschauung // *Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie.* 1932. Vol. 21. P. 91.

Arendt H., Stern G. Rilkes “Duineser Elegien” // *Neue Schweizer Rundschau.* 1930. Vol. 23. № 11. P. 855–871.

Anders G. Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente. Ed. by R. Ellensohn. München: C.H. Beck, 2017.

Anders G. The Acoustic Stereoscope // *Philosophy and Phenomenological Research.* 1949. Vol. 10. № 2. P. 238–243.

Babich B. Günther Anders’ Philosophy of Technology: From Phenomenology to Critical Theory. London: Bloomsbury Academic, 2022.

Babich B. Radio Ghosts: Phenomenology's Phantoms and Digital Autism // Thesis Eleven. 2019. Vol. 153. № 1. P. 1–18.

Bischof G., Dawsey J., Fetz B., eds. The Life and Work of Günther Anders. Emigre, Iconoclast, Philosopher, Man of Letters. Innsbruck: Studienverlag, 2015.

Ellensohn R. Der andere Anders: Günther Anders als Musikphilosoph. Bern: Peter Lang, 2008.

Günther Anders. (Guenther Anders, Gunther Anders). Journalist, Philosopher, Essayist, 1902-1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/anders.htm> (дата обращения: 26.01.2026).

Inhaltsübersicht ÖLA 237/04: Nachlass Günther Anders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.onb.ac.at/sammlungen/literaturarchiv/bestaende/personen/anders-guenther-1902-1992/inhaltsuebersicht-oela-237/04-nachlass-guenther-anders> (дата обращения: 26.01.2026).

Internationale Günther Anders-Gesellschaft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.guenther-anders-gesellschaft.org/> (дата обращения: 26.01.2026).

Khittl C., ed. “In-Musik-sein” – die musikalische Situation nach Günther Anders. Interdisziplinäre Annäherungen in musikpädagogischer Absicht. Münster: Waxmann, 2022.

Perreau L. Günther Anders à l'école de la phénoménologie // Tumultes. 2007. Vol. 1. № 28–29. P. 21–34.

Pleßner H. Die Einheit der Sinne. Grundlinien einer Ästhesiologie des Geistes. Bonn: Cohen, 1923.

Pleßner H. Gesammelte Schriften Ill. Anthropologie der Sinne. Frankfurt: Suhrkamp, 1980.

Steege B. An Unnatural Attitude: Phenomenology in Weimar Musical Thought. Chicago: University of Chicago Press, 2021.

Stern-Anders G. On the Pseudo-Concreteness of Heidegger's Philosophy // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. Vol. 8. № 3. P. 337–371.

Stern G. Die Rolle der Situationskategorie bei den logischen Sätzen. PhD Thesis. – Freiburg: Albert-Ludwigs-Universität, 1924.

Stern G. Max Scheler, Wesen und Formen der Sympathie // Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie. 1923. Vol. 12. P. 413.

Stern G. Über das Haben. Sieben Kapitel zur Ontologie der Erkenntnis. Bonn: Cohen, 1928.

Stern G. Über Gegenstandstypen. Phänomenologische Bemerkungen anlässlich des Buches: Arnold Metzger “Der Gegenstand der Erkenntnis” // Philosophischer Anzeiger. 1925/1926. Vol. 1. № 2. P. 359–381.

Stern G. Zur Phänomenologie des Zuhörens. (Erläutert am Hören impressionistischer Musik) // Zeitschrift für Musikwissenschaft. 1927. Vol. 9. № 11–12. P. 610–619.

Ursitti F. Adorno, Anders, and Heidegger Entangled. Padova: Padova University Press, 2024.

Van Dijk P. *Anthropology in the Age of Technology: The Philosophical Contribution of Günther Anders*. Amsterdam: Rodopi, 2000.

Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft: Zweiter Kongreß für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft Berlin, 16.-18. Oktober 1924 [Электронный ресурс]. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/zaak19_1925 (дата обращения: 26.01.2026).

References

Anders G. Dilthey als Musikphilosoph. *Berliner Börsen-Courier*. 1933. N. 97. P. 11 (in German).

Anders G. *Gut, dass wir einmal die hot potatoes ausgraben. Briefwechsel mit Theodor W. Adorno, Ernst Bloch, Max Horkheimer, Herbert Marcuse und Helmuth Plessner*. Ed. by R. Ellensohn and K. Putz. München: C.H. Beck, 2022 (in German).

Anders G. Max Scheler, Philosophische Weltanschauung. *Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie*. 1932. Vol. 21. P. 91 (in German).

Arendt H., Stern G. Rilkes "Duineser Elegien". *Neue Schweizer Rundschau*. 1930. Vol. 23. N. 11. P. 855–871 (in German).

Anders G. *Musikphilosophische Schriften. Texte und Dokumente*. Ed. by R. Ellensohn. München: C.H. Beck, 2017 (in German).

Anders G. The Acoustic Stereoscope. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1949. Vol. 10. N. 2. P. 238–243.

Babich B. *Günther Anders' Philosophy of Technology: From Phenomenology to Critical Theory*. London: Bloomsbury Academic, 2022.

Babich B. Radio Ghosts: Phenomenology's Phantoms and Digital Autism. *Thesis Eleven*. 2019. Vol. 153. N. 1. P. 1–18.

Bischof G., Dawsey J., Fetz B., eds. *The Life and Work of Günther Anders. Emigre, Iconoclast, Philosopher, Man of Letters*. Innsbruck: Studienverlag, 2015.

Chuhrukidze K. Proizvedenie i ego ispolnenie. K voprosu ob antropologii performativnyh iskusstv [The Work and Its Performance: On the Anthropology of Performative Arts]. In *Opyt i chuvstvennoe v kul'ture sovremennosti: Filosofsko-antropologicheskie aspekty* [Experience and the Sensuous in Modern Culture: Philosophical and Anthropological Aspects], ed. by V.A. Podoroga. Moscow: IF RAN, 2004. P. 224–246 (in Russian).

Ellensohn R. *Der andere Anders: Günther Anders als Musikphilosoph*. Bern: Peter Lang, 2008 (in German),

Günther Anders. (Guenther Anders, Gunther Anders). Journalist, Philosopher, Essayist, 1902-1992 [Electronic resource]. URL: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/anders.htm> (date of access: 26.01.2026).

Husserl E. *Logical Investigations*. Vol. 2, transl. from German by V.I. Molchanov. Logos. 1997. N. 10. P. 5–64.

Inhaltsübersicht ÖLA 237/04: Nachlass Günther Anders [Electronic resource]. URL: <https://www.onb.ac.at/sammlungen/literaturarchiv/bestaende/personen/anders-guenther-1902-1992/inhaltsuebersicht-oela-237/04-nachlass-guenther-anders> (date of access: 26.01.2026).

Internationale Günther Anders-Gesellschaft [Electronic resource]. URL: <https://www.guenther-anders-gesellschaft.org/> (date of access: 26.01.2026).

Khittl C., ed. *“In-Musik-sein” – die musikalische Situation nach Günther Anders. Interdisziplinäre Annäherungen in musikpädagogischer Absicht.* Münster: Waxmann, 2022.

Lostchevsky K. Poeziya Rainera Maria Ril’ke v interpretatsii Guntera Andersa i Hanny Arendti krizis fundamental’noy ontologii [Rainer Maria Rilke’s Poetry in the Interpretation of Gunther Anders and Hannah Arendt and the Crisis of Fundamental Ontology]. *Horizon. Studies in Phenomenology.* 2024. Vol. 13. N. 2. P. 475–489 (in Russian).

Mihajlov I.A. Situacija [Situation]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija v 4 tomah* [New Encyclopedia of Philosophy in 4 Vol.]. Vol. 2 (H–C). Ed. by V.S. Stepin, A.A. Gusejnov, G.Ju. Semigin, A.P. Ogurcov. Moscow: Mysl’, 2010. P. 561 (in Russian).

Perreau L. Günther Anders à l’école de la phénoménologie. *Tumultes.* 2007. Vol. 1. N. 28–29. P. 21–34.

Pleßner H. *Die Einheit der Sinne. Grundlinien einer Ästhesiologie des Geistes.* Bonn: Cohen, 1923.

Pleßner H. *Gesammelte Schriften Ill. Anthropologie der Sinne.* Frankfurt: Suhrkamp, 1980.

Steege B. *An Unnatural Attitude: Phenomenology in Weimar Musical Thought.* Chicago: University of Chicago Press, 2021.

Stern-Anders G. On the Pseudo-Concreteness of Heidegger’s Philosophy. *Philosophy and Phenomenological Research.* 1948. Vol. 8. N. 3. P. 337–371.

Stern G. *Die Rolle der Situationskategorie bei den logischen Sätzen.* PhD Thesis. – Freiburg: Albert-Ludwigs-Universität, 1924.

Stern G. Max Scheler, Wesen und Formen der Sympathie. *Zeitschrift für Deutsche Kulturphilosophie.* 1923. Vol. 12. P. 413.

Stern G. *Über das Haben. Sieben Kapitel zur Ontologie der Erkenntnis.* Bonn: Cohen, 1928.

Stern G. Über Gegenstandstypen. Phänomenologische Bemerkungen anlässlich des Buches: Arnold Metzger “Der Gegenstand der Erkenntnis”. *Philosophischer Anzeiger.* 1925/1926. Vol. 1. N. 2. P. 359–381.

Stern G. Zur Phänomenologie des Zuhörens. (Erläutert am Hören impressionistischer Musik). *Zeitschrift für Musikwissenschaft.* 1927. Vol. 9. N. 11–12. P. 610–619.

Ursitti F. *Adorno, Anders, and Heidegger Entangled.* Padova: Padova University Press, 2024.

Van Dijk P. *Anthropology in the Age of Technology: The Philosophical Contribution of Günther Anders*. Amsterdam: Rodopi, 2000.

Vassiliev Ch. The Phenomenon of Musical Identification. A View from Heidegger's Early Phenomenology. *Horizon. Studies in Phenomenology*. 2022. Vol. 11. N. 2. P. 584–606.

Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft: Zweiter Kongreß für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft Berlin, 16.-18. Oktober 1924 [Electronic resource]. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/zaak19_1925 (date of access: 26.01.2026).

Günther Stern-Anders as a Philosopher of Music: From Critique of “Optical” Phenomenology to the Acoustic Stereoscope

Anna Ganzha, PhD in Philosophy, Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), ann.ganzha@gmail.com

Maxim Zhiganov, postgraduate student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), zhiganov.maksim.977@gmail.com

The article is dedicated to the memory of our colleague, philosopher, and music enthusiast Tatyana Yuryevna Sidorina. It presents an outline of the intellectual biography and musical-philosophical views of the German thinker Günther Stern-Anders (1902–1992), focusing on a period in the first half of the 1930s, when Anders attempted to present his second, habilitation dissertation, «Philosophical Research into Musical Situations» (Philosophische Untersuchungen über musikalische Situationen, 1931), written under the supervision of Paul Tillich. During the discussion of the dissertation, he failed to receive support from Theodor Adorno and permanently abandoned the idea. The article analyzes individual points of the dissertation in the context of Anders’s other works on music, including sociological works and reflections in the genre of early proto-media theories. This article demonstrates that the fragmented nature of Anders’s musical-philosophical legacy serves as a screen behind which one can discover Anders’s commitment to phenomenological principles. Anders’s choice of the concept of the «musical situation» was not arbitrary, but rather an antidote to prejudices in the production and evaluation of listening. The article demonstrates how Anders’s sporadic engagement with the auditory sphere nonetheless allows us to trace the evolution of his musical-philosophical principles.

Keywords: Günther Anders, musical phenomenology, musical situation, philosophy of music, being-in-music, Theodor Adorno

For citation: Ganzha A.G., Zhiganov M.D. (2026) Günther Stern-Anders as a Philosopher of Music: From Critique of «Optical» Phenomenology to the Acoustic Stereoscope // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 51-77.

Date of receipt: 04.03.2026.

История Георгия фон Мекка и его роль в становлении перуанской музыкальной культуры

Иван Куряков, музыковед, директор и организатор музыкальных проектов, художественный руководитель проекта Triklino Nights (остров Корфу, Греция)

Статья посвящена исследованию малоизвестной страницы истории семьи фон Мекк – потомков знаменитой меценатки Надежды Филаретовны фон Мекк, сыгравшей ключевую роль в жизни Петра Ильича Чайковского. В центре внимания – фигура Георгия (Юрия, Хорхе) фон Мекка, внука Надежды Филаретовны, эмигрировавшего в Перу в первой половине XX века и ставшего одним из членов-основателей Национального симфонического оркестра этой страны. На основе архивных документов, газетных публикаций и генеалогических источников прослеживается путь фон Мекка от российской аристократии до музыкальной сцены Латинской Америки. Статья раскрывает значимость современной деятельности его потомка – историка и мецената Дениса фон Мекка – в сохранении культурного наследия Чайковского и семьи фон Мекк, в контексте международного проекта «Чайковский – музыка без виз». Исследование поднимает важные вопросы преемственности, памяти и диалога между эпохами, континентами и музыкальными культурами.

Ключевые слова: Чайковский, фон Мекк, Георгий фон Мекк, Хорхе фон Мекк, Перу, русская эмиграция, музыкальное наследие, симфонический оркестр, культурные связи, международные проекты

Для цитирования: Куряков И.А. История Георгия фон Мекка и его роль в становлении перуанской музыкальной культуры // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 78-85.

Дата поступления: 04.10.2026.

В 2025 году музыкальное сообщество всего мира отмечает сразу две значимые даты: 185-летие со дня рождения Петра Ильича Чайковского и 150-летие мировой премьеры его Первого фортепианного концерта в Бостоне. В честь этих значимых дат Международный благотворительный фонд имени Надежды Филаретовны фон Мекк, хранитель наследия не только Чайковского, но и великой меценатской традиции, инициировал масштабный международный проект под названием «Чайковский – музыка без виз». Уже само название этого проекта становится манифестом: музыка Чайковского – вне паспортов и границ, вне языковых и политиче-

ских барьеров, она звучит и объединяет. Проект проводится при поддержке гранта Президентского Фонда Культурных Инициатив.

Программа проекта охватывает десятки мероприятий – концертов, выставок, лекций, презентаций книг и встреч – в самых разных точках мира. В этом году география проекта охватывает Европу, Азию, Африку и Америку, превращая его в культурный мост между континентами. Каждый концерт, каждое публичное событие в рамках проекта становится актом культурной дипломатии, в котором музыка Чайковского становится языком диалога между народами и культурами, напоминая о том, что в искусстве не существует визовых границ.

Одним из ключевых направлений проекта является Латинская Америка – регион, где музыка Чайковского звучит с особой теплотой и проникновенностью. В 2025 году руководитель проекта Денис Андреевич фон Мекк отправляется в Южную Америку с важной культурной миссией: представить новую биографию Петра Ильича Чайковского на испанском языке, написанную известным российским музыковедом Галиной Сизко. Презентации книги пройдут в разных странах: Аргентина, Перу и Чили в таких местах, как легендарный Театр Колон в Буэнос-Айресе, а также в Лиме – Большом Национальном Театре Перу при поддержке Министерства культуры Перу¹.

В далёкой и солнечной стране древних инков – Перу – юбилейные даты, посвящённые Петру Ильичу Чайковскому, обретают особую эмоциональную и историческую наполненность. Здесь, на пересечении цивилизаций и эпох, звучание его музыки получает неожиданный, но поразительно органичный контекст – благодаря визиту человека, для которого имя Чайковского не просто символ великого искусства, а часть собственной родословной.

Денис Андреевич фон Мекк – потомок двух выдающихся фамилий, несущий в себе духовное и культурное наследие как рода Чайковских, так и знаменитой династии меценатов фон Мекк, – прибыл в Перу не просто как организатор и вдохновитель международного проекта «Чайковский – музыка без виз». Его поездка в Латинскую Америку – это ещё и личное паломничество, попытка взглянуть в малоизвестные страницы семейной истории, которые неожиданно оживают именно здесь, на улицах Лимы и в залах Большого Национального Театра Перу.

Именно здесь, в этом далёком от России уголке мира, память начинает проступать из деталей – то в строчке старой газеты, то в имени, случайно обнаруженном в архиве. Оживает семейная история, долго хранившаяся в тени, и перед исследователем начинают постепенно складываться звенья

---

¹ El legado de Tchaikovsky en el Perú: Denis von Meck presenta la biografía del compositor ruso en Lima [Электронный ресурс]. URL: <https://cosas.pe/musica/345871/el-legado-de-tchaikovski-en-el-peru-denis-von-meck-presenta-la-biografia-del-compositor-ruso-en-lima/> (дата обращения: 05.06.2025).

почти утраченной цепи. Так начинается настоящее архивное путешествие – кропотливое и захватывающее.

Как известно, Надежда Филаретовна фон Мекк имела 11 детей. Её девятым ребёнком был дипломат Министерства Иностранных Дел Российской Империи Максимилиан Карлович фон Мекк. У него был сын Георгий (Юрий), о котором почти ничего не было известно, за исключением даты рождения – 1896 год².

Первой находкой стало свидетельство о смерти Хорхе фон Мекк Меккенхайм на одном из интернет-сайтов, посвящённых генеалогии – ancestry.com. (Приложение 1). В этом документе, помимо информации о родителях Хорхе фон Мекка, приобретённом перуанском гражданстве и семейном положении была указана профессия – музыкант.

Это небольшое открытие стало тем импульсом, который позволил двигаться дальше. В архивах Национального симфонического оркестра Перу удалось обнаружить статью, опубликованную в газете El Comercio от 23 мая 1940 года (Приложение 2). Автор, музыкальный критик Карлос Райгада, с заметной симпатией, хотя и не без ошибок, описывает жизненный путь Георгия (Юрия) фон Мекка эмигранта, музыканта, педагога, ставшего частью музыкальной жизни Перу.

Публикация стала настоящим откровением. Несмотря на некоторые неточности, текст позволяет не только реконструировать основные вехи биографии Георгия (Юрия) фон Мекка, но и почувствовать атмосферу времени, в которой формировалась его музыкальная и человеческая судьба.

Ниже приводится материал статьи с купюрами и исправлениями:

...Георгий (Юрий) фон Мекк родился в Вашингтоне 22 мая 1896 г., в семье дипломата Посольства Российской Империи в Соединенных Штатах Америки...

...По материнской линии фон Мекк был в родстве со знаменитым композитором Алябьевым...

... Как было принято в дворянской среде, Хорхе фон Мекк в очень молодом возрасте поступил в Императорскую гвардию, в которой он дослужился до звания младшего офицера кавалерии. В результате Революции 1917 года в России, молодой фон Мекк, как и многие другие представители его класса, был вынужден эмигрировать. И тогда музыка, которую он, как и все члены его семьи, изучал ради удовольствия и духовного роста, стала лекарственным средством от неудач судьбы. Фон Мекк объездил почти всю Европу в поисках пристанища и стал играть самые разные роли в различных областях жизни, но всегда в рамках своих увлечений. Переписчик музыки, скрипач казино, тан-

² Чайковский П.И. П.И. Чайковский — Н.Ф. фон Мекк: переписка, 1876–1890. Т. 1: 1876–1877 // Чайковский П.И. Академическое полное собрание сочинений / сост., науч.- текстол. ред., коммент. П.Е. Вайдман; Челябинск: МРІ. 2015. С. 668–674.

цор, учитель игры на скрипке и т.д. были его занятия, чередовавшиеся в неравномерном ритме и в разной обстановке, в то время как он создавал прекрасные танцевальные мелодии и песни, издание которых помогало ему в его нуждах, что позже произойдёт и в Лиме.

Фон Мекк входил в группу казаков, организованную генералом Иваном Диомидовичем Павличенко в Европе с колонизаторскими целями в Америке, а затем отделился от этой организации, приехав в Перу, где он был одним из первых среди поселенцев, прибывших из Франции в регион Маркапата. Вскоре он вернулся в Европу, чтобы снова вернуться в Лиму, примерно в 1930-32 годах.

Жизнь фон Мекка в столице Перу была осязаемым отражением того странного сочетания страданий и величия, которое характеризует биографии русских дворян-эмигрантов в европейских столицах. Образцово-показательный представитель лучших и избранных представителей своей нации и своего ранга, Хорхе фон Мекк демонстрировал свою бедность в смиренности, и многие, даже ежедневно общаясь с ним, знали о его аристократическом характере, на который намекала его скромность. Элегантный в своих манерах, деликатный и культурный в своих выражениях, он с удовольствием слушал собственные мелодии на скрипке или фортепиано, и этим удовольствием наслаждались некоторые семьи в нашем обществе, встречавшие его с живой симпатией.

Расторгнув первый брак с известной актрисой французского кино, с которой он гастролировал по крупным городам Европы, фон Мекк вступил в новый брак, на этот раз с выдающейся русской дамой госпожой Любовью Бокоро-Лиштанской, его нынешней вдовой, также дворянкой по происхождению.

Еще не достигнув должности концертмейстера, фон Мекк проявил себя с утонченной музыкальностью, как скрипач вскоре сформировал здесь свой славянский оркестр, которым руководил под псевдонимом Юрий Ким (Yuri- Kem) и с которым много выступал на радиостанциях. Он также давал уроки игры на скрипке и фортепиано, в которых ему помогала его жена, выпускница Императорской консерватории Санкт-Петербурга, и, в конце концов, когда был организован Национальный симфонический оркестр, фон Мекк был выбран на должность скрипача.

Он умер в результате долгой болезни. Внезапная утрата фон Мекка была воспринята очень чувствительно его коллегами из Национального Симфонического Оркестра, которые проводили его в его последнее пристанище, где профессор Энрике Фава Нинчи посвятил взволнованную речь от имени артистов Оркестра, а также дирижёр Тео Бухвальд выступил с речью, в компании с господами Петером фон Хагемайстером и Александром де Антоновым, соотечественниками покойного. Кроме того, команданте Херонимо Сантибаньес выступил с содержательной речью, в которой подчеркнул выдающиеся качества и духовное благородство лейтенанта Императорской гвардии. И романтическое воспоминание о далеком прошлом из жизни Георга фон Мекка завер-

шилось речами его друзей с этой земли, которую он искренне считал своей второй родиной.

Итак, внук Надежды Филаретовны, Георгий (Юрий, Хорхе) фон Мекк родился в Вашингтоне, прибыл в Перу в первой половине XX века. Там он получил гражданство, сменив имя на привычный для перуанцев испанский вариант Хорхе фон Мекк Меккенхайм и стал одним из основателей Национального симфонического оркестра Перу. В этой стране он прожил до самой своей смерти в 1940 году. Дом Хорхе фон Мекка находился в Лиме в районе Баранко, на улице Абрегу 102 (Приложение 1). Хорхе фон Мекк был похоронен во временной могиле на Старом кладбище Лимы. Местонахождение останков неизвестно.

Национальный Симфонический Оркестр Перу был основан в 1938 году и с первых дней стал одной из важнейших культурных институций страны, объединяя музыкантов из Европы и Латинской Америки.

Имя Хорхе фон Мекка упомянуто в составе группы вторых скрипок в статье *El Comercio* от ноября 1938 года об Инаугурации Национального Симфонического Оркестра Перу (Приложение 3).

В Российской Государственной Библиотеке хранятся ноты нескольких романсов Георгия (Юрия) фон Мекка:

- «Я хочу веселья» на стихи Скитальца (настоящее имя – Степан Гаврилович Петров);
- «Светозарная, вешняя ночь», «Жениху», «Опять душа моя полна» на стихи К.Р. (Великого Князя Константина Константиновича Романова);
- «Волны тоскливо рыдают», «Ужель» на стихи М. Жердинской;
- «Счастье» на стихи Л. Татищева;
- «Думы меня одолели» на слова В. Пахомова.

Всё это часть семейной хроники, которую я, как автор этой статьи и исследователь, бережно передаю в фонд фон Мекк. Особую благодарность за помощь в исследовании выражаю артистке Национального симфонического оркестра Перу, выпускнице Московской Государственной Консерватории им. П.И. Чайковского Мартине Хара, исследователю Кэнди Суэойши и арфисту Армандо Берсера.

Таким образом, судьба Георгия (Юрия, Хорхе) фон Мекка – яркий пример того, как личная история может становиться частью большой культурной памяти. Его жизнь, словно музыкальная тема, растворившаяся в многоголосии эпохи, вновь звучит сегодня благодаря усилиям потомков и исследователей. В 2025 году, когда весь мир вспоминает Петра Ильича Чайковского, в далёком Перу всплывают на свет ранее неизвестные страницы истории семьи, игравшей важнейшую роль в его жизни. Особенно приятно, что в этот юбилейный год имя Хорхе фон Мекка возвращается

в контекст музыкального и исторического наследия не только России, но и Латинской Америки.

Литература

Чайковский П.И. П.И. Чайковский — Н.Ф. фон Мекк: переписка, 1876–1890. Т. 1: 1876–1877 // Чайковский П.И. Академическое полное собрание сочинений / сост., науч.- текстол. ред., коммент. П.Е. Вайдман; Челябинск: МРІ. 2015. С. 668–674.

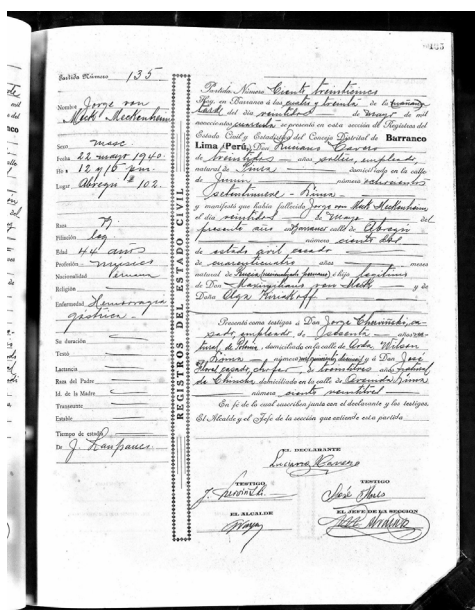
El legado de Tchaikovsky en el Perú: Denis von Meck presenta la biografía del compositor ruso en Lima [Электронный ресурс]. URL: <https://cosas.pe/musica/345871/el-legado-de-tchaikovski-en-el-peru-denis-von-meck-presenta-la-biografia-del-compositor-ruso-en-lima> (дата обращения: 05.06.2025).

References

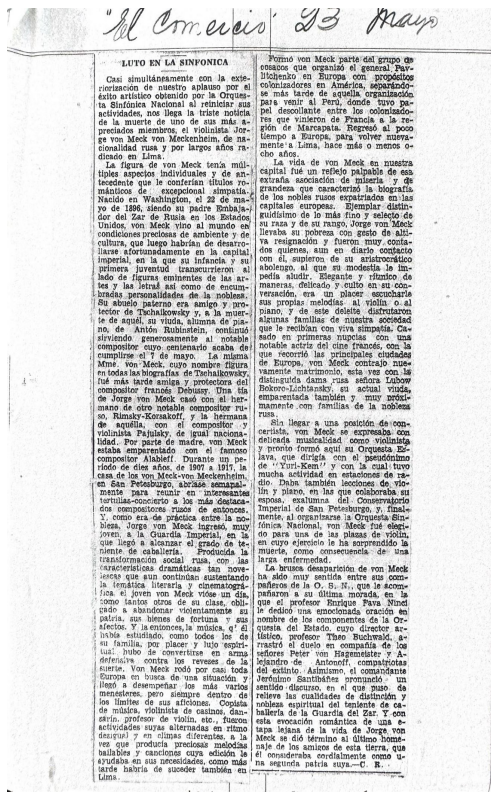
Chajkovskij P.I. P.I. Chajkovskij — N.F. fon Mekk: perepiska, 1876–1890. T. 1: 1876–1877 [P.I. Tchaikovsky - N.F. von Meck: Correspondence, 1876-1890. Vol. 1: 1876-1877], in: Chajkovskij P.I. *Akademicheskoe polnoe sobranie sochinenij* [Academic collection of works]. Chelyabinsk, MPI, 2015. P. 668–674 (in Russian).

El legado de Tchaikovsky en el Perú: Denis von Meck presenta la biografía del compositor ruso en Lima [Electronic resource]. URL: <https://cosas.pe/musica/345871/el-legado-de-tchaikovski-en-el-peru-denis-von-meck-presenta-la-biografia-del-compositor-ruso-en-lima> (date of access: 05.06.2025).

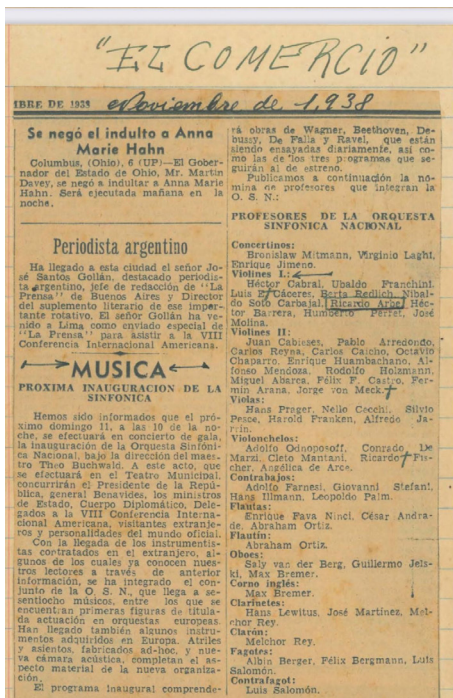
Приложение 1. Свидетельство о смерти Хорхе фон Мекк Меккенхайм

Приложение 2. Статья газеты El Comercio от 23.05.1940

Приложение 3. Статья El Comercio noviembre 1938, об инаугурации Национального Симфонического Оркестра Перу

The History of Georgy von Meck and His Role in The Development of Peruvian Musical Culture

Ivan Kuryakov, musicologist, director and organizer of music projects, artistic director of the Triklino Nights project (Corfu Island, Greece)

The article is devoted to the study of a little-known page in the history of the von Meck family – descendants of the famous philanthropist Nadezhda Filaretovna von Meck, who played a key role in the life of Peter Ilyich Tchaikovsky. In the center of attention is the figure of George (Yuri, Jorge) von Mecca, grandson of Nadezhda Filaretovna, who emigrated to Peru in the first half of the twentieth century and became one of the founding members of the National Symphony Orchestra of this country. On the basis of archival documents, newspaper publications and genealogical sources, the path of von Mecca from the Russian aristocracy to Latin American music scene. The article reveals the significance of the modern activity of his descendant - historian and patron Denis von Meck - in preserving the cultural heritage of Tchaikovsky and the von Meck family, in the context of the international project “Tchaikovsky - music without visas”. The study raises important questions of continuity, memory and dialogue between eras, continents and musical cultures.

Keywords: Tchaikovsky, von Meck, Georgy von Meck, Jorge von Meck, Peru, Russian emigration, musical heritage, symphony orchestra, cultural relations, international projects

For citation: Kuryakov I.A. (2026) The History of Georgy von Meck and His Role in The Development of Peruvian Musical Culture // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 78-85.

Date of receipt: 04.10.2026.

Античные сюжеты «Русских сезонов»

Александра Белякова, студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), aobelyakova@edu.hse.ru

Статья посвящена феномену «Русских сезонов» С.П. Дягилева и роли античных сюжетов в развитии неоклассического балета начала XX века. На материале двух ключевых постановок 1912 года — «Послеполуденный отдых фавна» (хореография В.Ф. Нижинского, музыка К. Дебюсси, сценография Л.С. Бакста) и «Дафнис и Хлоя» (хореография М.М. Фокина, музыка М. Равеля, сценография Л.С. Бакста) анализируются новаторские способы интерпретации античного наследия. Особое внимание уделяется взаимодействию хореографии, музыки и сценографии, а также источникам вдохновения художников и балетмейстеров: древнегреческой вазопиши, скульптуре, литературным памятникам (эклога С. Малларме, роман Лонга). В статье рассматривается, как обращение к архаике и классике стало инструментом обновления академического балета, позволив синтезировать «античную пластику» с эстетикой модерна.

Ключевые слова: Дягилев, «Русские сезоны», балет, античные сюжеты, Дебюсси, Равель, Нижинский, Фокин, Бакст

Для цитирования: Белякова А.О. Античные сюжеты «Русских сезонов» // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 86-99.

Дата поступления: 15.04.2026.

«Это в природе вещей: эпохи, непосредственно нам предшествующие, временно отдаляются от нас, тогда как другие, гораздо более отдаленные, становятся нам близки: это и есть та закономерность, которая определяет непрерывную эволюцию как искусства, так и других областей человеческой деятельности»

И.Ф. Стравинский

«Русские сезоны» С.П. Дягилева — настоящий феномен в мире культуры XX в., объединивший труды величайших хореографов, композиторов и художников эпохи. Среди участников художественного объединения «Мир искусства» зародилась идея «показать Западу всё лучшее, чем обладала русская культура музыкального театра Серебряного века»¹, поэтому

¹ Жук Э.Н. Русские сезоны: к 100-летию антрепризы С.П. Дягилева // Вестник культурологии. 2010. №3. С. 91.

в 1906 г. в рамках Осеннего салона в Париже была представлена Русская художественная выставка, которая стала первым историческим «сезоном». Ее колоссальный успех позволил С.П. Дягилеву приступить к организации Русских сезонов. В 1907 г. прошли «Исторические русские концерты» с участием таких композиторов, как Н.А. Римский-Корсаков, С.В. Рахманинов и А.К. Глазунов; в репертуар С.П. Дягилев включил произведения не известные в Европе, в том числе сочинения М.И. Глинки, П.И. Чайковского, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, А.Н. Скрябина, М.А. Балакирева и т. д. Но считается, что история «Русских сезонов» берет свое начало в 1908 г. в Париже с оперы «Борис Годунов» (композитор — М.П. Мусоргский, С.П. Дягилев дебютировал в качестве антрепренера, для постановки была взята редакция Н.А. Римского-Корсакова). Именно ее успех стал основой для организации ежегодных Русских сезонов в Париже, которые тогда планировались как оперные и должны были продолжиться антологией русской оперной классики («Руслан и Людмила» М.И. Глинки, «Юдифь» А.Н. Серова, «Князь Игорь» А.П. Бородина, «Псковитянка» Н.А. Римского-Корсакова). В программу было решено также добавить четыре одноактный балета, но столь грандиозный замысел не удалось реализовать, так как С.П. Дягилеву было отказано в субсидии, из-за чего репертуар пришлось сократить и оставить только «Псковитянку». «Русские сезоны» уже 1910-го г. были представлены исключительно балетами, а в 1911 г. вместо балетных гастролей артистов Императорских театров была организована постоянно действующую труппа под руководством С.П. Дягилева.

Рубеж XIX–XX веков стал временем, когда европейская культура, уставшая от романтического пафоса и жёстких академических канонов, искала пути самообновления. Именно в этот период зарождается понятие «неоклассического балета», связанное, в первую очередь, с именем Джорджа Баланчина. Считается, что этот стиль стал некоторым ответом на излишний романтизм, выступил в противовес ему в качестве «антиромантизма»². Художников, поэтов и музыкантов более не удовлетворяла замкнутость в границах одной традиции, поэтому способом модернизировать искусство стало обращение к культурам других стран («Шехерезада», «Клеопатра») и древних эпох («Половецкие пляски», «Весна священная»), в частности к античности. Русский музыкальный критик и искусствовед XX в. Э.А. Старк отметил следующее: «Современный балет, для того чтобы спастись от смерти, к которой его приговорило господство академически сухого классического танца, должен был вернуться в античную эпоху и в ней почерпнуть вдохновение и творческие силы»³. Общий дух эпохи, про который писала

² Лю Чухань. Джордж Баланчин и его роль в развитии хореографического искусства XX века // Гуманитарное пространство. 2021. Т. 10. №7. С. 908.

³ Старк Э. Ренессанс балета. // Ежегодник Императорских театров. 1911. Ч. 3. С. 120–121.

И.А. Азизян, проявлялся «в диалоге культур и порождающем его диалогическом мышлении...», «в сопряжении основных стилевых направлений начала века»⁴. «Хоровое начало» греческого театра, так же как и его «небывалый размах синтеза искусств», оказались близки Новому времени.

Сюжеты «Русских сезонов» невероятно разнообразны: только на античную тематику были поставлены балеты «Павильон Армиды» (1909), «Нарцисс» (1911), «Весна священная» (1913), «Мидас» (1914), а для «Русских балетов» — «Зефир и Флора» (1925), «Пастораль» (1926; сюжет современный, но воскрешение жанра «пастораль-comique»), «Меркурий» (1927; впервые в 1924 г.), «Аполлон» (1928). В качестве основы для либретто выступали как сами античные тексты («Метаморфозы» Овидия: «Нарцисс», «Мидас»; «Дафнис и Хлоя» и одноименный роман Лонга) и мифы (о Зефире и Флоре), так и более поздние произведения, вдохновленные ими (новелла Т. Готье «Омфала»). В рамках данной статьи более подробно будет рассмотрен «Русский сезон» 1912 г., прошедший «под знаком античности», когда были поставлены два балета на эту тему: «Послеполуденный отдых фавна» и «Дафнис и Хлоя».

Однако интересно отметить, что подобных постановок в тот год могло быть три: в августе 1911 г. у С. Дягилева, Л. Бакста и Х. Кесслера (немецкий меценат, покровитель искусств, дипломат) возникает идея о создании балета на «сюжет из героического века Древней Греции, нечто высоко-драматическое, трагическое»⁵, композитором которого по их задумке должен был выступить Р. Штраус. Даже на столь раннем этапе разработки у Дягилева уже было понимание сценографии и исполнителей будущего спектакля: «Декорация – колоннада, гигантский дворец, никаких лесов и пейзажей. Вот что он просит от нас при сотворчестве Штрауса и Бакста. Главную партию исполнял бы Нижинский, молодой герой, побочную – Ида Рубинштейн», – описывает в воспоминаниях Х. Кесслер⁶. С такой просьбой Дягилев обратился к нему и поэту Гуго фон Гофмансталу – автору либретто оперы «Электра» (1908), а также сценических обработок трагедий Софокла и Еврипида. Именно они вдвоем создали либретто комической оперы Р. Штрауса «Кавалер розы» (хотя позже в издании либретто было указано лишь участие Кесслера). Оставшись под впечатлением от выступления Русского балета в Вене в 1912 г., Гофмансталь предлагает Дягилеву написать либретто для трёх балетов и в частности сюжет «Орест и фурии». Однако позже эта идея трансформировалась в балет «Легенда об Иосифе», и Оресту не суждено было оказаться сыгранным на сцене.

⁴ Азизян И.А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.

⁵ Запись 9 августа 1911 г. // Кесслер Х. [О Дягилеве, Родене, Рильке...]. Дневники 1911–1914. М.: Аграф. 2017. С. 151.

⁶ Там же.

В 1876 г. французский поэт С. Малларме издал эклог «L'après-midi d'un faune». Есть сведения, что вдохновением для него послужила картина французского живописца эпохи рококо Франсуа Буше «Пан и Сиринга» (1759), которую он увидел во время своего посещения Лондонской Национальной галереи⁷. Творческий стиль Малларме как поэта-символиста характеризовался стремлением «рисовать не саму вещь, но впечатление, которое она производит»⁸. И есть ли средство лучше, чем музыка, чтобы выразить это эфемерное чувство? Кажется, именно это привлекло композитора К. Дебюсси, который часто черпал вдохновение в поэзии французских символистов (Бодлер, Верлен). Позже Артур Саймоне даже назвал его «Малларме в музыке»⁹. В 1894 г. Дебюсси сочинил прелюдию «Послеполуденный отдых фавна», объединившую талант двух созвучных мастеров, тем самым позволив в полной мере раскрыть его уникальный импрессионистический метод. Как писал советский музыковед Ю. Кремлев: «Прелюдия [...] явилась как бы манифестом импрессионизма в музыке»¹⁰. Первое издание партитуры предварял небольшой сопроводительный текст автора: «Музыка этой «Прелюдии» есть очень свободная иллюстрация прекрасного стихотворения Малларме. Она отнюдь не претендует на синтез стихотворения. Скорее это следующие друг за другом картины, среди которых движутся желания и грезы фавна в послеполуденный зной. Затем, утомленный преследованием пугливо убегающих нимф, он отдается упоительному сну, полному осуществившихся наконец мечтаний о полноте обладания во всеобъемлющей природе»¹¹. Автор стихотворения, согласно письму Дебюсси, услышав исполнение «Прелюдии», отреагировал так: «Малларме пришел ко мне с вещим видом, украшенный шотландским пледом. Прослушав, он долго молчал и затем сказал мне: «Я не ожидал чего-либо подобного! Эта музыка продолжает эмоцию моего стихотворения и украшает его более страстно, чем цвет»¹².

Музыкальные выразительные средства «Прелюдии» сливаются воедино, рождая поэтичные, зыбкие образы. Основная тональность (ми мажор) образует гармоническое единство, «обрастая» нижней мажорной малой терцией (ре-бемоль мажор), доминантной и субдоминантной тональностью. Основная тоника становится едва уловимой, и остальные использованные гармонии начинают казаться ее колористическими вариантами. Ритмический рисунок постоянно меняется: встречаются как трёхдольные

⁷ Seroff V. C. Debussy. Paris, 1957. С. 114.

⁸ Малларме С. Сочинения в стихах и прозе. Сборник / сост. Р. Дубровкин. М.: Радуга, 1995. С. 382.

⁹ Symons A. C. Debussy // «Saturday Review», 1908, 8 February.

¹⁰ Кремлев Ю. Клод Дебюсси. М.: Музыка, 1965. С. 259.

¹¹ Vallas L. Claude Debussy et son temps. Paris, 1932.

¹² Debussy C. Lettres a deux amis. Paris, 1942. С. 121.

размеры, так неквадратные группы тактов, а также дуоли с триолями; крупные длительности сменяются мелкими, чем достигается ритмическое единство произведения. Подобным образом плавно сменяются темы, усиливая расплывчатость образов. В составе оркестра практически отсутствуют ударные, что также придает звучанию лёгкость и текучесть. Античные тарелочки, арфы, флейты и английский рожок погружают в атмосферу древности. Автор книги «Дебюсси и модерн» Б.Ф. Егорова отметила, что прелюдию к «Послеполуденному отдыху фавна» можно назвать некоторым «инструментальным театром», чью «театральную сущность» и «соответствие вынашиваемым его [Дягилева] средой принципам балета-картины» верно угадал Дягилев — «инициатор превращения «Фавна» в балет». Действительно, в музыке Дебюсси ощущается «пластическая осязаемость образов, связанная с возросшей выразительностью оркестровых и гармонических красок, и игрой капризных, ускользающих ритмов»¹³.

Премьера балета состоялась 29 мая 1912 г.; в качестве хореографа дебютировал В.Ф. Нижинский, сценографией занимался Л.С. Бакст. Свои впечатления от увиденного Х. Кесслер описал так: «Архаически стилизованные движения, сопровождаемые музыкой Дебюсси. Нижинский так ярко умеет передать своим юным телом полуживотное, полусентиментальное сладострастие, что это производит чуть ли не трагическое впечатление; взгляд то испуганно, то восхищенно проникает в чувственные истоки трагедии. Во всяком случае, мощь созданного Нижинским <...> полностью подавляла нежную сложность музыки Дебюсси, китчевые декорации Бакста мешали, но несмотря на эту дисгармонию, складывалось впечатление, что античное язычество восстает из мертвых»¹⁴. Знаменитый французский скульптор О. Роден был также ошеломлён, вскоре после премьеры появилась его статья «La Renovation de la Danse», где написано следующее: «Больше нет прыжков — нет ничего, кроме полусознательных звериных движений и поз [...]. Форма и содержание неразрывно сочетаются в его [Нижинского] теле, полностью отражающем его внутренний мир. Его красота присуща античной фреске и статуе: он идеальная модель, которую хочется рисовать и лепить»¹⁵. По сюжету, фавн лежит на солнце и играет на флейте, прибегают нимфы и начинают танцевать; они разбегаются, как только фавн к ним подходит, тогда он танцует со Старшей нимфой, которая тоже убегает, оставив ему платок, что вызывает в фавне чувственный восторг. Однако к подчеркнuto эротическому финалу зрители отнеслись по-разному, и вспыхнул настоящий скандал: балет завершился под восторженные аплодисменты,

¹³ Егорова Б. Дебюсси и стиль модерн. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской консерватории, 2009. С. 110.

¹⁴ Запись 27 мая 1912 г. // Кесслер Х. [О Дягилеве, Родене, Рильке...]. Дневники 1911–1914. М.: Аграф. 2017. С. 281–282.

¹⁵ Rodin A. La rénovation de la danse // Le Matin. 30 mai, 1912.

смешанные с возгласами неодобрения и свистом. На первой странице газеты «Ле Фигаро» вышла разгромная рецензия главного редактора Гастона Кальмета, где он утверждал, что «Послеполуденный отдых фавна» «не является ни интересной пасторалью, ни каким-либо глубоким произведением»: «Нам демонстрируют развратного фавна, с непристойными движениями, животным эротизмом. Его позы столь же грубы, сколь и непристойны»¹⁶.

О. Роден очень верно угадал сходство фавна с фреской. Действительно, при разработке хореографии вдохновением для В.Ф. Нижинского послужили греческие и египетские рельефы и греческая вазопись (а также архаика, негритянская скульптура, творения тихоокеанских островитян, народная игрушка, работы художников-самоучек), которые он видел в Лувре. В хореографии это выражается нарочитой утяжеленностью, «некрасивостью» поз и способом движения, при котором фигуры видны только в профиль, что предоставляет возможность танцорам передвигаться из одной статической группы в другую. Этот эффект фриза усиливался локальным, «уплощающим фигуры» освещением и хореографией, располагавшей танцоров параллельно краю сцены. Историк балета В.Я. Светлов отмечал, что в движениях Фавна угадывается традиционный греческий танец: «Руки, судя по фресковым и вазовым рисункам, были всегда во взаимодействии с ногами танцовщицы, чувствовалась общая связь между отдельными частями всей фигуры, и получалась пластическая гармония танца»¹⁷. Приём резкой смены движений и неподвижных поз В.М. Гаевский назвал судорогой¹⁸. Таким образом достигался эффект живой скульптуры. Художественный критик Я. Тугендхольд писал, что «в “Фавне” движение уступает место позе, танец — жесту, мимика — “архаической улыбке”, динамика — статике, театр — декоративному панно или живой картине»¹⁹. Он назвал балет В. Нижинского «хоть и красивым, но все-таки тупиком». Схожую оценку дал и критик А.Я. Левинсон, присутствовавший на премьере: он назвал экспериментальный балет «археологической попыткой», подчеркнув таким образом нежизнеспособность новой хореографии.

Л.С. Бакст так же, как и В.Ф. Нижинский, был вдохновлен греческой керамикой в технике краснофигурной вазописи. Его рисунки для костюма фавна предвосхищают абстракцию 1920-х гг. в стиле «неогрек». Новые решения, найденные Л.С. Бакстом при работе над костюмами нимф (рукава-крылышки, разрезные подола и др.) позже были перенесены в костюмы для «Дафниса и Хлои», а широкое, цветное трико как самостоятельный ко-

¹⁶ Le Figaro, 30 May 1912. P. 1.

¹⁷ Светлов В. Современный балет. Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 26.

¹⁸ Гаевский В.М. Дом Петипа. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 188.

¹⁹ Лифарь С. Дягилев С Дягилевым. М.: ВАГРИУС, 2005.

стюм использовалось для балета «Нарцисс». В «Послеполуденном отдыхе фавна» В.Ф. Нижинский танцевал в тесно облегающем трико кофейного цвета из очень тонкого материала. Гирлянда из листьев бересклета опоясывала бедра и заканчивалась сзади хвостиком, что подчеркивало получеловеческое-полуживотное происхождение персонажа. Центральными для всей сценографии стали растительные мотивы и золотистые цвета, которые объединяли костюм фавна, хитоны и нимф и осенний пейзаж декораций. Античность много раз становилась предметом интереса Л.С. Бакста, он также оформил балеты «Елена Спартанская» (1912), «Федра» (1917 и 1923), «Орфей» (1914) и трагедии «Эдип в Колоне» Софокла (1904) и «Ипполит» Еврипида (1902). Историк искусства Н.А. Борисовская в книге «Лев Бакст» называет момент создания ряда костюмов к балету «Послеполуденный отдых Фавна» этапом, открывшим Баксту путь к новому экспрессионистическому балету и позволявшим художнику «перейти к новому пониманию архаики и классики, присущему уже началу XX века. <...> При работе над этим балетом Лев Бакст был увлечён созданием не просто стилизации, но оригинального пластического языка, присущего именно балету»²⁰. На эту находку обращали внимание и современники, например, композитор И.Ф. Стравинский писал так: «Он [Бакст] не ограничился декоративным оформлением и созданием великолепных костюмов. Он указывал мельчайшие движения танцев»²¹.

Рис. 1. Вацлав Нижинский
в костюме Фавна. 1912.
Фотография Адольфа де Мейера.

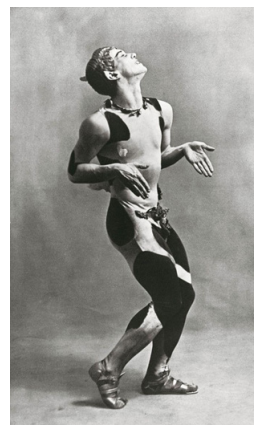

Рис. 2. Л. Бакст. Декорации
к балету «Послеполуденный
отдых фавна». 1912.

М.М. Фокин вспоминал, что впервые мысль создать новое, небывалое действие зародилась у него в 1904 г. после прочтения идиллического романа «Дафнис и Хлоя»²². К идее балета он вернулся в 1910 г., когда С.П.

²⁰ Борисовская Н.А. Лев Бакст. М.: Искусство. 1979. С. 94.

²¹ Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963. С. 78.

²² «Дафнис и Хлоя». Рукопись Фокина М.М., 1912. ОРиРК РНБ. Ф. 820. Ед. хр. 2.

Дягилев заинтересовался античной тематикой и предложил к М. Равелю написать музыку к роману Лонга. По воспоминаниям Е. Журдан-Моранж, композитор, услышав в гостях передачу «Прелюдии» по радио, сказал: «Услышав некогда впервые «Послеполудень фавна», я понял, что такое музыка»²³. Произведение Дебюсси на античную тему вдохновило следующего композитора, чья музыка также стала балетом «Русских сезонов» на древнегреческий сюжет; занимательно, как эти на первый взгляд разрозненные факты выстраиваются в определенную цепочку, которая привела к созданию многих балетных шедевров. Равель назвал свою музыку «хореографической симфонией в трех частях». В письмах он писал: «Это произведение построено симфонически, по строгому тональному плану на нескольких темах, развитием которых достигается единство целого»²⁴. Действительно, в музыке выделяются три основных темы: нимф и Пана, любви Дафниса с Хлоей и пиратов (трубы, тромбоны). Первая картина сопровождается игрой флейты, валторны, а также мягко звучащими струнными, арфой и хором. Вторая «пиратская» картина тембрально контрастирует трубами и тромбонами. Музыкальные элементы греческого искусства выражены лидийской ладовой окраской, интонацией обработанных самим М. Равелем греческих песен и такими инструментами, как античные тарелочки и золифон.

В балете присутствуют две сюжетные линии. Одна связана с раскрытием чувств главных героев, другая — с испытаниями, которые влюбленным предстоит преодолеть. Интересно, что все причастные к созданию балета стремились отразить не историческую античность, а, скорее, свои впечатления, все-таки соединенные с достоверной этнографией и географическими особенностями. М. Равель писал: «Я не столько стремился воссоздать подлинную античность, сколько запечатлеть Элладу моей мечты»²⁵. В романе Лонга его, прежде всего, привлекали «скрытые за внешней незатейливостью идиллического повествования общечеловеческие ценности»²⁶.

Помимо композиторской взаимосвязи, «Дафниса и Хлою» с «Послеполуденным отдыхом фавна» связывает ещё кое-что. Как писал М. Фокин (автор либретто и балетмейстер): «Для успеха “Фавна” им [Дягилеву и Нижинскому] казалось необходимым испортить моего “Дафниса”»²⁷.

²³ Jourdan-Morhange H. Ravel et nous. Sxeneve, 1945. P. 93.

²⁴ Равель в зеркале своих писем / пер. с франц. Сост. М. Жерар, Р. Шалю. 2-е изд. Л.: Музыка, 1988. С. 229.

²⁵ Равель в зеркале своих писем / пер. с франц. Сост. М. Жерар, Р. Шалю. 2-е изд. Л.: Музыка, 1988. С. 195.

²⁶ Басманова Т. Хореографическая симфония М. Равеля «Дафнис и Хлоя»: симфонические принципы как основа музыкальной драматургии французского балетного спектакля // Из истории зарубежной музыкальной культуры, 2019. №4. С. 57.

²⁷ Фокин М.М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Издатель-

Декорации и часть костюмов, созданных Л. Бакстом для «Дафниса и Хлои», были использованы для «Нарцисса», чья постановка состоялась на сезон раньше, в 1911 г. Из-за этого пришлось в сжатые сроки изобретать новые идеи сценографии. К сожалению, из-за стремления Л. Бакста «не повторяться» декорации «Дафниса и Хлои» не соответствовали представлению балетмейстера. М. Фокин вспоминал:

Декорация, написанная Бакстом для «Дафниса», была Дягилевым перенесена в другой балет. На декорации этой: тернистая лужайка, грот свисающими в камнях изображениями трех нимф, венки, приношения пастухов... словом, все, что нужно было мне для «Дафниса». Нимфы эти играют важную роль в «Дафнисе» и никакого отношения не имеют к «Нарциссу» [...] Там Бакст нарисовал даже и Хлою, и Дафниса, и стадо овец и баранов. Для второй своей декорации, «чтобы не повторяться», Бакст отступил от моей *mise en scène*, перенес изображение нимф на другую сторону, поместив их вместо грота на деревья, и т. д.²⁸

Однако назвать постановку неудачной будет неверно: музыка Равеля остаётся одной из вершин наследия дягилевской антрепризы, а хореографическая и сценографическая интерпретация античного наследия оказывается настолько многослойной, что погружение в её детали само по себе становится захватывающим исследованием.

Рис. 3. Л. Бакст. Эскиз декорации к балету «Нарцисс». 1911.

Рис. 4. Л. Бакст. Эскиз декорации к балету «Дафнис и Хлоя». Картина 1. 1912.

М.М. Фокин сконцентрировал внимание на описании нежного чувства, противостоящего всем препятствиям. При работе над балетом он тщательно изучал коллекции Эрмитажа, Музея слепков Императорской Академии художеств, альбомам, монографиям из Российской Национальной библиотеки. Хореография лишена «па» и позиций классического балета, пластика строилась на изобразительных принципах. Работа с

ство «Искусство», 1962.

²⁸ Фокин М.М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. / Издательство «Искусство», 1962.

памятниками античной скульптуры и вазописи периода классики (V-IV вв. до н. э.) отразилась в танцах пастухов и пастушек, воинов, Дафниса и Хлои. А исследование чернофигурной вазописи, переживающей в эпоху архаики свой взлет (VII-VI вв. до н. э.), нашло отражение в силуэтных фигурках трех нимф, являющихся Дафнису. Их движения можно назвать архаическими, их характеризуют более угловатые позы («Нимфы были менее человечны, чем другие смертные. Их позы почти исключительно профильные, условные»²⁹). Мечта М.М. Фокина о постановке на античный сюжет неразрывно была связана с мыслью о реформе балета:

Балет должен быть поставлен в соответствии с эпохой, в нем изображаемой <...>. Костюмы должны быть так же не раз навсегда установленные (короткие тарлатановые тюники), а соответствующие сюжету. В данном случае это должны быть легкие хитоны, тюники, драпировки, какие носили в древнем Риме и античной Греции <...>. Музыка не должна состоять из вальсов, полек и финальных галопов, неизбежных в старом балете, а должна выражать содержание балета, главным образом его эмоциональную стихию³⁰.

В воспоминаниях М.М. Фокин писал, что особую радость ему доставляли «передача романа в формах античной пластики, перенесение на современную сцену групп, поз, линий, движений, основанных на изучении греческой скульптуры, живописи»³¹. По его задумке танцорам следовало исполнять балет босыми или в сандалиях.

Так же как и М.М. Фокин, Л.С. Бакст изучал античное искусство, но в отличие от своего коллеги, обратившего свой взор, главным образом, на искусство древнегреческой классики, при создании пластических образов был более увлечен искусством Эгейского мира³². Манера работать с узорами, объединяющими сценографию, продолжилась: в этом балете она выразилась в мотивах критского орнамента. Также встречаются в эскизах лилии, гребешки волн, спирали, букрании, шевроны. Основой для декорации одной из картин, а именно острова, послужили воспоминания Л.С. Бакста о посещении Крита в 1907 г. совместно с В.А. Серовым, а также пейзаж острова Лесбос, где, считается, родился Лонг, автор романа. Таким образом, на всех уровнях (музыка, хореография и сценография) Древняя Греция представляется вымышленной, эстетизированной, но при этом все же не поддельной. Авторы не стремились исторически достоверно

²⁹ Там же. С. 311.

³⁰ «Дафнис». Рукопись М. Фокина. ОРиРК Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. Р. 11/32.

³¹ Фокин М.М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. / Издательство «Искусство», 1962.

³² Байгузина Е.Н. «Дафнис и Хлоя» античность в творчестве Л. Бакста и М. Фокина // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, 2008. №19. С. 122.

реконструировать древнегреческую эпоху, вместо этого на основе конкретного материала они разрабатывали собственный эстетизированный миф об античности.

Заключение

«Русские сезоны» оказали огромное влияние на развитие искусства как в России, так и за рубежом за счет множества новаторских решений: революционной хореографии, изобретательных костюмов, экспериментальной музыки и т.д. Художник Н. К. Рерих видел в них не индивидуальный подвиг Дягилева, но его проявление как «истинного представителя целого синтетического поколения»³³. И действительно, Дягилев, чутко улавливая веяния эпохи, сумел объединить вокруг этой идеи лучших художников, хореографов и композиторов — тех, кто так же, как и он, стремился двигать искусство вперед. Именно это сочетание главных гениев эпохи сделало возможным создание шедевров, которыми без сомнения являются «Русские сезоны». А античные мотивы стали той почвой, на которой рождались подлинные шедевры, навсегда изменившие сценографию, хореографию и само понимание балетного спектакля. Так, благодаря «Русским сезонам», ставшим центром притяжения самых разнообразных художественных интересов, античность заговорила на языке эпохи модерна.

Литература

Азизян И.А. Диалог искусств XX века: Очерки взаимодействия искусств в культуре. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.

Байгузина Е.Н. «Дафнис и Хлоя»: «Античность» в творчестве Л. Бакста и М. Фокина // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой, 2008. № 19. С. 115–132.

Басманова Т. Хореографическая симфония М. Равеля «Дафнис и Хлоя»: симфонические принципы как основа музыкальной драматургии французского балетного спектакля // Из истории зарубежной музыкальной культуры, 2019. №4. С. 55–72.

Борисовская Н.А. Лев Бакст. М.: Искусство. 1979.

Гаевский В.М. Дом Петипа. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.

«Дафнис и Хлоя». Рукопись Фокина М.М., 1912. ОРиРК РНБ. Ф. 820. Ед. хр. 2.

«Дафнис». Рукопись М. Фокина. ОРиРК Санкт-Петербургской Театральной библиотеки. Р. 11/32.

³³ Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью, переписка, современники о Дягилев / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. В 2-х т. Т. 1. М.: Изобразительное искусство, 1982. С. 493.

Егорова Б. Дебюсси и стиль модерн. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской консерватории, 2009.

Жук Э.Н. Русские сезоны: к 100-летию антрепризы С.П. Дягилева // Вестник культурологии. 2010. № 3. С. 91–97.

Кесслер Х. [О Дягилеве, Родене, Рильке...]. Дневники 1911–1914. М.: Аграф. 2017.

Кремлев Ю. Клод Дебюсси. М.: Музыка, 1965.

Лифарь С. Дягилев с Дягилевым. М.: ВАГРИУС, 2005.

Лю Чухань. Джордж Баланчин и его роль в развитии хореографического искусства XX века // Гуманитарное пространство. 2021. Т. 10. №7. С. 906–911.

Малларме С. Сочинения в стихах и прозе. Сборник / сост. Р. Дубровкин. М.: Радуга, 1995.

Равель в зеркале своих писем / пер. с франц. Сост. М. Жерар, Р. Шалю. 2-е изд. Л.: Музыка, 1988.

Светлов В. Современный балет / издано при непосредственном участии Л. С. Бакста. Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1911.

Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью, переписка, современники о Дягилеве / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. В 2-х т. Т. 1. М.: Изобразительное искусство, 1982.

Старк Э. Ренессанс балета. // Ежегодник Императорских театров. 1911. Ч. 3.

Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963.

Фокин М.М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Издательство «Искусство», 1962.

Debussy C. Lettres a deux amis. Paris, 1942.

Jourdan-Morhange H. Ravel et nous. Sxeneve, 1945.

Le Figaro, 30 May 1912.

Seroff V. C. Debussy. Paris, 1957.

Symons A. C. Debussy // “Saturday Review”, 1908, 8 February.

Rodin A. La rénovation de la danse // Le Matin. 30 mai, 1912.

Vallas L. Claude Debussy et son temps. Paris, 1932.

References

Azizyan I.A. *Dialog iskusstv XX veka: Ocherki vzaimodeystviya iskusstv v kul'ture* [Dialogue of the Arts of the 20th Century: Essays on the Interaction of Arts in Culture]. Moscow: Izd-vo LKI, 2008 (in Russian).

Bayguzina E.N. “Dafnis i Khloya”: antichnost' v tvorchestve L. Baksta i M. Fokina [“Daphnis and Chloe”: Antiquity in the Work of L. Bakst and M. Fokin]. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy*. 2008. N. 19. P. 115–132 (in Russian).

Basmanova T. Khoreograficheskaya simfoniya M. Raveleya “Dafnisi Khloya”: simfonicheskie printsipy kak osnova muzykal'noy dramaturgii frantsuzskogo

baletnogo spektaklya [M. Ravel's Choreographic Symphony "Daphnis and Chloe": Symphonic Principles as the Basis of Musical Drama in French Ballet Performance]. *Iz istorii zarubezhnoy muzykal'noy kul'tury*. 2019. N. 4. P. 55–72 (in Russian).

Borisovskaya N.A. *Lev Bakst*. Moscow: Iskusstvo, 1979 (in Russian).

"Choreographic score of M.M. Fokin's Daphnis and Chloe, 1912". Manuscript Department of the Russian National Library (ORiRK RNB). Fund 820. Item 2 (in Russian).

"Daphnis. Manuscript by M. Fokin". Manuscript Department of the St. Petersburg Theater Library (ORiRK SPbTB). R. 11/32 (in Russian).

Debussy C. *Lettres a deux amis*. Paris, 1942 (in French).

Egorova B. *Debussy i stil' modern* [Debussy and Art Nouveau]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskoy konservatorii, 2009 (in Russian).

Fokin M.M. *Protiv techeniya. Vospominaniya baletmeystera. Stat'i, pis'ma* [Against the Current. Memoirs of a Choreographer. Articles, Letters]. Moscow: Iskusstvo, 1962 (in Russian).

Gaevskiy V.M. *Dom Petipa* [The House of Petipa]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000 (in Russian).

Jourdan-Morhange H. *Ravel et nous*. Cxeneve, 1945 (in French).

Kessler H [O Dyagileve, Rodene, Ril'ke...]. *Dnevnik 1911–1914* [Diaries 1911–1914]. Moscow: Agraf, 2017 (in Russian).

Kremlev Yu. *Klod Debussy* [Claude Debussy]. Moscow: Muzyka, 1965 (in Russian).

Le Figaro. 1912, 30 May (in French).

Lifar' S. *Dyagilev i s Dyagilevym* [Diaghilev and with Diaghilev]. Moscow: VAGRIUS, 2005 (in Russian).

Liu Chuhan Dzhordzh Balanchine i ego rol' v razvitii khoreograficheskogo iskusstva XX veka [George Balanchine and His Role in the Development of Choreographic Art of the 20th Century]. *Gumanitarnoe prostranstvo*. 2021. Vol. 10. N. 7. P. 906–911 (in Russian).

Mallarme S. *Sochineniya v stikhakh i proze* [Works in Verse and Prose], ed. by R. Dubrovkin. Moscow: Raduga, 1995 (in Russian).

Ravel v zerkale svoikh pisem [Ravel in the Mirror of His Letters], comp. by M. Gérard, R. Chalus, transl. from French. 2nd ed. Leningrad: Muzyka, 1988 (in Russian).

Rodin A. La rénovation de la danse. In: *Le Matin*, 30 May, 1912 (in French).

Sergey Dyagilev i russkoe iskusstvo: stat'i, otkrytye pis'ma, interv'yu, perezpiska, sovremenniki o Dyagileve [Sergei Diaghilev and Russian Art: Articles, Open Letters, Interviews, Correspondence, Contemporaries on Diaghilev], comp. by I.S. Zil'bershteyn, V.A. Samkov, in 2 vols., vol. 1. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1982 (in Russian).

Seroff V. C. Debussy. Paris, 1957 (in French).

Stark E. Renaissance baleta [Renaissance of Ballet]. *Ezhegodnik Imperatorskikh teatrov*. 1911. Pt. 3 (in Russian).

Stravinskiy I.F. *Khronika moey zhizni* [Chronicle of My Life]. Leningrad, 1963 (in Russian).

Svetlov V. *Sovremennyy balet* [Modern Ballet], ed. by L.S. Bakst. Saint Petersburg: Izdanie tovarishchestva R. Golike i A. Vil'borg, 1911 (in Russian).

Symons A.C. Debussy. *Saturday Review*, 1908, 8 February (in English).

Vallas L. *Claude Debussy et son temps*. Paris, 1932 (in French).

Zhuk E.N. Russkie sezony: k 100-letiyu antreprizy S.P. Dyaghileva [The Russian Seasons: On the Centenary of S. P. Diaghilev's Enterprise]. *Vestnik kul'turologii*. 2010. N. 3. P. 91–97 (in Russian).

Ancient plots of the “Russian Seasons”

Aleksandra Beliakova, student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), aobelyakova@edu.hse.ru

The article is devoted to the phenomenon of Sergei Diaghilev's “Russian Seasons” and the role of ancient plots in the development of neoclassical ballet in the early 20th century. Drawing on two key productions of 1912 – “The Afternoon of a Faun” (choreography by Vaslav Nijinsky, music by Claude Debussy, set and costume design by Léon Bakst) and «Daphnis et Chloé» (choreography by Michel Fokine, music by Maurice Ravel, design by Léon Bakst) – the article analyzes innovative approaches to interpreting the classical heritage. Particular attention is paid to the interaction between choreography, music, and stage design, as well as to the sources of inspiration for the artists and choreographers: ancient Greek vase painting, sculpture, and literary works (Stéphane Mallarmé's eclogue, Longus's novel). The article examines how the turn to archaic and classical art became a means of renewing academic ballet, making it possible to synthesize “ancient plasticity” with the aesthetics of modernism.

Keywords: Diaghilev, “Russian Seasons”, ballet, ancient plots, Debussy, Ravel, Nijinsky, Fokin, Bakst

For citation: Beliakova A.O. (2026) Ancient plots of the “Russian Seasons” // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 86-99.

Date of receipt: 15.04.2026.

Десять строк о Пятом форуме социологии Международной социологической ассоциации (МСА). Рабат, июль 2025

Никита Покровский, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва), президент 26-го Исследовательского комитета по социотехнико-социологической практике Международной социологической ассоциации, prokrovsky@hse.ru

Для цитирования: Покровский Н.Е. Десять строк о Пятом форуме социологии Международной социологической ассоциации (МСА). Рабат, июль 2025 // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 100-102.

Дата поступления: 04.03.2026.

Итак, Северная Африка, Марокко, социология, 2025.

МСА проводит свой очередной, фактически «всемирный» форум. Эти съезды социологов всех стран и народов по традиции созываются раз в четыре года. Для рядовых участников это бесконечные хлопоты в поисках финансирования на поездку, резервирования авиаперелета и гостиницы. К числу плюсов относим безвизовый въезд в Марокко (Это по части практических соображений).

В непростые дни наши эпохи, разделенной линиями фронтов на экономические и визовые границы и прочее, два обстоятельства могут быть мотивирующими для участия в подобных мероприятиях.

Первое — это впитать новые идеи социологической теории и познакомиться с новыми лидерами науки во всех областях социологии. Второе — провести включенное наблюдение и осуществить «замер» состояния «здоровья» современной социологии: о чем она в наши дни? Что составляет ее нерв? Каков социологический взгляд на будущее? В конце концов, социология — это, можно сказать, та же медицина общества, а социологи — своего рода врачи-диагносты социума. Разве не так?

Пойдем по порядку и по фактам.

Ведущие социологи, чьи имена известны и почитаемы сегодня, дружно проигнорировали этот форум. Ни один из живых и здравствующих мэтров науки не посчитал нужным прибыть в Рабат и выступить на нем в сек-

циях или на пленарном заседании. Возможно, это объясняется соображениями климата: жарко, Африка, июль... Возможно. Но, скорее всего, причина в другом.

За последнее десятилетие форумы и другие массовые мероприятия МСА довольно заметно снизили свой концептуальный запал в области фундаментальной социологии. Можно сказать, социология стала растекаться на отдельные «ручейки» мысли, отражающие достаточно приземленные интересы тех или иных групп и национальных школ. Возникла некая полифония, тяготеющая к какофонии, — разноголосица и чересполосица интересов и представлений о том, чем вообще может заниматься социолог и в чем смысл науки социологии в целом. Единства в этом нет и, по-моему, не предвидится. Методологическая фрагментация? Растекание по древу? Закат социологии? Не знаю... Все обсуждаемо.

Хотя, впрочем, справедливости ради надо отметить и другой весьма заметный тренд, мощно заявивший о себе в Рабате. Это тренд активной и безмерной политизации социологии и ее перехода на язык митингов, массовых протестов и борьбы за светлое будущее. Слушая «от и до» пленарные заседания на открытии и закрытии форума, невольно ловишь себя на мысли: все, что льется с трибуны форума, — это социология или чисто политический дискурс, исполненный риторики борьбы за справедливость во всем мире, обличения неравенства во всех его формах, перечеркивания социологии Севера (то есть европейской и североамериканской социальной науки)? Примечательно, что на этих и многих подобных мероприятиях форума само слово «социология» фактически не звучало. Ораторы его просто не имели в виду. Как, впрочем, не звучало и слово «наука». Все было о чем-то другом. А именно: «Весь мир насилия мы разрушим до основания...».

Это не ново. Уже в 2010-е годы МСА при лидерстве и под руководством безвременно погибшего американского социолога Майкла Буравого превратилась в трибуну левацкого крена в общественной мысли. Наука прямо или косвенно заменялась партисипаторным участием социологов в борьбе за социальную справедливость, равенство и (хотелось бы по инерции сказать) братство всех народов Глобального Юга против «узурпантов» (авторский термин – Н.П.) Глобального Севера.

Майкл Буравой, вне зависимости от того, как относиться к его идеям и программам, был крупным социологом-концептуалистом и великолепным организатором ленинского типа. Да, именно так. Впрочем, скорее, троцкистского замеса. Но после ухода М.Буравого с поста президента МСА череда новых лидеров организации пошла по нисходящей. Однако концепция Буравого не только сохранила себя, но с очевидностью возобладала, что мы великолепно узрели на форуме в Рабате. Пропагандистская риторика, порой слегка сдобренная неясными обобщениями, звучала повсеместно. Это и есть новая социология нашего века? Не знаю. Не уверен.

А Марокко, Рабат как-то откликнулись на форум? Есть ли вообще социология в Марокко?

Что касается марокканского общества, то оно в духе времени ярко отметилось лавиной протеста против участия в форуме израильских социологов. Возникла угроза уличных беспорядков, бойкота и отмены форума. Общество Рабата прямо-таки полыхало гневом и боевитостью. На грани фолла оргкомитету удалось сохранить форум: в последнюю минуту перед открытием исключив Израиль из числа членов МСА, но при этом разрешив израильским социологам участвовать в заседаниях в частном порядке. Прямо-таки соломоново решение. Хотя... Трудно сказать.

Согласимся, общая картина съезда социологов противоречивая во всех смыслах. Главная потеря, как мне кажется, состоит в том, что форум не явил ни одной действительно продуктивной и перспективной идеи, осмысления современной ситуации в мировом сообществе, переходящем от этапа всеобщей глобализации и «смерти истории» (Ф. Фукуяма) к чему-то неизведанному, но уже отмеченному серией конфликтов и противоречий. Что в будущем? Пока нет ответа...

Впрочем, ответ для профессиональных социологов есть. Это так называемые исследовательские комитеты МСА. Их немало — пятьдесят шесть, включая тематические группы и рабочие группы. Одним словом, целое цветение научных площадок со своими журналами, публикациями, конференциями и прочим. Вот здесь как раз и сохраняется этос научной социологии. Сюда и стремятся социологи стран мира для обмена идеями и результатами исследований. Так что милости просим в исследовательские комитеты.

Ten Lines on the 5th Sociology Forum of the International Sociological Association (ISA). Rabat, July 2025

Nikita Pokrovsky, Doctor of Sociology, Professor, Chair of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (Moscow), Senior Research Fellow, Federal Research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), President of the 26th Research Committee on Socio-Technical and Sociological Practice of the International Sociological Association, npokrovsky@hse.ru

For citation: Pokrovskiy N.E. (2026) Ten Lines on the 5th Sociology Forum of the International Sociological Association (ISA). Rabat, July 2025 // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 100-102.

Date of receipt: 04.03.2026.

Alienating Emotional Labor in Non-Western Societies: Problem or Norm?

Olga Simonova, PhD in Sociology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow), osimonova@hse.ru

This article presents a paper delivered at the 5th International Sociological Association Forum held in July 2025 in Rabat, Morocco, during the session “The Affective and Emotional Dimensions of Alienation: Modern Societies, Agents, Structures, and Processes” of Research Committee No. 36 “Theory and Research on Alienation.” The article examines emotional labor as a sociological object within the context of alienation. While alienating emotional labor has been extensively studied in Western contexts, this paper explores the applicability of the concept in non-Western societies. The author highlights cultural differences in the management of emotions and the contradictory experiences of emotional labor, which do not always result in alienation. The article emphasizes the need to reconsider the notion of “alienating emotional labor” beyond Western socio-cultural settings.

Keywords: emotional labor, alienating emotional labor, cultural differences in emotion management, burnout

For citation: Simonova O.A. (2026) Alienating Emotional Labor in Non-Western Societies: Problem or Norm? // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 103-116.

Date of receipt: 04.03.2026.

Introduction and problem statement

The process of rational emotion management is the key value of modern societies. Recently the “emotionalization” of various social spheres has occurred and the so-called “emotional capitalism” has been formed, when the commercialization of emotions has become widespread¹. The emotionalization of labor has occurred both in sociology and in actual social life: requirements for managing and controlling emotions in the workplace are becoming part of everyday labor relations, while various studies of emotional labor (EL) have occupied an important place in the sociology of occupations, as well as in many other fields². Rules of emotion management become part of official labor codes,

---

¹ Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007.

² Wharton A.S. The sociology of emotional labor // *Annual Review of Sociology*. 2009. № 35(1).

professional ethics, training guides are created; they can be found in informal requirements of employers, while employees themselves consider emotion management skills as part of their qualification and aim to develop them³. The “culture of emotional labor” becomes one of the main features of late capitalism and reflects the process of cultivation of emotion management for the purpose of profit making, especially in the service industry. Along with the spread of the EL concept, the idea of EL as a cause of professional burnout, exhaustion, external and internal conflicts, dissonances, stresses, alienation and self-estrangement, as well as a mode of sharp social inequality and exploitation of a person’s emotionality in the workplace has emerged⁴.

Based on the classical work by Hochschild, researchers started to comprehend EL in late-modern societies as a necessary part of various occupations and professions and constantly develop Hochschild’s theory, adapt it for different jobs and cultural conditions, including the notion of alienation⁵. Hochschild’s notions of “emotion work” and “emotional labor” distinguish between two different types of emotion management, paid and unpaid, in the private and public spheres. In other words, the notion of EL, in the context of its meaning, immediately refers to alienation. In the last decades the interest in the problem of alienation in relation to EL has not diminished⁶ in sociology, management science, marketing, social psychology, medicine, etc. Scholars all over the world continue to use the concept of EL and the notion of alienation, as well as the notion of alienated/alienating emotional labour⁷, first of all pointing out the negative consequences of EL both

---

P. 147–165.

³ Simonova O.A. Emotion management and the professional culture of administrative social workers in Russia: Common standards versus the moral mission of social care // *Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15, № 1. P. 129–142.

⁴ Brook P. The alienated heart: Hochschild’s “emotional labor” thesis and the anti-capitalist politics of alienation // *Capital & Class*. 2009. № 33 (2). P. 7–31.; Burkitt I. Alienation and emotion: social relations and estrangement in contemporary capitalism // *Emotions and Society*. 2019. № 1 (1). P. 51–66.; Guy M.E., Newman M.A. Women’s jobs, men’s jobs: Sex segregation and emotional labor // *Public Administration Review*. 2004. № 64 (3). P. 289–298.; Tsang K.K., Wu H. Emotional labour as alienated labour versus self-actualized labour in teaching: Implications of the outbreak of the COVID-19 pandemic for the debate // *Educational Philosophy and Theory*. 2022.

⁵ See, e.g., Brook P. The alienated heart: Hochschild’s “emotional labor” thesis and the anti-capitalist politics of alienation // *Capital & Class*. 2009. № 33 (2). P. 7–31.; Bolton S.C. *Emotion Management in the Workplace*. London: Palgrave, 2005.; Grandey A.A., Diefendorff J.M., Rupp D.E. (eds.) *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on the Psychology of Emotion Regulation at Work*. New York: Routledge, 2013.; Mastracci S., Adams I. “That’s what the money’s for”: Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 304–319.; Guy M.E., Mastracci Sh.H., Yang S-B. (eds.) *The Palgrave Handbook of Global Perspectives on Emotional Labor in Public Service*. Cham: Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2019.

⁶ See, e.g., Grandey A.A., Diefendorff J.M., Rupp D.E. (eds.) *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on the Psychology of Emotion Regulation at Work*. New York: Routledge, 2013.

⁷ see, e.g., Szanto Th. Emotional self-alienation // *Midwest Studies in Philosophy*. 2017. №

inside and outside the service industry. The authors, followers of Hochschild, can be roughly divided into two groups: the first group includes those who identify, and study the positive/bright aspects of EL as well as the researchers of the negative/dark aspects (see e.g. Ward, J. and McMurray, 2015), while the second group consists of those who use the concept of alienation, alienating or alienated EL and study the negative consequences of alienation – disorientation, burnout, inequality and exploitation.

The concept of EL reflects universal characteristics of the commercialization of emotions in contemporary societies; however, much of what we understand about emotional labor has been derived from studies conducted in Western societies⁸. Meanwhile, the processes involved in performing EL and its consequences can differ markedly across societies, taking into account varying cultural representations and methods of emotion regulation. Consequently, the experience of executing EL can be contradictory, with its benefits and costs varying significantly. Therefore, the potential exists to interrogate the alienating effects of emotional labor in other, non-Western societies, as well as the very concept of alienation and alienating emotional labor itself.

The central question of this presentation is how cultural perceptions of emotions, and the broader emotional culture of society under study, influence the formation of rules surrounding EL and its execution overall, and how cultural perception of emotions can determine the consequences of EL in particular alienating experience. From this inquiry arises the exploration of what regimes and styles of EL we may observe within the socio-cultural context. A primary concern of this paper is the ambiguity surrounding the methodological significance, explanatory potential, and limitations of the concept of EL and alienating EL when studied across different cultural contexts. Given that performing EL in service-oriented sectors and other areas involving contact work necessitates specific rules for emotional expression alongside organizational demands placed on workers, it becomes possible to trace how these rules are established, their sources, and the cultural understandings that underpin them. This presentation will demonstrate the necessity for incorporating cultural variables into the conceptualization and research protocols regarding analysis of international studies of EL. We will outline types of data that should be included in EL research to account for its particularities while enhancing its heuristic value.

---

41 (1). P. 260–286.; *Yildirim M., Türker N.* The effect of emotional labor on work alienation: A study at hotel Businesses // *Journal of Business Research – Turk.* 2018. № 10 (3). P. 606–621.; *Tsang K.K., Wu H.* Emotional labour as alienated labour versus self-actualized labour in teaching: Implications of the outbreak of the COVID-19 pandemic for the debate // *Educational Philosophy and Theory.* 2022.

⁸ *Mastracci S., Adams I.* Is emotional labor easier in collectivist or individualist cultures? An East–West comparison // *Public Personnel Management.* 2019. Vol. 48. № 3. P. 325–344.

Emotional labor in different cultural contexts: alienating emotional labor is a problem only for Western societies?

Over the years the EL studies addressed the following issues: is EL always a contributory factor to alienation; what strategies one could use to avoid the consequences of alienation; what is the role of workers themselves in the context of alienating conditions; can alienation expand beyond work; how does inequality facilitate emotional alienation? A few studies connect EL and general alienation from work, by which separation from work, context and own self is understood⁹. However, burnout, absence of dedication, dissatisfaction and deviations in a workplace do not necessarily result from alienation: alienation is represented by a distinct psychological pain:

Alienation is a condition in which the individual becomes isolated and cut off from the product of his or her work, having given up the desire for self-expression and control over his or her own fate at work. The individual enacts a role estranged from the kind of life of which the individual is capable¹⁰.

The scientists that study EL of state employees¹¹ considered to be the source of alienation the feeling display rules, which “dictate the form, content, and appropriateness of emotional displays, thereby separating workers from the design and control of the labor process. Workers, therefore, are estranged from their emotional product and the process of emotion production”¹². The costs of alienation from work through EL are especially disturbing for state workers:

After many months of deep acting, it becomes difficult to ascertain where “real” selves end, and company selves begin. Over time, employees cannot distance themselves from what they perceive to be ‘inauthentic’ attributes even off the job¹³.

Alienation from work could be not only the result of feigning emotions, but also the result of diligent and sincere following of the feeling display rules¹⁴.

---

⁹ *Mastracci S., Adams I.* “That’s what the money’s for”: Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 1–16.

¹⁰ *O’Donohue W., Nelson W.* Alienation: An old concept with contemporary relevance for human resource management // *International Journal of Organizational Analysis*. 2014. № 22 (3). P. 302.

¹¹ *Mastracci S., Adams I.* “That’s what the money’s for”: Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 304–319.

¹² *Brook P.* The alienated heart: Hochschild’s “emotional labor” thesis and the anti-capitalist politics of alienation // *Capital & Class*. 2009. № 33 (2). P. 12.

¹³ *Erickson R.J., Ritter C.* Emotional labor, burnout, and inauthenticity: Does gender matter? // *Social Psychology Quarterly*. 2001. № 64 (2). P. 359.

¹⁴ *Mastracci S., Adams I.* “That’s what the money’s for”: Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 6.

Hochschild also assumed that estrangement from one's own self and burnout is possible in case of both deep and surface acting¹⁵.

Moreover, identification and satisfaction with job are no guarantee against feeling alienation¹⁶ and although other researchers¹⁷ note positive objective and subjective sides of EL, this does not imply that there is no connection between EL and alienation¹⁸. An ability to confront formal display rules does not mean permission to ignore them completely; it is important that EL is a definitive and everyday working process: "Deep acting tends to become more difficult with each iteration of the role. Frequent repetition tends to blunt felt emotion"¹⁹. In the study by Mastracci and Adams²⁰ the alienating consequences of EL in the state sector as opposed to the private sector are highlighted, and the most interesting point is that they distinguish a unique aspect of EL in the civil service: "the alienated public servant can, in turn, alienate citizens from government"²¹. This means that EL contributes to the alienation not just from work, client, superior and workers themselves, but to the alienation of society from state authorities as well.

We aim to analyze both universal and culturally specific characteristics of EL as a phenomenon and explore the potential of this concept in examining cultural particularities related to EL. The term EL was introduced by Arlie Hochschild (2019/1983) and is defined as a process whereby workers are expected to manage their feelings according to established organizational rules while receiving formal monetary compensation. In this regard, the following questions may be posed. Since «much of what we know about emotional labor comes from a specific cultural context»²², is the phenomenon of emotional labor universal? Are the causes and consequences of emotional labor universal or culturally determined? Are there emerging findings that challenge established Western perspectives? How does cultural context shape the consequences of emotional labor? Are the consequences of emotional labor—such as emotional exhaustion, depersonalization, and loss of job meaning—universal? What should be included in research protocols on emotional labor to account for cultural variables?

---

¹⁵ Hochschild A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 2003.

¹⁶ Mastracci S., Adams I. "That's what the money's for": Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 7.

¹⁷ Bolton S.C. *Emotion Management in the Workplace*. London: Palgrave, 2005.

¹⁸ Mastracci S., Adams I. "That's what the money's for": Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4). P. 8.

¹⁹ Ashforth B.E., Humphrey R.H. Emotional labor in service roles: The influence of identity // *Academy of Management Review*. 1993. № 18 (1). P. 97.

²⁰ Mastracci S., Adams I. "That's what the money's for": Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4).

²¹ *Ibid.* P. 8.

²² Mesquita B., Delvaux E. A cultural perspective on emotion labor / Grandey A., Diefendorff J., Rupp D. (Eds.). *Emotional labor in the 21st century*. New York: Routledge, 2013. P. 251.

Universal characteristics of EL include its orientation towards service provision and consumerism, profit generation, client retention through contact work and mutual recognition; standardization of organizational or corporate emotion management rules for monitoring and control; development of emotional labor skills through specialized training; a trend towards servilization of professions or emphasizing service components in labor; emergence of EL in various occupations previously considered devoid of such significance; and an intensification of EL linked to employee burnout, stress and ill-being. Culturally specific characteristics defining EL encompass understandings of emotions and their significance in people's lives and society (emotional culture—desired vs. undesired emotions, intensity of emotional life, etc.); the relationship between collectivist and individualistic values in understanding emotions; the importance placed on emotional restraint/suppression versus expression; methods for managing emotions within institutional and private/impulsive contexts. The concept of alienating emotional labor²³ exemplifies how cultural differences manifest distinctly: in non-Western societies, EL might not lead to stress or burnout nor be perceived as a burden, as supported by various empirical data²⁴. Additionally, styles or methods of executing EL may reflect local cultural and socio-economic contexts — a finding corroborated by Russian studies²⁵.

The uncertainty of consequences of EL for workers became the reason for conducting meta-analysis of 175 of primary studies that concerned a variety of different connections between EL and its consequences (emotional burnout, depersonalization, personal achievements, and job satisfaction). The results of this meta-analysis suggest that EL might be both harmful and useful for employees and have positive as well as negative impact on burnout and job satisfaction owing to the utilized strategy of EL, where surface acting leads to negative consequence. A significant result could be considered the point that the strategy of deep acting facilitates depersonalization, in a greater degree contributes to personal self-realization and job satisfaction, which provides additional support to the line of research focused on the positive consequences of EL. Furthermore, the following ambiguity of consequences of EL in collectivist and individualist cultures became apparent: the difference between individualist and collectivist cultures plays an important role in the way of perception of EL by workers; moreover, individualist cultures are more sensitive to negative consequences of²⁶. However, it should

---

²³ *Simonova O.* The “bright” and “dark” sides of emotional labor: The concept of alienation in the theory of A.R. Hochschild and modern research // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023. Vol. 26. № 1. P. 88–117.

²⁴ *Mastracci S., Adams I.* Is emotional labor easier in collectivist or individualist cultures? An East–West comparison // *Public Personnel Management*. 2019. Vol. 48. № 3. P. 325–344.

²⁵ *Temkina A., Litvina D., Novkunskeya A.* Emotional styles in Russian maternity hospitals: Juggling between khamstvo and smiling // *Emotions and Society*. 2021. № 3 (1). P. 95–113.

²⁶ See *Mastracci S., Adams I.* Is emotional labor easier in collectivist or individualist cultures? An East–West comparison // *Public Personnel Management*. 2019. № 48 (3). P. 325–344.

be noted that in this meta-analysis the notion of alienation was not applied to interpret results, although it appeared in the studies included in the sampling.

Emotional labor performance and its social and psychological consequences: emotional culture matters

Given the contradictory results of various studies on emotional labor (EL) conducted in different professional fields, it can be assumed that EL may depend on cultural context and the cultural model of understanding emotions, relationships, and employee identity. In this regard, research in cultural psychology is based on the dichotomy of individualistic and collectivistic cultures (although it is clear that this dichotomy is conditional, it nevertheless serves as a starting point for exploring this area). Therefore, it is possible to consider the following questions: how important is employee autonomy in the workplace, how does personal satisfaction with work align with the establishment of harmonious relationships at work, and how do these factors interact? Cultural differences in the perception of desirable and undesirable emotions in the workplace, as well as their intensity, duration, and frequency, are also significant. In individualistic cultures, altering the emotion itself is often preferred, whereas in collectivistic cultures, suppressing and modifying behavioral reactions is more common. Emotion management may also be viewed differently across cultural contexts; for example, the costs of EL may be perceived as higher in Western societies and lower in non-Western ones. Another important factor is the value placed on the authenticity of emotions and their expression: while authenticity is regarded as a virtue in Western cultures, it is often seen as a sign of personal immaturity in many non-Western cultures, such as Japan. To further elaborate on this, we will refer to the broader perspective on emotional culture from the viewpoints of sociology and social psychology.

Psychologists have identified two models of understanding emotions in individualistic and collectivistic cultures²⁷. In the first model, emotions are viewed as personal mental states, and authenticity of emotions is highly valued. In the second model, emotions are more closely associated with relationships and the values of the group experiencing them; accordingly, individuals are oriented toward shared emotions, sometimes at the expense of their own experiences. In the first case, emotions are understood as universal mental states within the individual, whereas in the second, emotions are seen as relational phenomena realized through social interaction. This distinction also implies differences in emotion regulation strategies: in individualistic cultures, emotions are typically linked to a specific person, and the adaptation of these emotions to social expectations is not always required (or is less emphasized). In contrast, in collectivistic cultures, emotions are often shaped by social interactions: social demands regarding the

---

²⁷ *Mesquita B., Delvaux E. A cultural perspective on emotion labor / Grandey A., Diefendorff J., Rupp D. (Eds.). Emotional labor in the 21st century. New York: Routledge, 2013. P. 271–292.*

expression and regulation of emotions are internalized as part of an individual's identity²⁸. Therefore, the similarity or difference in emotional norms at work and in private contexts may have significant implications for the performance of EL: if Western societies maintain a clear distinction between public and private emotional expression, and (service) employees suppress or regulate their emotions according to organizational or group norms, then in collectivistic cultures, the differences between workplace and private emotional expression may be less pronounced or even nonexistent.

The problem of burnout in the workplace, and among service workers in general, has been widely discussed in Western research across various professions and occupational groups. Typically, it is associated with the intensity of emotional labor, as employees are often required to manage their emotions not according to their own rules and are not free to express their feelings as they would in private contexts. The phenomenon of burnout is theoretically linked to subjective aspects such as emotional exhaustion, depersonalization²⁹, and the lack of opportunities for self-actualization and self-regulation that arise when employees must constantly regulate their emotions at work³⁰. Some studies suggest that the EL of employees may be more costly³¹, with the restriction of emotional expression being particularly pronounced among certain occupational groups. Comparative studies of public sector employees in different cultures (countries of Southeast Asia and countries of Western Europe and North America) have revealed different relationships between the intensity of EL and burnout. For example, employees from Asian countries are more likely to report that the need to display required emotions at work, even if they do not correspond to their true feelings, is just as stressful as the need to suppress undesirable emotions³². In previous cross-cultural studies, researchers have also found that Chinese employees experience less burnout when managing emotions at work than their American counterparts³³.

---

²⁸ Townsend S.S.M., Markus H.R., Bergsieker H.B. My choice, your categories: The denial of multiracial identities // *Journal of Social Issues*. 2009. № 65 (1). P. 185–204.; Uchida Y., Kitayama S. Happiness and unhappiness in east and west: Themes and variations // *Emotion*. 2009. № 9 (4). P. 441–456.; Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: Cultural differences in the perception of facial emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. № 94 (3). P. 365–381.

²⁹ Maslach C., Leiter M.P. *The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022.

³⁰ Hochschild A.R. *Upravlyaemoe serdtse: kommertsializatsiya chuvstv [The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling]*. Moscow: Delo RANHiGS, 2019.

³¹ Hülsheger U.R., Schewe A.F. On the costs and benefits of emotional labor: a meta-analysis of three decades of research // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2011. № 16 (3). P. 361–389.; Grandey A.A., Diefendorff J.M., Rupp D.E. (eds.) *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on the Psychology of Emotion Regulation at Work*. New York: Routledge, 2013.

³² Mastracci S., Adams I. Is emotional labor easier in collectivist or individualist cultures? An East–West comparison // *Public Personnel Management*. 2019. № 48 (3). P. 325–344.

³³ Allen J.A., Diefendorff J.M., Ma Y. Differences in emotional labor across cultures: A comparison

This and similar findings suggest that the negative consequences of EL may be less pronounced from the perspective of subjective well-being among Chinese employees than among American employees, possibly due to the higher value placed on group harmony in Chinese culture, which is equally important for both successful resolution of cultural tasks and for social adaptation and harmonious relationships.

Are the causes of burnout truly identical in Western and non-Western societies, in individualistic and collectivistic cultural contexts? How is burnout related to the cultural meanings of work and daily emotional regulation? Apparently, EL and its accompanying burnout threaten individual well-being and job satisfaction where the rules and practices of the workplace significantly deviate from everyday emotional regulation in a specific cultural context and limit individuality. Based on various comparative studies, we can tentatively conclude that in individualistic cultures, managing emotions at work is often perceived as a burden, constraining self-expression and independence (dissonance is felt). In collectivistic cultures, managing emotions at work resembles habitual behavior aligned with an orientation towards others' emotions and maintaining relationships (dissonance is not felt). Emotional labor can be stressful to the extent that the emotions expressed at work diverge from personally experienced emotions³⁴ – an idea rooted in the cultural model in which feelings, emotions, and preferences are viewed as defining individual identity. Therefore, we may assume that the concept of alienation is more relevant for Western societies and their individualistic cultures, which understand relationships in work and private contexts, as well as the perception and expression of emotions, in accordance with the rules of these cultures.

Undoubtedly, the issue of alienation in the workplace and alienating emotional labor (EL) requires further investigation. However, it is now possible to incorporate cultural variables into the study of EL and its consequences, and to reconsider the concept of alienating EL in this light. It should also be noted that a comprehensive understanding of emotions in culture necessitates a kind of “bridge” – a description of the local cultural context and the reception of global trends in professions and occupational fields related to EL, as well as an assessment of the universalization of its characteristics and other global trends, such as commercialization, medicalization, the spread of the ideology of neoliberalism, and the dissemination of therapeutic discourses among others. Thus, it is important to identify the types of data that should be included in EL research³⁵. It is essential to incorporate the specific features of the cultural context

---

of Chinese and US service workers // *Journal of Business and Psychology*. 2014. № 29 (1). P. 21–35.

³⁴ *Hochschild A.R.* *Upravlyaemoe serdtse: kommertsializatsiya chuvstv* [The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling]. Moscow: Delo RANHiGS, 2019.

³⁵ For example – *Temkina A., Litvina D., Novkunskaia A.* Emotional styles in Russian maternity hospitals: Juggling between khamstvo and smiling // *Emotions and Society*. 2021. № 3 (1). P. 95–113.

at the intersection of historical conditions, characteristics of the professional sphere, and social environment (1). Second, particular attention should be paid to the features of emotional culture: it is necessary to investigate how emotions and feelings are valued within the society – whether individual emotional states or group relationships are prioritized (2). It is also important to examine the extent to which both the work itself and emotional labor are culturally appreciated (3). In this regard, the question of employee autonomy in the workplace becomes significant: it is necessary to assess the degree of autonomy granted to employees within both organizational settings and the broader cultural context (4). Additionally, it is important to determine whether organizational rules for managing emotions exist, and how these rules differ from everyday norms of emotional regulation (5). From this, it is necessary to identify preferred strategies for emotion management: one should identify valued or commonly chosen strategies for managing emotions and explore whether alternatives to deep acting and surface acting exist within the given context (6). The issue of burnout is also relevant in light of the aforementioned factors: it is important to investigate whether burnout is a significant concern in the field under study, to identify its causes, and to examine specific stressors such as work quality, service quality, labor intensity, cultural norms regarding breaks, and other relevant factors (7).

For example, let's turn to the Russian context. The phenomenon of EL and its specific features are closely linked to the Russian economic, social, and cultural context³⁶. According to research³⁷, there exists a well-developed understanding of EL within Russian labor sectors, and its analysis shows transformations within service industries and the broader professional landscape. Nevertheless, previous understanding of services, interpersonal dynamics, and service delivery models remain influential and continue to compete with newer frameworks. Consequently, practices considered normalized and unproblematic in Western societies – such as the expectation to “serve” clients and display positive emotions—often appear non-standardized and problematic in the Russian context. Conversely, issues commonly discussed in Western literature—such as the lack of autonomy in EL and the formalization of emotion expression rules – are perceived as normative or even desirable in Russia. Researchers also examine the clash of historically established cultural styles of performing EL in Russia, such as the Soviet-era service style characterized by “rudeness” or “boorishness” and the neoliberal “smiling” style. Employees are more likely to experience burnout as a result of this cultural confrontation rather than from suppressing their own emotions in accordance with organizational rules, as is the case in the medical sector.

---

³⁶ *Simonova O.* The “bright” and “dark” sides of emotional labor: The concept of alienation in the theory of A.R. Hochschild and modern research // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023. Vol. 26. № 1. P. 88–117.

³⁷ *Simonova O.A.* Emotion management and the professional culture of administrative social workers in Russia: Common standards versus the moral mission of social care // *Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 1. P. 129–142.

Conclusion

To conclude it is safe to assume in reliance upon the given examples that the ambiguity of the original Hochschild's concept gave rise to a renewed surge of interest to alienation from work and alienating EL, the negative consequences of which started being perceived more reflexively. The concept of alienation serves Hochschild for reflection of subjective experience of inequality, deprivation, burnout after emotion management, as well as certain hopelessness, resignation to the situation, when service industry workers accept this burden as common for their low status position. In further works the researchers highlighted the danger of emotional hyperregulation (or alienating EL), which tends to become customary, and, in some cases, institutionalized³⁸. It is emotional hyperregulation that can lead to loss of orientation, exhaustion, absence of contact with one's own feelings, loss of one's "genuine" identity, deterioration in relations with others and that is what Hochschild warns about. However, the spread of EL research in non-Western societies has led researchers to recognize the importance of the cultural context in which it takes place: the universal characteristics of EL are combined with culturally specific, uneven development of capitalist relations. Therefore, the notion of 'alienating EL' requires a reflexive and careful application; EL, even when quite intense, cannot always be perceived as a burden, as an alienating force from work, co-workers, the organization and one's own experiences. Numerous studies have explored the inequality associated with the burden of emotional labor, but cultural variables remain unexamined. It is essential to consider emotional labor within a culturally and historically contextualized framework, distinguishing between culturally specific and universal aspects. Universal characteristics of emotional labor can lead to different outcomes in different cultural contexts. The adoption of neoliberal ideology, social order, and psychotherapeutic culture in non-Western societies results in unique rules and practices of emotional labor. Professional burnout, a frequent companion of emotional labor, may not be manifested or articulated in non-Western societies, highlighting differences in the valuation of psychological states. The extent to which alienation and alienating EL theory can be heuristic in non-Western cultural contexts needs to be explored.

References

Allen J.A., Diefendorff J.M., Ma, Y. Differences in emotional labor across cultures: A comparison of Chinese and US service workers. *Journal of Business and Psychology*. 2014. N. 29 (1). P. 21–35.

---

³⁸ see, e.g., Szanto Th. Emotional self-alienation // *Midwest Studies in Philosophy*. 2017. № 41 (1). P. 260–286.; Mastracci S., Adams I. "That's what the money's for": Alienation and emotional labor in public service // *Administrative Theory and Praxis*. 2018. № 40 (4); Grandey A.A., Gabriel A.S. Emotional labor at a crossroads: Where do we go from here? // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2015. № 2. P. 323–349.

Ashforth B.E., Humphrey R.H. Emotional labor in service roles: The influence of identity. *Academy of Management Review*. 1993. N. 18 (1). P. 88–115.

Bolton S.C. *Emotion Management in the Workplace*. London: Palgrave, 2005.

Brook P. The alienated heart: Hochschild's "emotional labor" thesis and the anti-capitalist politics of alienation. *Capital & Class*. 2009. N. 33 (2). P. 7–31.

Burkitt I. Alienation and emotion: social relations and estrangement in contemporary capitalism. *Emotions and Society*. 2019. N. 1 (1). P. 51–66.

Erickson R.J., Ritter C. Emotional labor, burnout, and inauthenticity: Does gender matter? *Social Psychology Quarterly*. 2001. N. 64 (2). P. 146–163.

Grandey A.A., Gabriel A.S. Emotional labor at a crossroads: Where do we go from here? *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2015. N. 2. P. 323–349.

Grandey A.A., Diefendorff J.M., Rupp D.E. (eds.) *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on the Psychology of Emotion Regulation at Work*. New York: Routledge, 2013.

Guy M.E., Newman M.A. Women's jobs, men's jobs: Sex segregation and emotional labor. *Public Administration Review*. 2004. N. 64 (3). P. 289–298.

Guy M.E., Mastracci S.H., Yang S-B. (eds.) *The Palgrave Handbook of Global Perspectives on Emotional Labor in Public Service*. Cham: Springer Nature, Palgrave Macmillan, 2019.

Hochschild A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 2003.

Hochschild A.R. (2019) *Upravlyaemoe serdtse: kommertsializatsiya chuvstv* [The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling]. Moscow: Delo RANHiGS (in Russian).

Hülshager U.R., Schewe A.F. On the costs and benefits of emotional labor: a meta-analysis of three decades of research. *Journal of Occupational Health Psychology*. 2011. N. 16 (3). P. 361–389.

Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007.

Maslach C., Leiter M.P. *The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022.

Mastracci S.H., Guy M.E., Newman M.A. *Emotional Labor in Public Service: Working on the Razor's Edge*. New York: M.E. Sharpe, 2012.

Mastracci S., Adams I. "That's what the money's for": Alienation and emotional labor in public service. *Administrative Theory and Praxis*. 2018. N. 40 (4). P. 304–319.

Mastracci S., Adams I. Is emotional labor easier in collectivist or individualist cultures? An East–West comparison. *Public Personnel Management*. 2019. N. 48 (3). P. 325–344.

Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: Cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. N. 94 (3). P. 365–381.

Matsumoto D. Cultural similarities and differences in display rules. *Motivation and Emotion*. 1990. N. 14 (3). P. 195–214.

Mesquita B., Albert D. The cultural regulation of emotions', in Gross J.J. (ed.) *Handbook of Emotion Regulation*. New York: Guilford Press, 2007. P. 284–301.

Mesquita B., Delvaux E. A cultural perspective on emotion labor, in Grandey A., Diefendorff J., Rupp D. (eds.) *Emotional Labor in the 21st Century*. New York: Routledge, 2013. P. 271–292.

O'Donohue W., Nelson W. Alienation: An old concept with contemporary relevance for human resource management. *International Journal of Organizational Analysis*. 2014. N. 22 (3). P. 301–316.

Simonova, O.A. Emotion management and the professional culture of administrative social workers in Russia: Common standards versus the moral mission of social care. *Journal of Social Policy Studies*. 2017. N. 15 (1). P. 129–142.

Simonova O. The “bright” and “dark” sides of emotional labor: The concept of alienation in the theory of A.R. Hochschild and modern research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023. N. 26 (1). P. 88–117 (in Russian).

Szanto Th. Emotional self-alienation. *Midwest Studies in Philosophy*. 2017. N. 41 (1). P. 260–286.

Temkina A., Litvina D., Novkunsкая A. Emotional styles in Russian maternity hospitals: Juggling between khamstvo and smiling. *Emotions and Society*. 2021. N. 3 (1). P. 95–113.

Thomas J.C. Citizen, customer, partner: Rethinking the place of the public in public management. *Public Administration Review*. 2013. N. 73 (5). P. 786–796.

Townsend S.S.M., Markus H.R., Bergsieker H.B. My choice, your categories: The denial of multiracial identities. *Journal of Social Issues*. 2009. N. 65 (1). P. 185–204.

Tsang K.K., Wu H. Emotional labour as alienated labour versus self-actualized labour in teaching: Implications of the outbreak of the COVID-19 pandemic for the debate. *Educational Philosophy and Theory*. 2022.

Uchida Y., Kitayama S. Happiness and unhappiness in east and west: Themes and variations. *Emotion*. 2009. N. 9 (4). P. 441–456.

Ward J., McMurray R. *The Dark Side of Emotional Labour*. London: Routledge, 2015.

Wharton A.S. The sociology of emotional labor. *Annual Review of Sociology*. 2009. N. 35 (1). P. 147–165.

Wilding M.A., Chae K., Jang J. Emotional labor in Korean local government. *Public Performance & Management Review*. 2014. N. 38 (2). P. 316–336.

Yildirim M., Türker N. The effect of emotional labor on work alienation: A study at hotel Businesses. *Journal of Business Research – Turk*. 2018. N. 10 (3). P. 606–621.

Отчуждающий эмоциональный труд в не западных обществах: проблема или норма?

Ольга Симонова, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
osimonova@hse.ru

Настоящая статья представляет доклад, сделанный на 5-м Форуме Международной социологической ассоциации в июле этого года в Рабате, Марокко (на сессии «Аффективные и эмоциональные измерения отчуждения: общества модерна, агенты, структуры и процессы» исследовательского комитета № 36 «Теория и исследования отчуждения»). В статье рассматривается эмоциональный труд как объект социологии в контексте проблемы отчуждения. Хотя отчуждающий эмоциональный труд широко изучался в западных контекстах, в данном докладе анализируется применимость данной концепции в незападных обществах. Автор выделяет культурные различия в осуществлении управления эмоциями и противоречивый опыт эмоционального труда, который не всегда становится отчуждающим. В статье подчеркивается необходимость переосмысления понятия «отчуждающий эмоциональный труд» вне западных социокультурных условий.

Ключевые слова: эмоциональный труд, отчуждающий эмоциональный труд, культурные различия в управлении эмоциями, выгорание

Для цитирования: Симонова О.А. Отчуждающий эмоциональный труд в не западных обществах: проблема или норма? // *Метаморфозис*. 2026. Т. 10. № 3. С. 103-116.

Date of receipt: 04.03.2026.

Понимая постаграрные исследования: постаграрность сельской местности России как теоретическая оптика и прикладная методология¹

Арсений Бучацкий, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), abuchatskii@hse.ru

Настоящая программная статья посвящена дискуссии об основных принципах концепции постаграрности как теоретической рамки и методологии анализа. На основе результатов исследовательского коллектива, литературного обзора и модерации академической дискуссии автор излагает один из возможных взглядов на концепцию. Постаграрная оптика в понимании автора представляет собой сравнительно новую и комплексную аналитическую схему, объединяющую в себе разные типы данных (социальные, гуманитарные, естественно-научные), благодаря чему она может быть использована в обосновании мер социальной политики для преодоления кризисного состояния российского села. Раскрываются сильные стороны постаграрности: теоретическая насыщенность одновременно на макро- и микро уровне анализа, способность интегрироваться с уже существующими дискуссиями в поле социологии села и города, учет широкого гетерогенного круга заинтересованных стейкхолдеров. Вместе с этим, обозначаются вызовы для постаграрной оптики: необходимость правильной степени обобщения, ограничение объяснительного потенциала в рамках исследовательского подхода, разнородность кейсов, формирование собственного устоявшегося языка исследований. Настоящая статья предлагает исследователям присоединиться к дискуссии о будущем постаграрных исследований в России для совместного обсуждения развития их традиции.

Ключевые слова: постаграрность, российское село, кризис села, дезурбанизация, контрурбанизация, миграция, междисциплинарность, социальная политика

Для цитирования: Бучацкий А.Г. Понимая постаграрные исследования: постаграрность сельской местности России как теоретическая оптика и прикладная методология // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 117-131.

Дата поступления: 01.09.2025.

---

¹ Статья подготовлена в НИУ ВШЭ при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-68-00055 «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций».

Введение: цель предложенной дискуссии

С 5 по 12 июля 2025 в городе Рабат (Марокко) прошел 5-й Всемирный социологический форум (5th World Forum of Sociology) Международной социологической ассоциации — фестиваль значимости нашей с коллегами науки, социологии, и площадка для общемирового теоретико-методологического разговора, на которой благодаря поддержке Российского научного фонда была возможность побывать и у меня. Это было мое первое научное мероприятие такого глобального масштаба. Однако у меня с моими коллегами была важная и ответственная миссия: в выступлениях наш коллектив представил главные принципы работы междисциплинарного научного проекта «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций»², посвященного комплексному исследованию российских сельских территорий и выполняемого при поддержке гранта Российского научного фонда. Предлагаемая нами идея, с точки зрения исследовательской традиции, кажется и заметно инновационной, и одновременно органично продолжающей предыдущие наработки в этом поле — соединить в рамках одной исследовательской программы теоретические построения и методы социальных, экономических и естественных наук для целостного рассмотрения современного состояния российского села.

На основе моего доклада «Understanding the Post-Agrarianism of Rural Areas: Post-Agrarianism as a Theoretical Concept and a Research Framework»³ для организованной мной и профессором НИУ ВШЭ Н.Е. Покровским, руководителем исследовательского проекта, секции «Is the City Forever? Post-Agrarianism and Counter-Urbanization in Retrospective and Perspective» 5-го Всемирного социологического форума я бы хотел изложить основные принципы наших разработок в формате небольшого академического эссе. Если более объемные предстоящие публикации нашего проекта фокусируются на методологических особенностях постаграрных исследований, то в рамках этого текста я решил отойти от уже использованных источников и проанализировать природу знания в постаграрном исследовании и стоящую за ним природу побуждаемых наукой социальных изменений. Предлагаемый мной программный текст посвящен основным принципам соотношения элементов внутри исследовательской оптики постаграрности, которые позволяют раскрыть российское село как современный многоаспект-

---

² Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций // Российский научный фонд [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00055/> (Дата обращения 30.08.2025).

³ Buchatskii A. Understanding the Post-Agrarianism of Rural Areas: Post-Agrarianism as a Theoretical Concept and a Research Framework // Book of Abstracts accepted for presentation at the 5th ISA Forum of Sociology July 6–11, 2025 | Rabat, Morocco. International Sociological Association, 2025. P. 151.

ный феномен и, что важно, могут быть использованы для доказательства необходимости потенциальных мер социальной политики.

Настоящая статья служит предложению сформированного по итогу моего литературного обзора за двухлетний период исследований, рефлексии полевых заметок коллег и модерации международной научной дискуссии авторского взгляда на концепцию постаграрности. В связи с профилем моей деятельности фокус будет сделан на социальной и антропологической методологии, и изложен в удобной для широкого круга читателей форме с целью очертить примерное предметное поле новой исследовательской оптики.

Предпосылки для оптики постаграрности: постаграрность как «призыв к действию»

Прежде всего, коротко обозначим, что представляет собой предлагаемая нами оптика постаграрности. Это концепция представляет собой комплексную и междисциплинарную исследовательскую программу, которая призвана оценить состояние российского села со стороны социальных, гуманитарных и естественных наук с конечной целью стабилизации развития российских сельских поселений, во многих случаях переживающих кризисное состояние. По итогам литературного обзора и нашей собственной исследовательской практики, отметим, что такой подход может использовать самые разные методы: этнографию и включенное наблюдение, глубинное интервью, экспертные интервью, картирование территории информантами, анализ больших данных (например, экономических транзакций, демографической статистики, результатов расчетов потенциала использования территорий) и множество других.

Потребность в переходе к новой оптике, на мой взгляд, возникает в связи с сосуществованием разнонаправленных тенденций жизни сельских ландшафтов как за рубежом, так и в России. Урбанизация (увеличение доли городов, трансформация сельского ландшафта в городской), дезурбанизация (отток жителей из городов, в целом), контрурбанизация (более частный случай дезурбанизации, связанный, например, с миграцией удобств), джентрификация (обновление заброшенных пространств), развитие сельских предпринимательских инициатив (культурных кластеров, локальных производств), миграция между городом и селом — вот лишь часть тенденций, которые сопровождают исследователя в этом поле. Последнее, на мой взгляд социолога, преподававшего социокультурную динамику, особенно интересно в плане культурного анализа — так как процессы миграции могут нести за собой потенциальные культурные столкновения. Соответственно, в поле внимания исследователя при применении постаграрной оптики может находиться очень широкий круг разнородных акторов с разным доступом к власти и влиянию: условные «исконные» местные жители сельских

сообществ, прибывшие городские переселенцы, представители сельских предпринимательских инициатив и функционеры государства как реализатора социальной политики.

Иными словами, ключевая идея нашего проекта — это, создание, так называемого в англоязычной академической традиции, «actionable framework»: исследовательской схемы, полученные с помощью которой данные могут быть конвертированы в социальные изменения. Однако на пути исследователей может возникнуть и ряд трудностей: множество обозначенных сторон интересов подчеркивает еще один вызов для постаграрной оптики — необходимости определения органичной логики соотнесения данных между микро-, мезо- и макроуровнем социального анализа ввиду комплексности применяемой схемы.

На мой взгляд, наиболее явными предпосылками к переходу к новой, интегрированной и гибкой оптике постаграрности, служит противоречие наблюдаемых на данных последних лет трендов. Самый заметный из них я бы охарактеризовал как «дуальное» состояние российского села. Так, с одной стороны, в современной западной социологии и антропологии сегодня активно идут дискуссии, посвященные разработке понятия «кризис села» (*rural crisis*), который включает, в том числе, миграцию населения и падение вовлеченности бизнеса и множество связанных с этими трендами неявных на первый взгляд процессов — исчезновение человеческого капитала села и утрата механизмов для его воспроизводства. Эта дискуссия часто относящаяся к условно классической аграрной оптике и разрабатываемого с начала XXI века, например, такими популярными в исследованиях ландшафтов зарубежными и отечественными авторами как Дж. Джейкобс⁴ и Т.Г. Нефедовой⁵. С другой стороны, отдельные кейсы в медиа подтверждают возможное развитие в России «второй жизни» села — когда разные группы городских жителей переезжают, руководствуясь самыми разными смыслами и мотивами. Однако возникает вопрос, насколько такие случаи устойчивой миграции из города в село системны? Существуют ли за ними стабильные механизмы и могут ли быть созданы условия для массового комфортного и органичного переезда современного среднестатистического домохозяйства в сельскую местность? Исследования нашего проекта⁶ показывают, что феномен «второго дома»⁷ имеет шансы на развитие позитивного сценария, так как закреплен в разных формах в ментальности росси-

⁴ *Jacobs J.* Dark Age Ahead. New York: Vintage Books, 2005.

⁵ *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

⁶ *Ильин В.И.* Дуальный образ жизни: российская версия в контексте истории и современности // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 6.

⁷ Часто используемое выражение, используемое для обозначения неосновного объекта не-движимости, в пользование которым индивид может вкладывать определенные смыслы.

ян, что дает надежду на разработку массовых мер ревитализации села. Как и в целом, программные публикации нашего проекта⁸ отмечают, что предпосылки для исследования соотношения между городом и сельской местностью были сделаны еще в Античности.

Нашей задачей, в таком случае, становится на основе научных данных предложить взаимосвязанные между собой шаги для институционализации самых различных практик развития и поддержания российского села в контексте современных ему социальных проблем. Здесь же, на мой взгляд, оптика постаграрности встречает еще один вызов — в связи с процессами глобализации, границы этих социальных проблем, как и само разделение на сельские и городские ландшафты (например, в связи с освоением пригородов и повышением их привлекательности для потенциальных покупателей недвижимости), размывается. Значит, появляются новые теоретические вызовы для исследователей в этом поле, требующие от научных сотрудников гибких и теоретически насыщенных ответов.

Если обратиться к системе TDNet Discovery (единой точке доступа к электронным ресурсам библиотеки моей научно-исследовательской организации, НИУ ВШЭ) можно обнаружить не более полутора — двух десятков релевантных источников, содержащих дескриптор «postagrarianism» или аналогичный ему «postagrarian». Такая ситуация наблюдается, поскольку постаграрность — это сравнительно новая для зарубежных и российских наук оптика. Ее активное методологическое осваивание в мировой науке, по моим представлениям, началось в середине 2000-х начале 2010-х годов. Несмотря на меньшее, по сравнению с выполненными в других оптиках (классическом изучении аграрных сообществ, процессов урбанизации и субурбанизации), исследованиями, в 2024 Российским научным фондом был выдан первый грант на изучение сельских сообществ в условиях постаграрного вектора трансформаций. При этом, однако, если проанализировать аннотации рекомендованных системой публикаций, обнаружится, что подходящих по содержанию публикаций намного больше — различие в используемой ими концептуальной схеме понятий.

Поэтому нашей попутной теоретической задачей, вполне вероятно, может стать выработка единого (и, полагаю, междисциплинарного) языка подобных исследований для связи различных наработок между собой. Этот язык постаграрных исследований также должен быть тесно связан с методологическим инструментарием, а значит — необходимо раскрытие описательной силы многоаспектной и междисциплинарной модели описания современных нам ландшафтных процессов. Такая задача, на мой взгляд, создает новый научный продукт — своеобразный «прокси-фреймворк»

---

⁸ Покровский Н.Е. Постаграрность и дезурбанизация: новый взгляд на перспективы внегородских территорий (история, модели, теоретические подходы) // Человек. 2025. Т. 36. № 4. С. 7.

между исследовательской традицией изучения города и исследовательской традиции изучения села в социальных науках за счет процедуры анализа с во многом универсальной терминологией. Принимая во внимание анализ города как частотного актора изменений, мы можем предположить, что постаграрность, за счет этого может послужить ликвидации терминологического, концептуального разрыва между городскими и сельскими социальными исследованиями и частично объединить круг наблюдаемых феноменов в одной процедуре анализа.

Действительно, если обратиться к международному научному дискурсу, можно обнаружить, что наше видение постаграрной оптики соответствует не только тренду на междисциплинарность, но включает в себя другие популярные сегодня принципы ориентированных на социальные изменения исследований. В нашем проекте мы считаем важным уделить внимание устойчивому развитию, исследованиям многообразия и доказательному подходу на основе лучших практик. Поскольку постаграрное исследование анализирует новые формы социальности в связке с природными данными, оно стремится измерить, насколько эти формы социальной жизни устойчивы. Получается, что такой подход позволяет не только учесть природные данные в социальной теории, но и изменить их за счет сохранения и стабилизации их поддержки, применив широко используемые концепты.

Методологические принципы постаграрной оптики: «единство противоположностей»

Обозначенная мной потребность в формировании концептуального аппарата постаграрной оптики обусловлена применяемыми в рамках нее методами. Рассмотрим базовые принципы, которые стоят за их разнообразием. Эта широкая вариативность методов связана с выдвигаемыми нами исследовательскими вопросами — они диктуют потребность как в качественных, так и в количественных данных. Например, новые социальные изменения, с 2022 года, создают запрос на разведывательные исследования — анализы практик, конкретных кейсов бизнеса и индивидов. Для меня постаграрность — это оптика, которая тесно соприкасается с культурой и даже социальной философией. С одной стороны, в культурном плане в ней необходим анализ жизненного уклада, пространства жизненного мира, типа и качества социальных отношений, идентичности и потенциального конфликта «свой-чужой», внимания к деталям на микроуровне социальной жизни — например, знакомой антропологам эргономике жилища как производного социального порядка⁹. Таким образом, на начальных и последующих этапах анализа постаграрная оптика уделяет особое внимание

⁹ Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

повседневности, феноменологическому анализу отличий между различными образами жизни и, соответственно, группами интересов. Этот анализ, по нашему мнению, также может быть сопряжен с анализом субъективных смыслов деятельности, в частности проживания на селе, как и связан с символической стороной социальной реальности. К примеру, так наличие или отсутствие символического конфликта может выступать индикатором интеграции переселенцев в уже сложившуюся социальную структуру.

С другой стороны, социокультурная динамика в исследованиях постаграрности может быть выражена и на более обобщенных уровнях анализа — на макроуровне: в анализе социальных институтов, например, соотношения архаичных и условно современных институтов и связанных с ними практик (как и постепенным появлением и закреплением соответствующим образцам поведения), в том числе — характеру коллаборации между разными социальными акторами, успешности инициатив как «снизу», так и «сверху».

Вместе с этим, неразработанное достаточно предметное поле постаграрных исследований, по моему мнению, может выступать площадкой для апробации самых разных подходов. К примеру, в рамках автоэтнографического подхода разработана матрица Покровского¹⁰ — модель для анализа привлекательности ландшафта для переселенцев и оценки их адаптационных возможностей.

Наконец, один из наиболее отличительных особенностей концепции постаграрности — это использование, наряду с другими методами, инструментария и данных естественных наук: климатических данных, типа ландшафта, прогнозирование его изменений и использования человеком. Таким образом, методологический подход представляет собой анализ социальных феноменов в их связи с социальной структурой и природными условиями. С одной стороны, он нуждается в поиске и установке собственного языка как отражение исследовательской традиции, с другой — обеспечивает преемственность за счет использования данных исследований в уже устоявшейся традиции, например, категории «локус» (к примеру, в понимании А. Лефевра¹¹), депопуляция, центростремительная миграция и так далее. Несмотря на гибкость оптики, перед исследователями снова возникает проблема грамотного обобщения данных в связи с необходимостью соотнести полученные при помощи разной методологии данные на микро и макроуровне, инструменты для которого только предстоит разработать.

---

¹⁰ Покровский Н. Как профессор ВШЭ осваивает сельскую местность // *Perspectum*. 11.04.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://perspectum.info/kak-professor-vshe-osvaivaet-selskuyu-mestnost/> (Дата обращения 30.08.2025).

¹¹ Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

Дискурс о постаграрности — о ком и для кого?

Достоинство нашей исследовательской программы, как мы считаем, — в принятии во внимания разнообразного спектра феноменов самой разной природы, а значит результаты исследования могут потенциально заинтересовать очень разных представителей общественности в участии в дискуссии о состоянии российских сел.

Мы считаем, что подобные исследования могут улучшить качество жизни целого ряда групп индивидов, разных по своим смыслам проживания в сельской местности: от эпизодических практик использования «второго дома» до полного переезда в него. Поскольку возможны разные степени интеграции индивидов в сельскую местность, можно предположить, что возможны и разные степени и сценарии ревитализации сельского ландшафта. Этот широкий размах наблюдаемых феноменов вновь заставляет нас задуматься о расположении изучаемых кейсов на континууме от, скорее, исключений, до системных явлений. Ведь в качестве ключевых исследуемых групп нас будет интересовать самый разный контингент — дауншифтеры, семьи с детьми, профессионалы, работающие удаленно и множество других групп.

В нашем проекте есть первые удачные примеры изучения случаев межгрупповой коллаборации методом кейс-стади: так в августе 2024 в Городецком районе Нижегородской области были исследованы три инициативы сельского туризма. Проведенные в рамках проекта исследования¹² показывают, что местные сообщества и представители бизнеса могут находить инновационные и продуктивные способы взаимодействия. Такие изменения требуют адаптации и появления новых ролей, то есть могут становиться точками соприкосновения постаграрного развития и креативной экономики. Однако множество уникальных кейсов диктуют необходимость дальнейших, многократных исследований. Вместе с этим, современный динамичный BANI-мир¹³ подсвечивает очень разные по своим мотивам группы индивидов, формирующие эти кейсы миграции или временного нахождения в сельской местности, часто с пересекающимися потребностями и смыслами. Что движет этими группами индивидов: просто желание обрести более спокойный образ жизни, экономическая выгода от предпринимательской деятельности на селе или что-то еще? Отсутствие ответа на этот вопрос, на мой взгляд, предлагает постепенный переход от отдельных кейсов к обобщенным моделям.

¹² Шилова В.А., Быков К.В., Гречаная А.А., Кожарин В.Л. Практики организации сельского туризма в контексте постаграрного вектора развития внегородских территорий на примере Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т.11. №1. С. 273.

¹³ Cascio J. Facing the Age of Chaos // Medium. 29.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (Дата обращения 30.08.2025).

Наконец, еще оптика постаграрности — это также интересный случай для анализа роли самого исследователя в процессе трансформации сельской местности. Я полагаю, что в рамках этого направления исследований возможно изучить роль социального ученого как модератора и фасилитатора публичной дискуссии о траектории развития российского села. Инструментами коллаборации здесь могут стать различные open calls, конференции и и медиапроекты, релевантные тематике исследовательского проекта, как подготовленные исследователями, так и не обязательно связанными с наукой фигурами. Удачные примеры выдержанного нейтралитета в журналистских репортажах можно найти в интервью с переселенцами в популярных изданиях Afisha Daily¹⁴ и Правмир¹⁵, кроме того, существует большое количество самых разных по формату проектов о вымирании российских деревень. Исследователям только предстоит оценить потенциал и акторов публичной дискуссии при разговоре о развитии российского села. Такие исследования, как я надеюсь, могут позволить транслировать ценность человеческого капитала села и помогать искать способы его сохранения.

Подводя итог, в публичном отражении постаграрных исследований я считаю наиболее важным вовлечение как можно большего количества заинтересованных сторон — одновременно для преодоления кризисного периода и оформления традиции исследовательской оптики. С точки зрения подобной дискуссии, концепция постаграрности продуктивна потому что она находит точки пересечения между архаичными институтами и новыми практиками. Полученные в ходе проекта данные о новшествах в жизни российского села могут служить развитию макроконтекста: переход к экономике, основанной на данных — технологиях IoT, больших данных как части такого исследования. Преимущество концепции заключается еще и в том, что проявления постаграрности можно встретить вокруг нас — даже трансформация Московской агломерации с точки зрения науки некоторые исследователи называют постаграрной. Так, в своем исследовании А.Г. Махрова, Т.Г. Нефедова и А.И. Тревиш¹⁶ отмечают неуклонный тренд развития московской области как постиндустриального ландшафта, что открывает для нее перспективу постаграрной трансформации. С развитием транспортных

---

¹⁴ Клементьева К. Чем ты ближе к земле: как приехать в деревню и вернуть туда жизнь // Afisha Daily. 30.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/15474-chem-ty-blizhe-k-zemle-kak-pereehat-v-derevnyu-i-vernut-tuda-zhizn/> (Дата обращения 30.08.2025).

¹⁵ Луданов И. «В Москве стало невмоготу». Три истории семей, которые уехали из города в деревню навсегда // Правмир. 15.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/v-moskve-stalo-nevmogotu-tri-istorii-semej-kotorye-uehali-iz-goroda-v-derevnyu-navsegda/> (Дата обращения 30.08.2025).

¹⁶ Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moscow Oblast: Territorial Structure of Post-Soviet Transformations // Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriiâ geografičeskaâ. 2023. T. 87. № 8. P. 1207–1223.

артерий (таких, как например, МЦД сегодня), авторы отмечают рост ежедневных перемещений (англ. commuting) между Москвой и территориями-сателлитами, которые теперь могут позволить местным жителям оставаться в родном городе вместо аренды жилья в Москве и выезжать в Москву при необходимости. Подобные изменения уже только сами по себе потенциально могут менять смыслы проживания в ландшафте, склоняя комьютеров в пользу выбора пригорода.

Заключение: постаграрный вектор исследований как открытая дискуссия

Подведем итог приведенных мной рассуждений. Изложенное мной видение оптики постаграрности представляет собой стык очень разных по своему происхождению, природе данных и потребности в методах наработок.

Получается, что мы создаем новую теоретическую рамку, которая служит одновременно для анализа позитивных и негативных трендов. Однако для этой теоретической рамки уж существуют развитые основы — проводимый ранее соавторами исследования Угорский проект¹⁷ может выступить продуктивной базой нашего исследования.

Главной чертой постаграрности, которая была выделена в статье, я считаю ориентацию на разработку социальной политики: используемый нами подход потенциально может выявить не только социальные проблемы, но и предоставляет возможность для подтвержденного данными, своего рода «бенчмаркинга» территорий благодаря междисциплинарному сочетанию различных типов социального познания в рамках одной процедуры анализа.

Вместе с этим, я думаю, что постаграрные исследования в России все еще нуждаются в уточнении своего фокуса — они должны выработать собственный язык и поле описываемых ими феноменов, то есть границы явления и случаи применения методологии. Например, что мы можем считать феноменом для анализа в постаграрной оптике, а что относится уже к другому кругу феноменов и, соответственно, другой исследовательской логике, пока может быть еще совсем ясно.

Наконец, исследователей может заинтересовать потенциал включения российских разработок в более глобальный контекст: как российские тренды (например, постаграрная трансформация московской агломерации, наличие дач как «вторых домов») могут соотноситься с трендами в других странах и быть полезными мировым наработкам в области постаграрности? Опыт 5-го Всемирного социологического форума показывает — мы говорим

---

¹⁷ Угорский проект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ugory.ru/> (Дата обращения: 30.08.2025).

об одних и тех же идеях (устойчивые сообщества, преодоления кризиса, плотные инициативы «снизу» и доказательные инициативы «сверху»), но мы говорим разным языком, не всегда удается обнаружить закономерности или различия при сравнении международных данных. Вместе с этим, постаграрная оптика — это попытка определения места «нового человека» в сегодняшней картине реальности, в том числе с помощью гуманитарного знания. Это сложная по своей логике, но одновременно простая по своему смыслу теоретико-методологическая рамка, которая предлагает одновременный взгляд на социальное, техническое и природное. Сегодня для постаграрности существует множество особо актуальных вопросов, подразумевающих будущее развитие — например, статус человеческого капитала. Как представитель своего поколения, мне хочется узнать: где место сегодняшней молодежи на селе? Каковы перспективы ее экономической успешности и социального благополучия? Эти и многие другие вопросы требуют сегодня внимания самых разных сообществ исследователей.

Хотелось бы, чтобы заданные в статье вопросы в будущем были сложены в единую программу исследования — и в ней, мне кажется, должны участвовать все заинтересованные стороны. Мне верится, что предложенная мной сегодня возможности для получения и оценки новых данных помогут борьбе со стереотипизацией российского села, приглашению к дискуссии большего количества стейкхолдеров. Предложенное программное эссе, по моему замыслу, должно послужить отправным этапом для поиска точек соприкосновения различных направлений научной дискуссии или наоборот, поиска противоречий, выражения несогласия для обсуждения преодоления неопределенности и решения социальных проблем с целью совершенствования социальной политики.

Мы приглашаем авторов к активной дискуссии: для развития необходима рецепция идей, дополнение, критика, поиск соотношения оптики постаграрности с другими направлениями, возможно, даже появление в рамках отдельных направлений и школ. Мы надеемся, что место постаграрности в дисциплинарной матрице российских наук будет постепенно уточняться и со временем еще более органично помогать сочетать очень разных по своему типу данных в рамках одной «зонтичной» оптики. Результаты этой дискуссии с опорой на дальнейшие полученные данные будут изложены в новых публикациях исследовательского проекта «Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций».

Литература

Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Из прошлого в будущее: сельские сообщества в условиях постаграрного вектора трансформаций // Российский научный фонд [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00055/> (Дата обращения: 30.08.2025).

Ильин В.И. Дуальный образ жизни: российская версия в контексте истории и современности // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 6–26.

Клементьева К. Чем ты ближе к земле: как приехать в деревню и вернуть туда жизнь // Afisha Daily. 30.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/15474-chem-ty-blizhe-k-zemle-kak-pereehat-v-derevnyu-i-vernut-tuda-zhizn/> (Дата обращения 30.08.2025).

Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.

Луданов И. «В Москве стало невмоготу». Три истории семей, которые уехали из города в деревню навсегда // Правмир. 15.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/v-moskve-stalo-nevmogotu-tri-istorii-semej-kotorye-uehali-iz-goroda-v-derevnyu-navsegda/> (Дата обращения: 30.08.2025).

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

Покровский Н. Как профессор ВШЭ осваивает сельскую местность // Perspectum. 11.04.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://perspectum.info/kak-professor-vshe-osvaivaet-selskuyu-mestnost/> (Дата обращения: 30.08.2025).

Покровский Н.Е. Постаграрность и дезурбанизация: новый взгляд на перспективы внегородских территорий (история, модели, теоретические подходы) // Человек. 2025. Т. 36. № 4. С. 7–35.

Угорский проект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ugory.ru/> (Дата обращения: 30.08.2025).

Шилова В.А., Быков К.В., Гречаная А.А., Кожарин В.Л. Практики организации сельского туризма в контексте постаграрного вектора развития внегородских территорий на примере Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т.11. № 1. С. 262–277.

Buchatskii A. Understanding the Post-Agrarianism of Rural Areas: Post-Agrarianism as a Theoretical Concept and a Research Framework // Book of Abstracts accepted for presentation at the 5th ISA Forum of Sociology July 6–11, 2025 | Rabat, Morocco. International Sociological Association, 2025. P. 151.

Cascio J. Facing the Age of Chaos // Medium. 29.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (Дата обращения 30.08.2025).

Jacobs J. Dark Age Ahead. New York: Vintage Books, 2005.

Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moscow Oblast: Territorial Structure of Post-Soviet Transformations // Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ geografičeskaâ. 2023. Т. 87. № 8. P. 1207–1223.

References

Buchatskii A. Understanding the Post-Agrarianism of Rural Areas: Post-Agrarianism as a Theoretical Concept and a Research Framework, in *Book of Abstracts accepted for presentation at the 5th ISA Forum of Sociology July 6–11, 2025*. Rabat, Morocco. International Sociological Association, 2025.

Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Le sens pratique] / transl. from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaja, S.N. Zenkin, N.A. Ed. in-chief N.A. Shmatko. Saint Petersburg: Aletejja, 2001 (in Russian).

Cascio J. Facing the Age of Chaos. *Medium*. 29.04.2020 [Electronic resource]. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d> (date of access: 30.08.2025).

Il'in V.I. Dual'nyj obraz zhizni: rossijskaja versija v kontekste istorii i sovremennosti [Dual way of life: Russian version in the context of history and modernity]. *Mir Rossii*. 2025. Vol. 34. N 2. P. 6-26 (in Russian).

Iz proshlogo v budushhee: sel'skie soobshhestva v uslovijah postagrarnogo vektora transformacij [From Past to Future: Rural Communities in Conditions of a Postagrarian Vector of Transformations]. *Russian Science Foundation* [Electronic resource]. URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00055/> (date of access: 30.08.2025) (in Russian).

Jacobs J. *Dark Age Ahead*. New York: Vintage Books, 2005.

Klement'eva K. Chem ty blizhe k zemle: kak priehat' v derevnju i vernut' tuda zhizn' [The Closer You are to The Land: How to Come to The Village and Bring Life Back There]. *Afisha Daily*. 30.04.2020 [Electronic resource]. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/15474-chem-ty-blizhe-k-zemle-kak-pereehat-v-derevnyu-i-vernut-tuda-zhizn/> (date of access: 30.08.2025) (in Russian).

Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* [La production de l'espace]. Moscow: Strelka Press, 2015 (in Russian).

Ludanov I. "V Moskve stalo nevmogotu". Tri istorii semej, kotorye uehali iz goroda v derevnju navsegda ["It Became Unbearable in Moscow". Three Stories of Families Who Left The City For The Countryside Forever]. *Pravmir*. 15.07.2019 [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/v-moskve-stalo-nevmogotu-tri-istorii-semej-kotorye-uehali-iz-goroda-v-derevnyu-navsegda/> (date of access: 30.08.2025) (in Russian).

Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moscow Oblast: Territorial Structure of Post-Soviet Transformations. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ geograficheskaâ*. 2023. Vol. 87. N 8. P. 1207–1223.

Nefedova T.G. *Sel'skaja Rossija na pereput'e: geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2003 (in Russian).

Pokrovskij N. Kak professor VShJe osvivaet sel'skuju mestnost' [How a Professor of The Higher School of Economics Develops Rural Areas]. *Percep-*

tum. 11.04.2024 [Electronic resource]. URL: <https://perspectum.info/kak-profesor-vshe-osvaivaet-selskuyu-mestnost/> (date of access: 30.08.2025) (in Russian).

Pokrovskij N.E. Postagrarnost' i dezurbanizacija: novyj vzgljad na perspektivy vnegorodskih territorij (istorija, modeli, teoreticheskie podhody) [Postagrarianism and desurbanization: a new look at the prospects of non-urban areas (history, models, theoretical approaches)]. *Chelovek*. 2025. Vol. 36. N. 4. P. 7–35 (in Russian).

Shilova V.A., Bykov K.V., Grechanaja A.A., Kozharin V.L. Praktiki organizacii sel'skogo turizma v kontekste postagrarnogo vektora razvitija vnegorodskih territorij na primere Nizhegorodskoj oblasti [Practices of rural tourism organization in the context of the post-agrarian vector of development of extra-urban territories on the example of Nizhny Novgorod region]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie*. 2025. Vol.11. N. 1. P. 262–277 (in Russian).

Ugorskij projekt [Ugory Project] [Electronic resource]. URL: <http://www.ugory.ru/> (date of access: 30.08.2025) (in Russian).

Understanding Post-Agrarian Research: Postagrarianism of Rural Russia as Theoretical Optics and Applied Methodology

Arsenii Buchatskii, Research Assistant, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), abuchatskii@hse.ru

This program article is devoted to the discussion on the basic principles of the concept of postagrarianism as a theoretical framework and methodology of analysis. Based on the results of the research team, literature review and moderation of the academic discussion, the author outlines one of the possible views on the concept. Postagrarian optics in the author’s understanding is a relatively new and comprehensive analytical scheme that combines different types of data (of social studies, humanities and science), because of which it can be used in justifying social policy measures to overcome the crisis state of the Russian rural areas. The author reveals the strengths of postagrarianism: theoretical saturation at both macro- and micro levels of analysis, ability to integrate with existing discussions in the field of rural and urban sociology, and consideration of a wide heterogeneous range of interested stakeholders. At the same time, challenges for post-agrarian optics are outlined: the need for the right degree of generalization, limitation of explanatory potential within the research approach, heterogeneity of cases, formation of its own established research language. This article invites researchers to join the discussion on the future of post-agrarian research in Russia in order to jointly discuss the development of its tradition.

Keywords: postagrarianism, Russian villages, rural crisis, desurbanization, counterurbanization, migration, interdisciplinarity, social policy

For citation: Buchatskii A.G. (2026) The Impact of an Exam-Oriented Education System on Specialization Choice and Youth Employment in Eastern China // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 117-131.

Date of receipt: 01.09.2025.

Адаптивные стратегии горожан: гибридность городских и сельских практик в освоении внегородского пространства

Алена Макшанчикова, выпускник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), a.makshanchikova@mail.ru

В статье анализируется феномен современного дачного пространства и деурбанизации в России как ответ на эпидемиологические, экономические и социокультурные вызовы последних лет. В условиях пандемии COVID-19 городское население стало искать альтернативные способы организации жизненного пространства, массово переезжая в сельские районы и трансформируя дачи из сезонных объектов в многофункциональные площадки для постоянной жизни, работы и саморазвития. Эмпирической основой исследования стали глубинные интервью и кейс-анализ, выявившие широкий спектр адаптивных стратегий: гибридное проживание, экономическую и цифровую гибридность, ориентацию на самодостаточность и развитие сетей взаимопомощи. В работе раскрываются механизмы интеграции городских и сельских практик, формирование новых типов социальных связей и цифровых сообществ. К рассмотрению предложены описания элементов адаптивных стратегий: экономическая гибридность, развитие неформальных сетей взаимопомощи и форм локальной кооперации. Показано, как цифровые технологии расширяют возможности поддержания социальных и профессиональных связей вне города. Отдельно выделяются механизмы интеграции с местными жителями и формирования новых сообществ, что способствует появлению устойчивых форм нового уклада жизни.

Ключевые слова: деурбанизация, гибридное проживание, сельская миграция, адаптивные стратегии, цифровая гибридность, локальные сообщества

Для цитирования: Макшанчикова А.Ю. Адаптивные стратегии горожан: гибридность городских и сельских практик в освоении внегородского пространства // Метаморфозис. 2026. Т. 10. № 3. С. 132-143.

Дата поступления: 04.03.2026.

Деурбанизация как терапевтическая мобильность

В последние годы заметно усилилась тенденция к поиску альтернативных форм жизненного уклада за пределами крупных городов. Эпидемиологические, политические, социокультурные и технологические вызо-

вы предоставили горожанам новые возможности для дистанцирования от городской среды и формирования собственной экосистемы действий и повседневности на периферии.

В условиях эпидемического кризиса фиксировали центробежные мобильности: “вытесняющие” миграционные процессы происходили под влиянием кризисных обстоятельств¹. В период пандемии COVID-19 значительная часть городского населения России стала массово переезжать в сельские районы². В результате дачи, традиционно воспринимавшиеся как сезонные места отдыха, трансформировались в полноценные многофункциональные пространства для жизни, работы и самореализации.

Этот процесс соответствует теоретическим представлениям Арджуна Аппадурай о «производстве локальности»³, согласно которым новые значения и функции пространства формируются через коллективные практики и взаимодействие переселенцев. Пандемия стала катализатором переосмысления дачных поселений, которые обрели статус зон защищённости и автономии. Исследования фиксируют, что с городскими мигрантами в сельскую среду проникают и новые формы быта, ценностей и культурных практик, что ведет к изменению социального ландшафта самих сельских районов. Городской опыт, привнесённый в деревню, способствует возникновению новых сельских локальностей, где пересекаются и сочетаются черты городской и сельской жизни.

Опираясь на исследовательские подходы К. Халфакри и К. Митчелл, внегородское пространство в данном исследовании трактуется как перспективный ресурс адаптации не только к текущему кризису, но и к потенциальным кризисным ситуациям в будущем⁴.

При этом концепция «клеточной глобализации» Н.Е. Покровского подчеркивает, что глобальные процессы и тренды охватывают даже самые отдалённые территории, что ярко проявляется, например, на примере изменений российского Ближнего Севера⁵. Таким образом, современная деурбанизация выступает не только как адаптивная стратегия и ответ на внешние вызовы, но и как источник новых форм локальности и пространственной самоорганизации.

¹ *Bakewell O.* Conceptualizing Displacement and Migration: Processes, Conditions, and Categories // *The Migration-Displacement Nexus: Patterns, Processes, and Policies* / ed. by Koser K., Martin S. New York; Oxford: Bergahn Books, 2011. P. 14–18.

² *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г.* Сможет ли пандемия Covid-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* 2021. № 4. С. 104–115.

³ *Appadurai A.* The Production of Locality // *Appadurai A.* *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization.* Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996. P. 178–199.

⁴ *Halfacree K.H., Rivera M.J.* Moving to the Countryside ... and Staying: Lives beyond Representations // *Sociologia Ruralis.* 2011. Vol. 52. № 1. P. 92–114; *Mitchell C.J.* Making sense of counterurbanization // *Journal of Rural Studies.* 2004. Vol. 20. № 1. P. 15–34.

⁵ *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* Клеточная глобализация и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // *Социологические исследования.* 2013. № 4. С. 13–23.

Методология и специфика кейсов

В рамках исследования реализовано несколько этапов сбора данных, позволяющих изучить специфику адаптационных стратегий городских переселенцев на кейсах отдельных домохозяйств.

В рамках первой волны, проведённой в 2017 году, было организовано 37 углублённых интервью с мужчинами и женщинами в возрасте от 23 до 78 лет, преимущественно представляющими научную и творческую интеллигенцию. Все информанты переехали из крупных городов в небольшие поселения на Ближнем Севере. Региональный фокус позволил зафиксировать локальные особенности миграции и интеграции.

Вторая волна исследования, проходившая весной 2020 года в разгар пандемии, включила 15 полуструктурированных интервью с жителями Москвы в возрасте от 19 до 39 лет, которые в экстренном порядке приняли решение о временном или длительном переезде в собственные или арендованные загородные дома Московской, Владимирской, Костромской и Нижегородской областей.

Дополнительно с 2020 года осуществляется постоянный онлайн-мониторинг медийных кейсов и самостоятельных публикаций о переселении и дачной миграции. В анализ включаются как случаи индивидуальных переездов, так и семейная миграция на различные расстояния — от близких (до 100 км) до средних (до 300 км) и дальних (до 800 км) от изначального места жительства. Такой подход обеспечивает комплексное понимание мотиваций, практик и сложностей адаптации разнородных групп городского населения в новых пространственных и культурных условиях.

Анализ элементов адаптивных стратегий

Анализ доступного эмпирического материала выявляет тенденцию к гибкости и многоуровневости адаптивных стратегий у современных горожан, оказавшихся перед выбором формата и места проживания. За последние десятилетия рост плотности и усложнение городской среды повысили её уязвимость к внешним кризисам — ярким примером этого стала пандемия COVID-19, актуализировавшая поиски альтернативных жизненных моделей. Во многом благодаря развитию дистанционных форм занятости, значительная часть населения получила возможность переосмыслить свои пространственные практики, сочетая жизнь в городе с регулярным или длительным пребыванием за его пределами.

Основной вектор изменений заключается в переходе к смешанным формам проживания, когда выбор места жительства и его функционального назначения становится максимально гибким: люди строят свои графики опираясь на рабочие требования, семейные обстоятельства, индивидуальные предпочтения и возможности доступа к ресурсам. Это означает не

просто смену адреса, а глубокую перекалибровку повседневных практик, семейной организации и экономического моделирования, что влечет за собой формирование новых сетей и изменение структур социальной жизни.

Ключевыми факторами выбора таких стратегий выступают экономическая целесообразность (возможность сохранять и даже наращивать доход за счет удалённой работы), психологическая мотивация (поиск баланса между профессиональными амбициями и душевным комфортом, ощущением безопасности) и инфраструктурные условия (развитие интернет-коммуникаций, улучшение транспортной связности). Всё это формирует благоприятную среду для интеграции городских и сельских практик, а также обеспечивает устойчивую трансформацию моделей жизнедеятельности современных россиян, открывая новые возможности для адаптации к меняющимся внешним обстоятельствам.

Гибридное проживание: для чего необходима связь с городом?

Именно пандемия COVID-19 вновь сняла для жителей крупных городов императив обязательного выбора города как основного места жительства. Это позволило массово обратиться к альтернативным способам организации образовательного процесса для детей, построения собственного рабочего режима и медицинского обеспечения для старшего поколения. В результате, какую бы стратегию приспособления ни выбирали люди, город перестаёт играть ведущую роль в терапевтических процессах преодоления эпидемического кризиса: он отходит на второй план, уступая место внегородским пространствам как территории для переосмысления⁶. Горожане становятся готовы к реконструкции загородных домов, обновлению повседневных практик и пересмотру отношения к физическому и социальному пространству, формируемому вокруг себя и своей семьи.

При этом, само явление гибридного проживания, при котором человек или семья одновременно поддерживает связи с городским и загородным жильем, обусловлено сочетанием социальных, экономических и психологических факторов. Ключевую роль здесь играет экономическая зависимость от городских рынков труда: несмотря на широкое распространение дистанционной занятости, многие востребованные и высокооплачиваемые профессии (например, ИТ, финансы, консалтинг) требуют регулярных командировок, личных встреч или физического присутствия в офисе, что делает необходимым сохранение жилья в городе.

Не менее важным мотивом является доступ к специализированным услугам, сосредоточенным преимущественно в городских агломерациях.

⁶ Покровский Н.Е., Макианчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.

К таким услугам относятся качественное образование (школы, центры дополнительного обучения, кружки), современное медицинское обслуживание (терапевты, специалисты, высокотехнологичная помощь), а также насыщенная культурная жизнь с широким выбором досуговых активностей — театры, музеи, выставки, которые недоступны или существенно ограничены в сельской местности.

Психологические аспекты также оказывают значительное влияние на стратегию гибридного проживания. Неопределенность, связанная с длительной жизнью за городом, опасения по поводу социального одиночества, потери профессиональных контактов и сложности интеграции в новое сообщество становятся определяющими причинами сохранения городской недвижимости. Город в этом случае выполняет функцию «страховки» от риска неудачной адаптации и обеспечивает возможность возвращения к привычному образу жизни при необходимости.

Эмпирические исследования⁷ демонстрируют, что гибридное проживание позволяет участникам этого процесса пользоваться преимуществами как городского, так и загородного пространства, не делая окончательного выбора в пользу одного из них, и тем самым снижать уровень неопределенности в условиях современной нестабильности.

Экономическая гибридность: почему процветают «сельские подработки»?

Экономическая гибридность выступает одной из фундаментальных стратегий адаптации городских переселенцев, осваивающих жизнь в сельском пространстве. Современная миграция сопровождается формированием спектра экономических и культурных практик, в которых акцентируется тесная взаимосвязь между необходимостью диверсификации источников дохода и стремлением к самодостаточности. Как отмечает К. Халфакри⁸, гибридные стратегии городских мигрантов воплощаются не только в экономической сфере, но и в культурных установках и повседневных практиках, ориентированных на самостоятельное обеспечение и использование локальных ресурсов. Такой подход позволяет не только повысить устойчивость домашних хозяйств в условиях нестабильности, но и способствует интеграции новых форм занятости и образа жизни в структуру современных сельских сообществ.

В новых условиях нестабильности доходов и непредсказуемости рынка труда многие фрилансеры, специалисты проектной занятости и владельцы

⁷ Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Что после города? Перспективы сельско-городского жизненного пути // Человек. 2022. Т. 33, № 5. С. 44–62; Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. Клеточная глобализация и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–23.

⁸ Halfacree K.H. Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities // Population, Space and Place. 2012. Vol. 18. № 2. P. 209–224.

собственных бизнесов стремятся диверсифицировать свои источники заработка. Работа по интернету, не гарантирующая регулярного и стабильного дохода, дополняется локальными сельскими подработками, которые обеспечивают дополнительную финансовую устойчивость и уменьшают зависимость от единичного профессионального канала.

Рост востребованности подобных подработок объясняется также значительно более низкими издержками и барьерами для старта в сравнении с городом. Отсутствие расходов на аренду, более низкие налоги и тарифы, экономия на транспорте и коммунальных услугах создают благоприятные условия для запуска личного подсобного хозяйства, ремесленного производства, мелкого предпринимательства и реализации продукции на местном или онлайн-рынке. Для многих городских мигрантов такой подход оказывается экономически эффективнее и безопаснее, чем аналогичная деятельность в городе.

Важную роль в популярности сельских подработок играют и культурные особенности. Ориентация на самодостаточность, привычка к хозяйственной инициативе и ностальгия по традициям деревенского быта находят продолжение в современных условиях. Для многих новые экономические практики становятся не только способом самопроживания, но и возможностью монетизации хобби: садоводства, ремесленных навыков, деятельности в формате DIY (do it yourself) и т.д. Таким образом, экономическая гибридность выступает не только прагматичным ответом на экономические вызовы нынешнего времени, но и выражением стремления к автономии и возрождению локальных социокультурных практик, способствуя формированию устойчивых домашних хозяйств и новым моделям занятости.

Цифровое кочевничество: ИТ-работники как активные акторы исхода из города

Примечательным в контексте рассмотрения миграционных процессов становится феномен цифровых кочевников. С одной стороны, индивиды свободно выбирают места для проживания и работы в связи с удаленным форматом работы, с другой – цифровое кочевничество стимулирует трансформацию социально-экономического и культурного ландшафта выбранных территорий⁹.

В России феномен цифрового кочевничества наиболее ярко проявился среди ИТ-специалистов, которые в условиях пандемии и трансформации рынка труда одними из первых начали массово переезжать из городских центров в пригородные и сельские районы. В отличие от представителей многих других профессий, работники сферы ИТ обладают высокой мобиль-

⁹ Bozzi A. Digital nomadism from the perspective of places and mobilities: a literature review // European Transport Research Review. 2024. Vol. 16. № 1. P. 50.

ностью, так как их основные задачи (например, программирование, дизайн, реализация проектов) требуют в большей степени наличия экспертизы, компьютера и устойчивого доступа к интернету, чем физического присутствия в офисе. Это обеспечивает свободу передвижения и возможность выбирать для жизни более комфортные, экологичные и экономически выгодные форматы, среди которых удаленные места проживания.

Ключевыми мотивами для миграции ИТ-работников становятся стремление снизить издержки городской жизни. Среди них высокая стоимость аренды жилья, высокий уровень шума, повышенное время на логистику внутри города, загрязнение окружающей среды. Переезд в сельскую местность или небольшой населённый пункт позволяет в том числе высвободить финансовые ресурсы, которые можно направить на покупку собственного жилья, медицинское обслуживание или профессиональное развитие.

При этом, общий тренд глобализации ИТ-рынка позволяет специалистам, живущим, конкурировать за рабочие проекты наравне с коллегами по всему миру, что дополнительно стимулирует подобные переезды.

Однако, цифровое кочевничество сопряжено и с определёнными рисками, прежде всего связанными с недостаточной устойчивостью локальной инфраструктуры: возможными перебоями в электроснабжении, нестабильным или медленным интернетом, отсутствием специализированных сервисных служб. Для компенсации этих недостатков ИТ-мигранты вынуждены принимать дополнительные меры по обеспечению собственной технологической независимости — приобретать резервное электрооборудование, использовать несколько каналов связи, что становится характерной чертой новых ИТ-сообществ в сельских регионах.

Взаимопомощь в сообществе: развитие неформальных сетей

В сельских поселениях и дачных сообществах России неформальные сети взаимопомощи играют ключевую роль в обеспечении повседневной жизнедеятельности, особенно на фоне недостаточно развитой или отсутствующей части инфраструктурных услуг. Ограниченный доступ к общественному транспорту, услуге быстрой доставки продуктов и экстренной медицинской помощи вынуждает жителей самостоятельно создавать коллективные практики самоорганизации. На практике это выражается в формировании групп для регулярных совместных поездок в город, координации оптовых закупок продовольствия и топлива, а также взаимном обмене инструментами и другой необходимой бытовой техникой.

Существенным стимулом для развития подобных неформальных сетей служит устойчивое недоверие к государственным и муниципальным структурам, характерное для постсоветского пространства: жители склонны считать официальные институты недостаточно эффективными, поэтому

в большей степени полагаются на личные, семейные и соседские связи, что обеспечивает оперативность и надёжность социальной поддержки.

В условиях, когда денежное обращение ограничено, а доступ к традиционным сервисам минимален, особую ценность приобретают взаимные услуги, бартер и товарообмен — формы кооперации, компенсирующие издержки на отсутствие рыночных и государственных услуг. Например, в одном из дачных сообществ Ярославской области организован чат в мессенджере WhatsApp, где участники координируют закупки дизельного топлива для генераторов, делятся информацией о сезонных рынках и приглашают специалистов для ремонта оборудования.

Подобные инициативы не только способствуют формированию доверия и устойчивых горизонтальных связей между жителями, но и способствуют росту устойчивости локальных сообществ, повышая общее качество жизни при слабой формальной поддержке со стороны государства.

Создание смыслов дачного пространства: с кем созидают горожане?

Современное дачное пространство в России следует рассматривать как динамичную социокультурную систему, значения которой формируются и изменяются во взаимодействии различных групп участников. Во-первых, интеграция с местными жителями способствует развитию разнообразных коллективных практик — организации общественных мероприятий, праздников, субботников, обмена и бартера. Такие формы совместной активности укрепляют горизонтальные связи между постоянными жителями и новыми переселенцами, обеспечивают передачу локальных знаний и поддерживают участие «новых дачников» в жизни сельских сообществ.

Во-вторых, среди бывших горожан, переехавших в сельскую местность, активно развиваются кооперативные формы создания локальностей. Объединяясь для решения бытовых, экономических и инфраструктурных задач, переселенцы формируют неформальные сообщества поддержки, совместно инвестируют в развитие инфраструктуры и договариваются о совместном использовании общего имущества и территорий. Эта кооперация становится важным фактором трансформации сельского пространства, наделяя его новыми гибридными социальными и культурными чертами.

В-третьих, благодаря цифровым технологиям, дачное население сохраняет и развивает связи с городскими сообществами через онлайн-коммуникации. Тематические чаты, форумы и группы в социальных сетях позволяют дачникам совместно решать бытовые, юридические и хозяйственные вопросы, обмениваться информацией и поддерживать эмоциональные и профессиональные контакты с городскими центрами. Таким образом, смысловая структура дачного пространства сегодня определяется сложным сплетением взаимодействия с местным населением, кооперацией между

переселенцами и поддержанием цифровых связей, что превращает дачу в ядро различных форм локальности и новых пространств возможностей.

Заключение

Интеграция городского и сельского образа жизни в России становится устойчивой тенденцией, влияющей на трансформацию современной локальности. Благодаря развитию дистанционных форм занятости и непрерывному расширению онлайн-возможностей для работы, образования и досуга, для горожан стало возможным реализовывать гибридные сценарии проживания. Теперь постоянное присутствие в городе уже не выступает неизменным условием профессиональной реализации и социальной мобильности, так как значительная часть повседневных и трудовых функций доступна вне городского пространства при наличии современной цифровой инфраструктуры.

В то же время сохранение дефицита инфраструктуры в сельской местности — ограниченный доступ к медицинским услугам, товарам и сервисам — сдерживает более широкое распространение новых моделей расселения. Однако многие переселенцы проявляют готовность преодолевать эти трудности путем самоорганизации, совместных инициатив и укрепления горизонтальных сетей поддержки. Таким образом, формируется новый тип коммунальных отношений, в котором социальный капитал, взаимная поддержка и неформальные институты занимают столь же значимое место, как и традиционные городские механизмы обеспечения качества жизни.

Стратегии, используемые поколением новых переселенцев, отражают не столько тактический ответ на внешние вызовы (такие как пандемии, эпидемиологические угрозы или экономическая нестабильность), сколько глубокую перекалибровку жилищных и поведенческих установок. В результате «вторые дома» преобразуются в полноценные пространства для долгосрочного проживания и многофункционального использования — как для отдыха и оздоровления, так и для профессиональной деятельности. Это создает предпосылки для формирования устойчивых поселковых кластеров, состоящих из бывших городских жителей.

Таким образом, наблюдаемая трансформация дачного пространства и активное внедрение гибридных моделей жизни сигнализируют о развитии деурбанизации, контекстом которого становится неразрывное взаимодействие локальных и глобальных факторов, городских и сельских практик, а также постоянное обновление адаптационных стратегий. В долгосрочной перспективе такие изменения могут привести к переосмыслению традиционных расселительных моделей и институционализации новых форм российской локальности, основанных на балансе мобильности, безопасности, экономической эффективности и качества жизни.

Литература

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г. Сможет ли пандемия Covid-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. № 4. С. 104–115.

Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.

Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Что после города? Перспективы сельско-городского жизненного пути // Человек. 2022. Т. 33. № 5. С. 44–62.

Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. Клеточная глобализация и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–23.

Appadurai A. The Production of Locality // Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996. P. 178–199.

Bakewell O. Conceptualizing Displacement and Migration: Processes, Conditions, and Categories // *The Migration-Displacement Nexus: Patterns, Processes, and Policies* / ed. by Koser K., Martin S. New York; Oxford: Bergahn Books, 2011. P. 14–18.

Bozzi A. Digital nomadism from the perspective of places and mobilities: a literature review // *European Transport Research Review*. 2024. Vol. 16. № 1. P. 50.

Halfacree K.H. Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities // *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18. № 2. P. 209–224.

Halfacree K.H., Rivera M.J. Moving to the Countryside ... and Staying: Lives beyond Representations // *Sociologia Ruralis*. 2011. Vol. 52. № 1. P. 92–114.

Mitchell C.J. Making sense of counterurbanization // *Journal of Rural Studies*. 2004. Vol. 20. № 1. P. 15–34.

References

Appadurai A. The Production of Locality, in: Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London, University of Minnesota Press, 1996. P. 178–199.

Bakewell O. Conceptualizing Displacement and Migration: Processes, Conditions, and Categories, in *The Migration-Displacement Nexus: Patterns, Processes, and Policies* / ed. by Koser K., Martin S. New York; Oxford, Bergahn Books, 2011. P. 14–18.

Bozzi A. Digital nomadism from the perspective of places and mobilities: a literature review. *European Transport Research Review*. 2024. Vol. 16. N. 1. P. 50.

Halfacree K.H. Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities. *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18. N. 2. P. 209–224.

Halfacree K.H., Rivera M.J. Moving to the Countryside ... and Staying: Lives beyond Representations. *Sociologia Ruralis*. 2011. Vol. 52. N. 1. P. 92–114.

Makhrova A.G., Nefedova T.G. Mozhet li pandemia Covid-19 stimulirovat' suburbanizatsiyu v Tsentral'noy Rossii? [Could the COVID-19 pandemic stimulate suburbanization in Central Russia?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2021. N. 4. P. 104–115 (in Russian).

Mitchell C.J. Making sense of counterurbanization. *Journal of Rural Studies*. 2004. Vol. 20. N. 1. P. 15–34.

Pokrovsky N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. Obratnaya migratsiya v usloviyakh pandemicheskogo krizisa: vnegorodskie prostranstva Rossii kak resurs adaptatsii [Reverse migration in the context of a pandemic crisis: Russia's extra-urban spaces as a resource for adaptation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020. N. 12. P. 54–64 (in Russian).

Pokrovsky N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. Chto posle goroda? Perspektivy selskogo-gorodskogo zhiznennogo puti [What after the city? Prospects of a rural-urban life path] *Chelovek*. 2022. Vol. 33. N. 5. P. 44–62 (in Russian).

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. Kletochnaya globalizatsiya i tendentsii v selskikh soobshchestvakh Blizhnego Severa [Cellular globalization and trends in rural communities of the Near North]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. N. 4. P. 13–23 (in Russian).

Urban Residents' Adaptive Strategies: The Hybrid Nature of Urban and Rural Practices in the Development of Peri-Urban Areas

Alena Makshanchikova, graduate, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), a.makshanchikova@mail.ru

The article analyzes the phenomenon of modern dacha spaces and deurbanization in Russia as a response to the epidemiological, economic, and sociocultural challenges of recent years. During the COVID-19 pandemic, urban residents began to seek alternative ways to organize their living environments, increasingly relocating to rural areas and transforming dachas from seasonal properties into multifunctional sites for permanent residence, work, and self-development. The empirical foundation of the study is based on in-depth interviews and case analysis, which reveal a wide range of adaptive strategies, including hybrid modes of living, economic and digital hybridity, a focus on self-sufficiency, and the development of mutual aid networks. The paper explores the mechanisms by which urban and rural practices are integrated, the formation of new types of social connections, and the emergence of digital communities. Special attention is given to specific elements of adaptive strategies such as economic and digital hybridity, the growth of informal mutual support networks, and the creation of local cooperative forms. The study demonstrates how digital technologies expand opportunities for maintaining social and professional ties outside the city. Mechanisms for integration with local residents and the formation of new communities are identified, contributing to the emergence of sustainable patterns of a new way of life.

Keywords: deurbanization, hybrid residence, rural migration, adaptive strategies, digital hybridity, local communities

For citation: Makshanchikova A.Yu. (2026) Urban Residents' Adaptive Strategies: The Hybrid Nature of Urban and Rural Practices in the Development of Peri-Urban Areas // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 3. P. 132-143.

Date of receipt: 04.03.2026.